

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ирина Замотина

Pro-life

Ирина Замотина

Pro-life

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41261588
SelfPub; 2019*

Аннотация

Что вы сделаете, если вам предложат увеличить продолжительность жизни до ста двадцати лет? Вы моментально согласитесь или возьмёте паузу для раздумий? Изменится ли ваше решение, если цена у долгой жизни окажется слишком высока? Например, гибель будущих поколений. Вы будете жить долго и счастливо, зато ваши правнуки никогда не родятся. Герои книги Pro-life уже попытались найти свои ответы, попробуйте и вы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	65
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	87
Глава 12	92
Глава 13	100
Глава 14	104
Глава 15	111
Глава 16	114
Глава 17	124
Глава 18	131
Глава 19	137
Глава 20	141
Глава 21	147
Глава 22	153
Глава 23	157

Глава 24	162
Глава 25	180
Глава 26	183
Глава 27	189
Глава 28	194
Глава 29	203
Глава 30	212
Глава 31	221
Глава 32	226
Глава 33	229
Глава 34	235
Глава 35	241
ЭПИЛОГ	245

Глава 1

Александр стоял перед огромным полированным зеркалом и поправлял шёлковый галстук. В голове завязла жвачка из заученной утром речи и десяти магических секретов успешного оратора, вдолблённых на психологических интенсивах.

Он встряхнул головой, избавляясь от навязчивых воспоминаний, в последний раз поправил воротничок рубашки и провёл ладонями по ткани пиджака, разглаживая несуществующие складки. Чуть успокоившись, он вытянулся по стойке смирно и протяжно выдохнул. Забавно, что за последние двадцать лет, проведённые в большой политике, Александр так и не научился равнодушно относиться к публичным выступлениям. Большие аудитории и толпы слушателей по-прежнему вызывали лёгкую нервозность и нестерпимую сухость в горле, от которой не было спасения.

Он взглянул на часы: до выхода оставалось ещё три минуты. На подобные собрания всегда лучше было опаздывать на пять-десять минут, чтобы гости суетливые журналисты успели занять места, вдоволь наговориться и даже начать нетерпеливо постукивать носком ботинка – иначе они не ощущали достаточной солидности собрания и уходили разочарованными. При этой мысли он улыбнулся уголком рта, который тут же спрятался в белоснежном облаке аккуратной бо-

роды.

Александр пристально посмотрел на своё отражение и с удовлетворением отметил, что за последние десять лет ни капли не изменился: тот же высокий рост, подтянутая фигура бывшего гребца и по-прежнему густая, пусть и поседевшая копна волос. Даже глаза, по слухам выцветавшие от применения Теломеразина, в его случае остались такими же зелёными и колкими, как в ранней юности. Только, пожалуй, гладкая кожа, слишком загорелая на фоне белых волос, при этом освещении казалась пергаментной. Но в целом выглядел он гораздо моложе собственного возраста.

Оглядев себя ещё раз и убедившись, что наглаженный костюм сидит идеально, а начищенные носки ботинок ослепительно блестят, Александр направился к массивной позолоченной двери. Он прикрыл глаза, ощущая, как за стеной заиграла торжественно-мёртвая мелодия гимна, и громогласный голос раскатисто объявил:

– Президент Евразийского Союза, Александр Свободин!

Дверь распахнулась, и ослепляющий свет заполнил окружающее пространство.

Глава 2

Маша, вернее, Мэри, как она сама себя называла, сидела перед экраном и раздражённо тёрла глаза. Виртуальная лекция закончилась ещё пять часов назад, но заданный реферат «Борьба Евразийского союза за здоровье нации» всё так же был далёк от завершения. Мэри всегда ненавидела историю, поскольку та ей казалась самой продажной и политизированной из всех наук. Но отказаться от хорошей оценки студентка-бюджетница второго курса Европейской академии просто не могла.

Мэри тяжело вздохнула, встала со стула и направилась на маленькую уютную кухоньку общажной квартирки. Там, заглянув в холодильник, но ничего не обнаружив, она обиженно хлопнула дверцей и нажала на кнопку древней кофеварки. Мэри так и не привыкла к поистине микроскопическому размеру жилища и допотопности мебели. Но аренда другой недвижимости для студентки из далёкой Белгородской провинции была непосильной ношей.

Мэри разворошила короткий ёршик волос и достала кружку, чтобы налить обжигающий напиток. Сегодня ещё нужно было сделать домашнее задание по русскому языку, дававшемуся ей с огромным трудом, а ещё неплохо было бы зайти на сайт их молодёжного объединения, чтобы просмотреть анкеты новых кандидатов. Слишком много дел. Она об-

речённо опустила плечи. Надоело...

Мэри подождала, пока последняя капелька кофе упала в кружку, обхватила её ладошками и подошла к окну, из которого благодаря шестидесятому этажу открывался прекрасный вид на три главные транспортные артерии города: полупрозрачные голубоватые ленты энергетических полей, образующих проезжую часть. Пять этажей, по каждому из которых бежали определённые типы транспорта, оплетали весь город, позволяя быстро перемещаться из одной части в другую.

Огромные сталагмиты небоскрёбов протянули костлявые копыя громоотводов и антенн до самого горизонта. Тяжёлое вечернее небо медленно опускалось на город, то и дело озаряясь яркими вспышками загорающихся в небе рекламных надписей и постеров. Окна не пропускали звуки улиц, но Мэри знала, что Москва наполнена привычным столичным шумом. Власти страны не жалели денег на благоустройство города, хотя в основном эти средства уходили на новые торговые и развлекательные комплексы. Мэри прижалась лбом к стеклу, наслаждаясь пластиковой прохладой и втягивая манящий аромат лаванды, распространяемый кубиком фиолетового освежителя воздуха.

«Забавно, ведь я никогда не нюхала настоящую лаванду... – Пронеслось у неё в голове. – Она отличается от искусственной или нет? Надо сходить в Ботанический сад».

Город тем временем приоткрыл хищные глаза окон, вме-

сто занавесок заклеенных синеватой матовой плёнкой, пропускавшей только слабое свечение. Она позволяла обитателю квартиры или офиса одновременно прекрасно видеть внешнее пространство и при этом оставаться невидимым самому. Мэри представилось, что у каждого из многотысячных окон сейчас так же стоит человек или даже целая семья и смотрит вперёд в надежде увидеть кого-нибудь в темноте...

Неожиданно включилось уличное освещение, окрасившее столицу в холодный голубой – город превратился в операционную. Мимо окна пронеслась ярко-красная карета скорой помощи. В столице городские службы перешли на воздушный транспорт, что позволяло добираться до места происшествия в считанные минуты.

Мэри сделала большой глоток кофе и, медленно развернувшись, отправилась к рабочему месту. Она осторожно опустилась в скрипучее кресло и открыла ноутбук – пожалуй, единственную ретровещь, которую она по-настоящему любила. Ей нравилось равномерное пощёлкивание почти стёртых клавиш и блеклость монитора. Сидя за этим раритетным агрегатом, Мэри представляла себя писателем или успешным журналистом прошлого, свободно выливающим потоки мыслей на единомышленников в огромном море блогосферы. Временами она даже сомневалась, что были времена, когда любой мог написать на своей странице или в комментариях критическое замечание и оскорбление. Неслышанное, отчаянное нахальство. Но тогда ещё не было Мини-

стерства массовых коммуникаций, которое ежедневно про-
чёсывало йоттабайты информации в поисках правонаруши-
телей.

Современные компьютеры не шли ни в какое сравнение с
её ветераном. Они выглядели как узкая гибкая полоска, ко-
торая прикреплялась к любой горизонтальной поверхности
и тут же создавала виртуальную модель полноценной клави-
атуры и большого монитора, остававшегося чёрным экраном
для всех, кроме пользователя и его «ближнего круга».

Мэри открыла файл с рефератом и попыталась сконцен-
трироваться. Не получилось. Она несколько раз ударила ла-
донью по лбу в надежде хоть как-то простимулировать мыс-
лительный процесс и погрузилась в чтение.

«Итак. Предпосылки формирования Евразийского союза. Первоначально концепция Евразийского союза представляла собой идею политического объединения бывших советских республик, в центре которого в 2010-х стояли Россия, Белоруссия и Казахстан. Предложение витало в воздухе долгое время, поддерживаемое и отвергаемое в разные периоды всеми участниками коалиционного процесса. В 2020-х данный процесс ускорился, благодаря всё усиливавшемуся противостоянию с Америкой и Евросоюзом...»

Мэри почесала подбородок и продолжила:

«12 августа 2020 года Россия, Белоруссия и Казахстан подписали декларацию о создании Союза с единой валютой и системой управления. В следующие два года к объединению

примкнули Грузия, Армения, Узбекистан и Таджикистан. В 2029 о своём желании присоединиться заявил ряд стран Латинской Америки.

Одновременно с этим происходит другой интеграционный процесс: представители Евросоюза, фактически утратившего автономию в результате инертной проамериканской политики, так и не смогли оторваться от союзника и подписали новый вариант устава НАТО, представлявший собой сдачу всех полномочий Вашингтону. В ответ Америка сделала «глобальный поворот на восток», заключив ряд союзных соглашений с государствами Ближнего Востока и Африки.

Противостояние, усиленное рядом социальных и экономических проблем, нарастало. Особую роль в борьбе двух лагерей сыграла победа на выборах в Государственную Думу России партии «Русь» во главе с Фёдором Гулиным. Центристская и даже правая программа партии и нового президента предполагала возрождение традиционных и семейных ценностей, усиление роли церкви в государственном управлении, укрепление армии и развитие внутреннего рынка сбыта.

10 июня 2032 года в Екатеринбурге была подписана декларация о создании нового единого государства – Евразийского союза, объединившего бывшие Россию, Белоруссию, Казахстан и Монголию. Вслед за этим страны НАТО закрепили союз, образовав «Объединение мира» – коалицию государств во главе с Вашингтоном. Начался очередной виток

Холодной войны.

В 2035 году учёный из США Джон Левкович создал препарат Теломеразин – первое лекарство от старости. Доклинические исследования показали, что препарат увеличивает продолжительность жизни мышей и кроликов в три раза. В рамках клинических испытаний шимпанзе, принимавшие лекарство, прожили в два с половиной раза дольше, чем контрольная группа. Авторы сыворотки спрогнозировали увеличение средней продолжительности жизни человека до ста пятидесяти лет. Статья, опубликованная в «Нэйче», произвела эффект разорвавшейся бомбы. За первую неделю фармкомпания «Фармитекс» получила более пятидесяти миллионов предзаказов на приобретение препарата. Это вызвало масштабные выступления религиозных и традиционалистских организаций.

Несмотря на объективную невозможность провести исследования в нескольких поколениях и подтвердить безопасность препарата, он сразу был запущен в производство в странах Объединения мира. Объём продаж Теломеразина рос с каждым месяцем. Сотни тысяч людей приобретали препарат, игнорируя значительные ограничения – высокую рыночную стоимость, обязательный отказ от претензий в случае возникновения побочных эффектов и главное – возрастной лимит. Теломеразин оказывает положительное воздействие на продолжительность жизни только при регулярном применении (каждые пять лет), при этом первый

приём должен произойти до пубертатного периода, то есть до наступления десяти-одиннадцати лет.

Однако в 2045 году группа евразийских учёных во главе с Арсением Ивановым опубликовала доклад, в котором делалось предположение о наличии у Теломеразина существенно побочного эффекта – снижения фертильности и способности к зачатию у людей, принимавших препарат и их потомков. Согласно прогнозам учёных, в третьем-четвёртом поколении у принимавших препарат наступает тотальное бесплодие. Полностью опровергнуть или доказать эту гипотезу смогут только результаты Гарвадского эксперимента на человекоподобных обезьянах. В 2062 году третье поколение обезьян должно дать потомство. Научный мир замер в ожидании результатов судьбоносного эксперимента.

В настоящий момент идёт активная полемика о вреде и пользе препарата. В ряде государств, в том числе Евразийском союзе, ввоз и приём препарата по-прежнему запрещён. Однако уже не первый год различные организации, министерства и врачи выступают с инициативой снять данное ограничение. Вопрос о разрешении препарата остаётся одним из ключевых в повестке дня действующего правительства во главе с президентом Александром Свободным и премьер-министром Виктором Прагминым. Демократическая партия «Свобода», лидерами которой они являются, пришла к власти в 2049 году в результате «Мягкой революции» и в данный момент составляет большинство в Госу-

дарственной Думе.

Несмотря на очевидные достижения в развитии страны, рост производства, улучшения в экономической и социальной сферах, которые отмечают даже противники действующей власти, «Свободу» часто критикует за инертную традиционалистскую политику, оставшуюся в наследство после предыдущей власти. Так, запрет на Теломеразин наравне с цензурой в СМИ и преступлениями против прав человека неоднократно вызывали острую критику американского правительства...»

– Мда... – мрачно констатировала Мэри. – Без полстакана не разберёшься.

Новая программа высшего образования вызывала сомнения в адекватности её авторов. Учебники, в особенности гуманитарные, не оставляли надежды на возникновение у читателя хоть какой-нибудь разумной мысли или, не дай бог, логического вывода, и были похожи на вольный пересказ чужой статьи с произвольной расстановкой акцентов. Мэри скрепя сердце скомпоновала реферат из нескольких учебников и теперь торговалась с совестью, стоит ли его сдать таким или всё же написать собственное мнение.

Вдруг в голове зазвучала любимая песня молодого корейского бойз-бенда – мелодия звонка её интрокома (портативного смартфона, изготовленного в форме изящной пары серёжек). Мэри вздрогнула от неожиданности и аккуратно нажала на кнопку сзади. Перед глазами тут же возник

небольшой экран, а вокруг головы невидимая сфера, мешавшая распространению звука. Странно, но в этот раз на экране вместо изображения собеседника красовался только ярко-красный кукиш.

– Да? – чуть настороженно произнесла Мэри.

– Здравствуй.

– Кто это?

– Не задавай вопросы! – глухо прошептал неизвестный. – Ты нас не знаешь, но мы твои друзья. Ты хорошо себя показала на последнем марше протеста. Мы бы хотели увидеть тебя в наших рядах. Мы должны быть вместе. Правительство хочет нас уничтожить.

– Но...

– Молчи! Будь завтра в полдень в Окопе. Мы тебя найдём!

Раздался грохот, как будто на том конце что-то упало, и связь прервалась. Мэри ошарашенно огляделась по сторонам и на всякий случай проверила, нет ли в квартире посторонних.

Глава 3

Александр уже третий час сидел неподвижно. Правая нога мучительно зудела, и ужасно чесалось плечо, но он продолжал терпеть, внимательно сосредоточившись на докладе министра финансов. Президент не часто встречался с кабинетом министров, поскольку эта процедура, всегда казавшаяся тошнотворной формальностью, за два года до очередных парламентских выборов превращалась в смотр народной самодеятельности в районном Доме культуры. Событие широко освещалось по телевидению и в интернете, соответственно каждый старался продемонстрировать максимум убедительности, красноречия и умения обыгрывать подчас противоречивые факты.

Александр прекрасно знал, кто, где и в чём конкретно врёт, искажает данные или недоговаривает, благо, отчёты о состоянии той или иной отрасли хозяйства исправно каждое утро ложились ему на стол в аккуратных красных папочках. Министры об этом знали, но нужно было доигрывать фарс до конца. Государственная власть по большей части состояла не из принятия решений, выполнения планов и уж тем более не из коррупции, получения взяток и строительства вилл с вертолётными площадками, а из банального лицемерия. В самой сути своей она заключалась в многочасовом сидении с серьёзной миной и понимающим взглядом, в бесчислен-

ных одобрительных кивках, когда очередной подчинённый, краснея, задыхался то ли от тугого галстука, то ли от страха, в незадаанных вопросах и не уточнённых данных, а главное: в вечном молчании, которое приходится хранить, когда хочется заорать.

– Состояние национальной валюты в текущем финансовом году... – монотонно бубнил министр финансов, Максим Светлофф, короткий лысоватый, но очень мозговитый человек. Он проделал большой путь от рядового бухгалтера на провинциальном консервном заводике до министра финансов. Безумно этим гордился и до такой степени дорожил своими мозгами, что добровольно отказывался от приёма каких-либо медикаментов из-за возможного побочного эффекта на когнитивную деятельность. От этого он всегда был простужен и противно гнусавил.

Президент оглядел левую сторону стола. Все те же до боли знакомые лица – заклятые недруги, преданные соперники, самые сливки политического террариума. Рядом с ним сидел министр обороны – подтянутый, бравый спортсмен с прекрасным именем Юлиан Бергер и улыбкой на миллион долларов. Он был неизбежным злом и вынужденной платой Александра за поддержку на выборах. Его пурпурная рубашка выгодно, как всегда, оттеняла многослойный загар и каштановые волосы, благодаря которым казалось, что и в кабинет министров он приходит только ради очередного селфи.

Справа от него – министр иностранных дел – высокий су-

хопарый джентльмен, похожий на знак вопроса, прозванный за глаза Веней за старомодную привычку носить очки и выставлять вперёд длинный палец во время спора, и министр образования Анджела Матвеева – красивая белокурая женщина, потратившая не один год и не одно состояние, чтобы стать похожей на американскую киноактрису прошлого века. Чуть в сторону расположились накаченный и красивый министр здравоохранения Иван Суслов и похожий, как две капли воды, на него министр спорта Майкл Бренсон.

Министр культуры Сергей Сверкин – единственный открытый гей в правительстве, сидел поодаль и деловито копался в бумагах. Кажется, он затеял новый проект и хотел предложить его кабинету министров. Инициативный и чересчур активный, он вызывал раздражение и насмешки, хотя искренне хотел сделать что-то полезное.

Но была на этом празднике бессмыслия и одна занимательная личность – Виктор Прагмин, председатель правительства. Худой жилистый мужчина, потерявший уже добрую половину волос, замер в самом конце стола прямо напротив Александра, сосредоточенно уставившись в пустоту. Холодные серые глаза чуть прищурены, лоб напряжён, а пальцы левой руки едва заметно перебирают что-то невидимое. Александр давно заметил эту странную особенность. Казалось, министр перебирает страницы известной одному ему книги.

С Виктором они были знакомы более пятнадцати лет.

Президент отлично помнил их первую встречу. Молодой и амбициозный студент ворвался на заседание их партии с целой кипой предложений и замечаний к политической программе. Поднялся шум. Секретарь пытался выставить непрошенного гостя. Но Александр, уже успевший завоевать непререкаемый авторитет, попросил гостя остаться. С тех пор он неоднократно спрашивал у себя, что им тогда двигало кроме необъяснимого чувства дежавю. Он уже видел этот упрямый взгляд, дерзость и глубокую морщину на лбу, причём видел их каждое утро.

С тех пор их отношения прошли через все стадии и не по одному кругу. Через баррикады революции они вдвоём вошли в Кремль, пережили два с половиной президентских срока и смогли вывести государство из затяжного кризиса, в который его втянула предыдущая власть. Они прекрасно изучили свои плюсы и минусы, стали идеальной командой, научились вместе работать и ненавидеть друг друга той самой истинной и глубинной ненавистью, которая скрепила не один брак и позволила тысячам пар отпраздновать вместе золотую и бриллиантовую свадьбу.

Виктор вдруг отошёл от забытья, поймал взгляд президента и, ухмыльнувшись, подмигнул. Александр дежурно улыбнулся в ответ. Затем показал на часы и жестом спросил: «Ты после уходишь? Нам с тобой поговорить надо». Председатель правительства кивнул и одними губами ответил: «Вечером позвоню?». Президент утвердительно кивнул.

«Надо попросить секретаря освободить время вечером».

Задумавшись, Александр даже не заметил, как со своего места встал министр внутренних дел – служака средних лет с лёгкой сединой и настырным прямым взглядом. Звали его Михаил Земцов и, пожалуй, он был единственным человеком, которому во всей этой компании можно было доверять. Михаил поднялся, осторожно повёл травмированным плечом и заговорил:

– Господин президент, министры... – Он кивнул. – Наше министерство в этом году выполнило все поставленные цели и задачи...

Но Александр напрягся, было что-то тревожное и мрачное в позе и движениях мастодонта, пережившего не один водоворот политических интриг и препятствий. Президент наклонился вперёд и внимательно слушал доклад старого приятеля. Вроде бы ничего странного: будничным тоном, уверенная поза и чёткая артикуляция, но что-то было не так. Кажется, в ближайшем будущем их ожидали перемены, и, скорее всего, не самые приятные.

Александр с досадой вспомнил, что не прочитал сегодня утром доклады особого отдела, как следовало бы, поскольку в последнее время в стране явно сдвигались тектонические плиты, приводившие всех и вся в движение. Это чувствовалось во всём: в том, как утром пожилая гувернантка приносила ему крепкий кофе с овсянкой, и даже в том, как пресс-секретарь отчитывалась о заголовках мировой прессы.

В воздухе витал свежий запах грядущих изменений.

Он в нетерпении дослушал остаток докладов, то и дело осторожно ёрзая в кресле – беспрецедентное поведение по меркам президента – и, дождавшись, пока толстый и безмерно унылый министр транспорта не замер, усыплённый собственным голосом, бодро вскочил на ноги и, слегка склонил голову в знак вежливости, произнёс:

– Спасибо огромное, господа, за проделанную работу! Мы хорошо постарались и будем надеяться, что в дальнейшем наши успехи окажутся столь же значительными. Я встречусь с каждым из вас отдельно для более детального разбора результатов. Ещё раз спасибо!

Он поаплодировал, улыбаясь, одновременно пристально глядя на Михаила. Тот понял намёк и замедлил сборы, сосредоточенно уткнувшись в экран интрокома, изготовленного по специальному заказу.

Когда последние министры, расшаркавшись, удалились из помещения, Александр, чуть помедлив, опустился на стол рядом с другом и спросил:

– Миша, что случилось?

Собеседник откинулся в кресле, что-то обдумывая и пожёвывая губы. Помедлив, он заговорил:

– Да что-то всё к одному. Доклады читал? – Министр выжидательно посмотрел на собеседника. Президент медленно покачал головой, готовясь к плохим новостям.

– Времени не было. Не успел. Что там?

– Англосаксы опять удвоили бюджет лошарикам. Я не знаю, что с этим делать. У нас нет возможности их перекупать. Я разговаривал с Додей. Но у них и так уже работает пара сотен дятлов. Больше они уже не потянут, а делать что-то надо. Нам стуканули, что столичные лошарики готовят провокацию. Опять какая-то херня. Ведь даже нет ничего нового, пользуются теми же технологиями, уроды!

– Может, потому что мы так и не научились им противостоять? – меланхолично заметил глава государства.

При всей выдержке и обычной собранности сейчас министр выглядел нервозным и потерянным. Александр удивился, что друг изменил привычной вежливости и перешёл на пренебрежительный жаргон, который обычно не использовал. Мало кто в правительстве называл объединение оппозиционных организаций «лошариками», стараясь сохранить хотя бы видимость признания и уважения. Постоянно этот термин использовал только сам Додик – министр массовых коммуникаций и связей, теневая фигура правительства, прозванная журналистами и различными аналитиками «главным архитектором». В подчинении Додика работали несколько сотен высококлассных IT-специалистов, средства контроля и слежения за всеми интроками, социальными сетями, переговорами и любой информацией, которая ежедневно писалась, отправлялась и передавалась по многокилометровым кабелям и невидимой сетке беспроводной связи. Кроме того, в его распоряжении была парочка специаль-

ных отделов, вызывавших особый страх и трепет в душах посвящённых. По сути, именно за его скромными невзрачными стенами скрывались основные центры контрразведки, разведки, а также секретные данные.

Сам Додик – засохший во времени интеллектуал, он же Дмитрий Эдуардович Васерман, занимавший разнообразные посты в министерстве уже около тридцати пяти лет и прошедший путь от самого низа к безграничному влиянию, был своеобразным «смотрящим» верхушки государства. Нет, он не обладал какой-то конкретной властью, всегда с особым почтением выполнял любые указания и приказы, да и его министерство работало как часы, всегда точно и в срок предоставляя любые необходимые сведения. Вот только занять в стране какой-либо пост выше мэра провинциального города кандидату, который не устраивал лично Додика, было невозможно. Сам Александр прекрасно знал всю мощь министра, что позволяло ему находиться с ним в партнёрских отношениях и никогда не пересекаться в сферах влияния.

Министерство массовых коммуникаций исправно работало, чтобы создавать благоприятный образ государства как среди его граждан, так и за рубежом. Однако аналогичные иностранные службы последнее время работали значительно эффективнее. Это объяснялось, с одной стороны, большими финансовыми вливаниями и значительным опытом применения этих технологий, а с другой – традиционным пренебрежением восточных культур к технологиям массового

влияния. Александр часто размышлял, почему на протяжении истории Россия, а затем и Евразийский союз неизменно проигрывают так называемую идеологическую войну. Возможно, дело в том, что её правители уделяли этой сфере преступно мало внимания, считая её глупыми заморочками журналистов и интернет-задротов, а возможно в том, что культурная, технологическая и научная экспансия имеет гораздо большее значение, чем принято считать.

Самого Александра часто упрекали в американофобии и ненависти ко всему западному. Хотя мало найдётся восточных управленцев, бывших и настоящих, которые были избавлены от этого недуга. По его мнению, они делились на два типа: ярых ненавистников и столь же ярых завистников, которые в искреннем презрении к собственному народу были готовы примкнуть к любому, разделившему эту ненависть. Он не относил себя ни к одному, ни к другому лагерю, считая, что средний житель его страны заслужил возможность купить отечественный автомобиль или посмотреть фильм на родном языке, даже если он этим правом никогда не воспользуется.

– Это не в моей юрисдикции... – раздражённо отозвался министр. Он развалился в кресле и медленно расстегнул мундир. Его нервная усталость булькала где-то в груди, рискуя каждую секунду вырваться наружу, вылившись волной ненависти.

– Знаю... – Александр прикрыл глаза, воскрешая в голо-

ве образ Додика. – Я без претензий. Я поговорю с ним. Не беспокойся. Есть шансы узнать, что замышляют лошарики? Опять молодёжи хочется вершить революцию?

– Ага, – кивнул Михаил, вытягивая ноги. – Как там было? «У того, кто в шестнадцать лет не был радикалом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы»? Какие-то у нас все больно сердечные...

– Ну, а что ты хотел? Чтобы все было легко и просто? Это наши избиратели, и мы обязаны их любить и уважать, насколько отвратительными они бы ни были. – Саркастично изказил собственный лозунг Александр.

– Знаешь? – уже меланхолично заметил министр. – Иногда политика напоминает мне многолетний брак с еврейкой.

– Почему с еврейкой?

– Чем больше живёшь с ней – тем больше должен...

– Не смешно... – отмахнулся Александр.

– Знаю, зато правда. Обоюдные претензии растут, ненависть тоже, а дети, ради которых всё и затевалось, ничего, кроме разочарования, не приносят.

– Друг, ты становишься брюзгой... – усмехнулся президент. – Ещё немного и пора будет на пенсию.

Министр тяжело вздохнул и закрыл ладонью глаза.

– Я на тебя посмотрю. Я пока не могу сказать тебе что-то более конкретное, но мы обязательно выясним всё и подготовим отчёт. Нужно будет реагировать быстро и жёстко. Иначе хана. И поговори ещё раз с Додиком. Он подробнее

все расскажет про их операцию. Но ходят слухи, что они в ближайшее время введут программу «Джуниор».

– Таки да?! Они даже на это деньги нашли?!

Михаил подавленно кивнул.

Вдруг интроком завибрировал. Александр посмотрел на экран:

– Мне пора, прости. Позже поговорим.

– Хорошо. Я постараюсь всё выяснить... – Министр поднялся и, махнув на прощание рукой, выскользнул в коридор.

Александр посидел ещё несколько секунд, избавляясь от неприятных мыслей, которые могли помешать предстоящему мероприятию. Отправив содержание разговора и вызванные им эмоции в хранилище у себя в голове, он улыбнулся, и с довольным видом вызвал водителя.

Глава 4

Максим достал любимую приставку и осторожно воткнул провод в старенькую панель телевизора. У него было всего две игры для этой приставки, да и те он прошёл уже несколько раз. Несмотря на мамин запрет, он частенько шляется по помойкам в надежде найти выброшенную карточку с игрой – приставку он добыл именно так и теперь постоянно восстанавливал. Бабушка даже считала даром его умение разбираться и ковыряться в технике. Удивительно. Там же всё было так просто... Просто бабушка плохо видела, поэтому она не понимала, как там все устроено.

Экран медленно загорелся, и перед мальчиком возникло изображение старинного европейского городка, по которому ему предстояло путешествовать вместе с главным героем. Максим никогда не был за границей, но был уверен, что там очень красиво и люди носят только старинную одежду. Вообще последнее время были очень популярны ремейки старых фильмов и игр. Максиму, которому удалось реанимировать древний бабушкин компьютер, позволявший смотреть оригиналы, это казалось странным. Ведь старые версии были самыми настоящими.

Он часто представлял себя героем того или иного фильма или игры, воображал, что однажды из щуплого бледного мальчишки превратится в спецагента или командира косми-

ческого корабля. Мальчик рисовал будущие приключения на старых обоях и с гордостью показывал их бабушке – пожалуй, единственному близкому человеку. Других детей в их районе почти не было. Максим не понимал этот феномен, но бабушка говорила, что это из-за бедности. Никто не хотел иметь дело с большим количеством проблем. Кроме того, в народе витала надежда, что вскоре Теломеразин разрешат и его можно будет принимать в любом возрасте. При этом многие женщины были убеждены, что он поможет только бездетным. Станный предрассудок, но он, усиленный интернет-форумами и слухами, захватывал всё больше умов.

Мальчик осознавал свою уникальность, но смириться с ней было тяжело. Ведь большинство взрослых: соседей, прохожих – смотрели на него как-то свысока, а на его родителей, если они были рядом, с презрением. К счастью, из-за врождённой патологии органов слуха – отсутствия слуховых проходов и сильнейшей деформации ушных раковин – Максим почти не слышал их комментариев. Достаточно было снять слуховой аппарат или выкрутить громкость. Нехватку двух пальцев на левой руке и хромоту скрыть было сложнее.

В их доме жило около пятидесяти человек. Все они обитали в крохотных квартирках с блочными стенами, втиснутых между толстыми плитами бывших древних девятиэтажек. Говорили, что это жильё было построено почти век назад и уже давно находилось в аварийном состоянии. Здесь не было современных окон или систем безопасности – толь-

ко сырость и бетон. Большинство квартир стояло пустыми. Часть жильцов каждые полгода переселялась из одной квартиры в другую, оставляя после себя груды мусора и вездесущую вонь.

Жильё было почти бесплатным, хоть и мало пригодным для полноценного существования. Такие дома заполнялись провинциалами, приехавшими в поисках лучшей жизни поближе к столице. Порой Максиму даже казалось, что в их дом ссылают за провинности, поэтому все друг друга не любят. Отец, вечно уставший, злой и поздно приходивший с работы, часто напивался и жаловался на то, что «эти уроды у него уже в печёнках сидят и он больше не может видеть все их свинячьи рыла». Максим с трудом себе представлял, как выглядит свинячье рыло, но догадывался, что как-то неприятно.

Мама Максима Рита тоже чаще всего была занята. Её русые волосы совсем потускнели, и она часто плакала, стоя на кухне спиной к мальчику и что-то постоянно нарезая. Пожалуй, первая его ассоциация с мамой, – это её вздрагивающая спина с огромным шрамом словно от ожога. Она сутками работала сиделкой у одного пожилого господина, который «никак не хотел умирать, но при этом, старый хрыч, напрочь отказывался принимать лекарства». Мальчик плохо понимал, что такое старость, но благодаря рекламе твёрдо усвоил, что её надо бояться.

«И почему старость – это самый страшный недуг? – По-

рой размышлял он, гуляя по улицам города. – Вот бабушка, к примеру, болеет целым списком заболеваний: и аритмия, и подагра и даже загадочная глаукома, и она часто себя плохо чувствует. Но старостью же она не болеет? Кстати, интересно, как выглядит эта глаукома? Наверное, она похожа на насекомое. Как на картинке в энциклопедии».

Максим не понимал, почему часто от мыслей о бабушке ему становилось грустно. Она была очень-очень хорошая. Она научила его читать и писать, при этом она часто читала на память рифмованные строчки каких-то поэтов. Максим не понимал большую часть, поскольку в них использовалось много старых слов, но ему очень нравился ритм. Было в них что-то музыкально-напевное, слова складывались в единую тонкую мелодию, кружившуюся в воздухе и рисовавшую невиданные узоры и цветы.

Вдруг из соседней комнаты раздался слабый кашель, а затем едва различимый бабушкин голос позвал:

– Максим, солнышко, подойди, пожалуйста...

Максим резко вскочил и, нажав на паузу, заковылял на зов. Бабушка полулежала в большом кресле рядом с яркой лампой в форме солнца. Её комната была маленькой, почти крошечной. А стены были увешаны плетёнными ручными коврами и ковриками – их бабушка уже много лет продавала в дорогой магазин, где их заворачивали в красивую обёртку и перепродавали за гораздо большую цену. Но потом стиль «натурэль» с обилием жжёного дерева и ткани вышел из мо-

ды, уступив место пластику и металлу – бабушкины ковры стали никому не нужны, но она, повинувшись старой привычке, не переставала их плести.

Мальчик медленно подошёл к старушке и присел на колени рядом с креслом. Она выглядела уставшей и измученной. Привычные морщины казались более глубокими и острыми, уголки губ опустились, а руки неподвижно лежали на животе. Максим аккуратно взял её руку. От неё пахло пылью и чем-то пряным.

– Сынок, сходи, пожалуйста, за лекарством к Джо, – тихо прошептала она. – Деньги там! – Бабушка неопределённо кивнула в сторону невысокого шкафа.

Максим невольно поджал губы. Он знал, что без лекарства – светло-голубой пробирки – бабушке станет только хуже. Она время от времени просила его об этой услуге. Всего-то нужно было выйти на улицу, пройти три квартала, проследив, что за тобой никто не идёт, подняться на верхний этаж и войти в душную вонючую комнату... Но делать это было неприятно. Каким-то шестым чувством мальчик догадывался, что, если родители узнают об этой услуге, они совсем не обрадуются, да и полицейские, как-то заметив его выходящим из дома, подозрительно покосились. Но бабушка каждый раз оживала после приёма лекарства, так что, наверное, всё было только к лучшему.

– Да, ба, конечно. Я принесу! – нарочито бодрым голосом отозвался Максим и вытер нос клетчатой манжетой старой

отцовской рубашки. – Ты только подожди немного, а я приду и чаю тебе ещё сделаю! – Он улыбнулся, стараясь казаться весёлым. Быстро направился к шкафу, приподнялся на цыпочки и достал тонкий пластиковый браслет с чипом, куда начислялись социальные выплаты. Покопавшись ещё немного, он нашёл прочную ленту, продел её в браслет и, обвязав вокруг шеи, убрал под майку.

– Ба, я мигом!

Перед тем, как выйти, Максим выглянул в глазок, и, убедившись, что там нет ничего подозрительного, прислонил большой палец к считывателю. Замок с писком открылся, мальчик шмыгнул в щель и тут же закрыл, прижав её спиной. По богатому опыту проживания в этом доме, названном Северной Лагуной, он хорошо знал, что лучше не зевать на входе и выходе из квартиры, поскольку коридоры были узкими, тёмными и опасными.

Сам дом напоминал сеть разветвлённых коридоров с бесчисленным множеством дверей. За каждой – крошечная квартирка для одной-двух семей. Квартиры располагались впритык, и были столь причудливо расположены относительно друг друга, что широко распахнутая дверь одной квартиры, мешала попасть в другую. Семья Максима жила под самым чердаком, так что, оглядевшись по сторонам, он быстро захромал вглубь коридора к крутой лестнице. Это расстояние он всегда старался преодолеть как можно быстрее.

Влажный спёртый воздух, казалось, совершенно не двигался, обволакивая мягким грязным покрывалом. Шаги отдавались глухим эхо, а вокруг тусклой лампы кружились насекомые, отбрасывая гигантские тени на стены. Когда Максим пошёл вниз по ступенькам, сердце застучало громче. Он точно знал, что за ним никто не идёт, но оглядываться по какой-то причине не хотелось. С каждым пролётом лестницы мир наполнялся звуками и красками. Стены здесь были щедро украшены разноцветными граффити, на третьем этаже гулял кот с оторванным ухом.

Чуть запыхавшись, Максим преодолел последний пролёт и оказался на улице. Ему нравилось гулять по городу. Мальчик частенько слышал, что взрослые жаловались на огромное количество людей в городе и «что шагу ступить негде – везде толпы», но его это только радовало. За ними было так интересно наблюдать, а ещё интереснее, ускорившись, лавировать между всеми этими чересчур серьёзными взрослыми: высокомерными женщинами, дефилирующими от одного магазина к другому, напыщенными бизнесменами и финансистами, поджарыми полицейскими с автоматами и рабочими в ярко-оранжевой униформе. Мальчику нравилось жить вместе с городом, дышать его воздухом, пахнущим чистящими средствами и кофе, и чувствовать его ритм.

Максим пристроился за двумя молодыми мужчинами с широкими плечами и пошёл вслед за ними, невольно подслушав их диалог:

– Как у Славы-то дела? – спросил первый, одетый в красивый костюм с металлическим отливом.

– Нормально, – отозвался второй в больших очках с массивной оправой. Такие обычно носили дизайнеры или программисты, которым не хватало портативных интрокомов для работы в сети. – Его в проект пригласили, создание новой виртуальной реальности.

– Вау! – У первого даже рот вытянулся от удивления. – Как он так умудрился? С кем переспал?

Второй улыбнулся и ударил собеседника по плечу.

– Да ни с кем вроде... Просто в струю попал. Плюс он работал много и давно хотел свалить...

– Да, повезло парню...

При этих словах они дошли до перекрёстка и свернули, а Максим отправился прямо, пристроившись за пожилой дамой. До нужного дома оставалось совсем чуть-чуть: пройти через площадь, затем мимо красивого дома и зайти в первый подъезд.

Но его внимание тут же привлёк шум толпы. Люди что-то кричали, махали руками, а на больших светящихся досках у них было что-то написано. Мальчик удивился. На этой площади, насколько он знал, располагался Городской совет, и обычно здесь было чище и спокойнее, чем везде. Но сейчас маленький пяточок мостовой перед старинным низеньким особняком был полностью заполнен молодыми людьми. Они громко кричали и размахивали разноцветными плакатами.

Приглядевшись, Максим смог прочитать содержание надписей: «Толстосумы – убийцы!», «Жизнь дороже денег!», «Свободин, перестань убивать свой народ!».

Худой парень с серыми волосами повесил на ухо небольшую гарнитуру, и его громогласный фальцет заполнил всю площадь:

– Мы требуем, чтобы правительство немедленно прекратило убивать собственных граждан!

Толпа заулюлюкала, поддерживая оратора. Максим, привлечённый необычностью ситуации, вышел из людского потока, и застыл около мусороперерабатывающего контейнера. Оратор продолжал:

– Каждый житель планеты должен знать правду! Свободин лишает нас права на жизнь!

На последних словах толпа буквально взревела, бросая в здание городского совета камни, оставлявшие на серых стенах царапины. Кто-то даже швырнул бутылку, разлетевшуюся на сотни маленьких блестящих осколков, которые упали на толпу. Но несмотря на шум и крики, прохожие не обращали внимания на протестующих, лишь слегка изменяя траекторию движения, чтобы обойти происходящее стороной. Все сохраняли спокойствие и даже равнодушие.

Максим оторопел. Он сталкивался с таким впервые, и с замиранием сердца следил за протестом: тщедушными студентами, повязавшими на половину лица или руку чёрные повязки с ярко-алыми кукишами, девушками в спортивной

одежде. Мальчик не понимал, почему, но сейчас они были объединены единым порывом ненависти и агрессии. Волна ярости долетала даже до него, державшегося в отдалении. Было страшно, но уйти не получалось – слишком интересно. Вдруг внимание мальчика привлекала пара: долговязый парень с хвостиком и большим носом и хрупкая девушка с короткой стрижкой. Он настойчиво тянул девушку прочь из толпы, порываясь уйти, но она сопротивлялась и не давала себя увести. Максим не слышал, о чём они говорили, но оба активно жестикулировали. Наконец парень схватил её за локоть и потащил за собой по направлению к Максиму, а она, упираясь, ударила его по спине.

Максим испугался и спрятался за контейнер, осторожно наблюдая. Девушка, несмотря на агрессию, даже ему понравилась: у неё было красивое лицо, как у женщин в журналах, и его любимый мультяшный герой на майке. Хотелось ей помочь.

– Мэри, пойдём! Пожалуйста! Сейчас фараоны приедут. Всех загребут! Тебе нельзя здесь оставаться. Это опасно! – раздражённо тараторил юноша, волоча за собой подругу.

– Но! Но! Мы не можем предать своих! Это низко! – Лицо девушки полыхало гневом.

– Если тебя вырубят и отправят на программу социализации – пользы от этого никому не будет! Я за тебя отвечаю, и я не за этим сюда тебя привёл!

Максим понял, что не он один заботится о девушке, и чуть

сильнее вжался в контейнер.

– Сашка, мать твою! Мы не можем так поступить! – Мэри с тоской оглянулась на бесновавшуюся толпу, но её спутник был настойчивее. Он изменил направление, чтобы обогнуть контейнер и клумбу, при этом сильнее сжимая хватку, чтобы не дать пленнице вырваться. Та всё ещё упиралась и шла медленно, оглядываясь назад. Когда они прошли мимо его укрытия, Максим и девушка встретились взглядом. У неё были добрые светлые глаза. Только сейчас они были наполнены слезами, от чего казались ещё больше и старше.

– Там – ребёнок! – вдруг закричала она, поворачиваясь к другу.

– Не придумывай! – ответил тот, подходя к припаркованному автомобилю и усаживая девушку в него. Мэри ещё что-то говорила, но Максим уже не мог ничего разобрать. Авто взмыло вверх и полетело к транспортной линии. В эту же секунду в небе раздалась противная полицейская сирена, и на площадь вылетело несколько пузатых полицейских фургончиков. Они зависли в воздухе. На мостовую высадился отряд полицейских. Толпа, как капелька ртути, тут же рассыпалась на несколько частей, и все ринулись в разные стороны. Но четверо полицейских одновременно подбросили по маленькой коробочке в воздух, те, перевернувшись, трансформировались в зелёные переливающиеся сети и быстро опустились на группы людей, прижав протестующих к земле. Оставшихся быстро обезвредили с помощью электрических обездвиг-

живающих пуль. Жертвы одна за другой падали ниц. Их тут же подбирали и отправляли в чёрный кузов.

Напуганный Максим вскочил и быстро похромал прочь от площади.

Глава 5

Изображение красного кукиша резко пропало, и Мэри вновь осталась в одиночестве. Сердце отстукивало победный марш, а по спине бегали мурашки. Она не ожидала подобного звонка, хотя в некотором смысле он ей льстил. Два года Мэри участвовала в различных общественных акциях, посвящённых защите прав женщин, транссексуалов, животных и ещё огромного списка обиженных и угнетённых, но ещё никогда эта деятельность не привлекала чужое внимание.

Она уже видела этот символ, принадлежавший объединению Pro-life. Он часто мелькал в государственных репортажах про экстремистов, радикалов и современных «врагов отечества». Именно их лица, прикрытые чёрно-красными банданами и повязками, чаще всего встречались с дубинками и электропулями полицейских, и именно про них с замиранием сердца и полушёпотом говорили во всех студенческих организациях. Они были героями и настоящим символом свободы и инакомыслия. Ходили слухи, что присоединиться к ним можно только если три действующих члена были готовы поручиться жизнью за тебя, и то нужно было пройти серьёзный отбор и доказать лояльность.

Звонок и приглашение на встречу были огромным, вопиющим кредитом доверия и признанием заслуг. Но также это был настоящий билет в кроличью нору, в которой но-

вичка поджидало множество странных загадочных существ, опасностей и поводов проявить героизм и выдержку, а главное: возможности вернуться оттуда просто не существовало. Вступив в организацию, человек получал столько важной и секретной информации, что просто так отпустить его было нельзя. Мэри собирала все слухи и хорошо была осведомлена об их деятельности, и тем сложнее сделать выбор: идти в Окоп или не идти. Кстати, тоже задачка. Она прекрасно понимала, о каком именно заведении шла речь. В их вузе только одну столовую называли Окоп, а значит, человек, пригласивший её, учился вместе с ней в одном университете. Подумать только: она сдавала экзамены и, возможно, даже общалась с представителем антиправительственной организации! Всё это время за ней следили и даже делали какие-то выводы! Стало не по себе. Мэри в испуге оглянулась назад. В комнате по-прежнему никого не было.

Писать реферат уже совершенно не хотелось. Мысли роились в голове как напуганные пчёлы. Остаток вечера стоило провести в поиске и чтении всей возможной информации о членах и деятельности Pro-life.

Утром Мэри встала на раньше, чем предполагала. Её разбудил нелепый кошмар, который она даже вспомнить не могла. Мэри резко села на кровати и дотронулась до переносицы: глаза мокрые. Мэри быстро приняла душ и прошла на кухню, чтобы приготовить себе завтрак. Достав продукты, она щёлкнула пальцами, и на противоположной стенке воз-

никло объёмное изображение. Бородатый, но лысый ведущий в обтягивающей майке вещал бодрым голосом:

– Сегодня в Верховном суде был зачитан приговор бывшему главному прокурору Сидоренко Алексу. Госслужащий обвинялся в неоднократном превышении полномочий, а также получении многомиллионных взяток в обмен на вынесение мягких приговоров. Громкое дело длилось более трёх лет, были проведены многочисленные экспертизы и заслушаны более сотни свидетельств. Итогом резонансного процесса стал приговор в два года условно без конфискации имущества. Напомним, что Сидоренко Алекс также известен как бывший однокурсник президента...

В этот момент на экране замелькали архивные видеозаписи, и Мэри перестала слушать.

– Опять... Да когда это уже кончится! Сколько воровать-то можно?! – Мэри перевела взгляд на прозрачную стрелочку внизу экрана, канал тут же переключился. Но внимание уже рассеялось, и она ушла глубоко в себя.

Она быстро проглотила завтрак, забежала в ванную, чтобы прополоскать рот, влезла в любимые брюки. Затем, покидав всё в сумку, выскочила из квартиры. В несколько шагов Мэри преодолела лифтовую площадку и нажала кнопку. Почти мгновенно створки раздвинулись.

– О, Маш, привет! – раздался бодрый девчачий голос.

– Привет, Алиса, – мрачно поздоровалась Мэри и попыталась в свою очередь изобразить подобие улыбки. Алиса была

их старостой и очень успешной студенткой, выигравшей государственную стипендию и даже именной грант на исследование образа молодого политика в современной модели государственной власти. Кроме того, она была активным волонтером, председателем профкома и длинноногой красавицей. Логично, что Мэри ненавидела её самой желчной и необоснованной ненавистью, на которую только была способна, хотя где-то в глубине души признавала, что хотела бы такую подругу.

– На, держи! – Староста протянула небольшой проспект с какой-то рекламой. – Приходи на круглый стол. Возможно, туда министр образования приедет. Будет очень интересно! – Алиса одарила однокурсницу обезоруживающей улыбкой.

– Спасибо... Я постараюсь, – замялась Мэри, поражаясь обыденности поступившего предложения.

– Ты, кстати, к нам не хочешь дизайнером пойти? Ты же хорошо рисуешь... – Не унималась староста. Но спасительные створки открылись, и Мэри, энергично покачав головой, юркнула в холл.

«Этого ещё не хватало!»

Мэри быстро пересекла просторный холл, вышла на улицу и замерла на остановке. По телу упрямо бегала нервная дрожь. Она то и дело ловила себя на том, что яростно ковыряет заусенцы или кусает губы. В жизни наступал совершенно новый этап, который потребует мужества и героизма.

На площадку перед остановкой опустился автобус. Мэри зашла внутрь и робко села на краешек сиденья. Автобус взмыл вверх и плавно полетел с равномерным жужжанием. Мимо проносились окна зданий и макушки редких деревьев. Она расслабилась и устроилась поудобнее. Скорость всегда её успокаивала и создавала иллюзию движения вперёд. Захотелось отпустить переживания и отдаться равномерному покачиванию.

Вскоре Мэри оказалась около серого здания академии. Его печальная громада в любую погоду и время года выглядела одинаково уныло и скучно, устало нависая над городом массивными галереями. Мэри глубоко вздохнула, окинула взглядом альма-матер и двинулась прочь. Нужно было пройти мимо череды гранитных колонн, завернуть в узкую подворотню, обогнуть угол и спуститься вниз. Она точно знала количество шагов, которые нужно было сделать. Триста сорок шесть. Одни из самых сложных триста сорока шести шагов в жизни. Она с трудом могла представить, кто ждал её там внизу за столиком студенческого кафе, но была уверена, что эту встречу не забудет никогда.

Дойдя до входа в подвал, где располагался Окоп, Мэри медленно спустилась по ступенькам и обвела помещение взглядом. Здесь почти никого не было. В углу сидела стайка первокурсниц, обсуждавших предстоящую сессию. У окна бородатый модник играл в видеоигру, а у самого входа группа аспирантов обсуждала витиеватые микросхемы. Ни-

кого похожего на члена оппозиционной организации.

Мэри подошла к автомату, купила чашку кофе и села у окна на максимальном удалении от всех присутствующих. На часах было без пяти двенадцать. Оставалось совсем чуть-чуть.

Вдруг за спиной раздался голос:

– Мэри, привет! Как жизнь?! – Напротив неё на стул опустился однокурсник Сашка, высокий худощавый блондин с длинным хвостиком и, как казалось Мэри, глуповатым лицом. Они никогда не общались близко и даже не притесничались, но при каждой встрече Сашка обязательно радостно приветствовал однокурсницу и искренне интересовался её жизнью. Столь настойчивое внимание огорчало, и Мэри даже подозревала, что парень испытывал к ней особые чувства. Внутри поднялась волна раздражения.

– Спасибо, хорошо... – сдержанно отозвалась Мэри, всем своим видом демонстрируя, что не готова общаться. Но однокурсник не понял намёк и продолжил:

– А ты здесь чего? Всё учишься? Не надоело? – Он задорно подмигнул и широко улыбнулся.

– Нет! – уже сквозь зубы продолжила Мэри, обидевшись на то, что собеседник наступил на любимую мозоль. – Я должна встретиться с одним человеком, и он скоро придёт...

– Да-да, понимаю, – закивал Сашка, но остался сидеть на месте, широко улыбаясь. Мэри невольно отметила, что у него приятная добрая улыбка и красивые голубые глаза, но

раздражение пересилило.

– Саш, я всё понимаю... – стараясь глубоко дышать, произнесла она, – но ты не мог бы оставить меня одну?! Меня ждёт очень важная встреча!

– А с кем? – не унимался навязчивый поклонник.

– С парнем! – разозлилась Мэри.

– О, я думал, что у тебя его нет... – обиженно надул губы Сашка.

– Теперь есть! Всё, иди отсюда! – Она махнула рукой в направлении выхода.

– Я так не думаю, – улыбнулся Сашка и загадочно откинулся на спинку стула.

– Что это значит вообще?!

– Я уверен, что со мной тебе будет интереснее, чем со своим парнем... – С этими словами он незаметно оттянул ворот футболки, на шее на мгновение мелькнуло изображение красного кукиша.

Мэри нервно сглотнула и огляделась по сторонам.

– Не привлекай внимание! – серьёзным тоном предупредил Сашка.

Она сконфуженно кивнула, делая глубокий глоток кофе. Хотелось провалиться сквозь землю. В такие неловкие ситуации она давно не попадала. Но как такое возможно? Невзрачный забитый однокурсник – оппозиционер?! Кто в трезвом уме мог себе такое представить?!

– Я понимаю твоё удивление, – выдернул её из пелены

стыда и смущения Сашка, заговорив покровительственным тоном. Он наклонился вперёд, заглянул в глаза, и в мгновение стал очень серьёзным. – Знаю, что не похож на профессионального гитариста... – Он подмигнул. – Но это так. Я не люблю, кому-то сообщать, что играю в рок-группе. Сама понимаешь: надоедливые поклонницы, повышенное внимание и частые выступления в клубах.

Мэри покраснела, как рак, и зарылась в широкий воротник свитера. В голове крутились одни неприличные слова. Она сдавленно кивнула, и Сашка продолжил:

– Нам сейчас нужна хорошая вокалистка. Я слышал, что у тебя хороший голос и слух. Нам бы как раз это подошло. Но имей в виду, что группа отнимает много времени, да и на учёбе занятие музыкой может сказаться... Ты бы хотела прийти к нам на прослушивание?

Вот он момент истины, которого она столько ждала и так боялась. Мэри от ужаса хотелось отрицательно покачать головой, вскочить, извиниться и убежать, но губы сами выпалили:

– Да, конечно! Я давно мечтаю... поиграть в группе.

– Вот и замечательно. Но помни, что родители, друзья и прочие немзыкальные люди могут быть против твоих постоянных занятий, так что им лучше не говорить.

– Я знаю!

– Вот и славно, – улыбнулся ещё раз Сашка, опять принимая беззаботный вид. – Тогда тебя ждёт прослушивание. Мы

будем играть на одной площадке, тебе лучше было бы сходить туда тоже. Не волнуйся, я тебе помогу. Ничего сложного. Мы просто должны увидеть, что ты действительно любишь музыку.

– Ага.

– Твой телефон у меня есть. Я тебе позвоню завтра. Будь готова.

– Хорошо...

– Вот и славненько! – Он ещё раз весело подмигнул, подал ей руку, которую Мэри тут же испуганно пожала. – До встречи! – Сашка кивнул в знак прощания, встал и, резко развернувшись, зашагал прочь.

Мэри ещё хотелось что-то сказать ему вслед, но она не смогла придумать, что именно, и осталась сидеть в недоумении.

Глава 6

Юлия Гинзбург стояла на ажурном балкончике на втором этаже и удовлетворённо рассматривала участников симпозиума. На него съехались ведущие специалисты в области биологии человека, чтобы потешить самолюбие, оценить достижения конкурентов и найти источники финансирования. Юлия лично курировала этот проект целый год. Ей пришлось задействовать весь свой дар убеждения и аргументации, чтобы уговорить комитет по развитию выступить генеральным спонсором мероприятия. Закостенелый и медлительный комитет, целиком состоявший из звёздных ветеранов, неохотно соглашался на инновации и предпочитал вкладываться только в проверенные временем и нафталином проекты. К счастью, у большинства из ветеранов появление в кабинете Юлии вызывало горькую тоску по утраченной молодости и былой прыти, так что проект был согласован. И теперь на симпозиуме логотип компании «Фармитекс» не был напечатан разве что на унитазах.

Юлия самозабвенно гордилась собой. К тридцати семи она построила прекрасную карьеру в крупнейшей фармакологической корпорации. Выросла из скромной выпускницы биологического факультета в основного представителя компании на территории Союза и ряда других стран Восточной Европы. По сути Юлия работала тем самым приветливым

и заботливым лицом фарминдустрии, которое должно было мелькать во всех СМИ, успокаивать критиков, укладывать на лопатки оппонентов и подбадривать перспективных исследователей. И это – во многом благодаря врождённой интуиции – она делала блестяще. В отличие от многих коллег мисс Гинзбург физически ощущала, что фарминдустрия измеряет время не годами и даже не десятилетиями, а поколениями. Семена, посаженные вчера, давали полноценный урожай только внукам и правнукам. Хотя это никогда не мешало получить доход и от первых всходов.

Юлия облокотилась на перила балкончика и посмотрела вниз. Симпозиум функционировал как часы. Группа из Англии под руководством Эрика Бренгсона, ведущего специалиста по редактированию генома, как раз заняла места на главной сцене. Ключевые инвесторы добрались до VIP-лож. И даже упрямого и непокорного Германа Потапова, миллиардера и эксцентрика, настойчивая девочка-координатор подвела к сцене.

«Надо её запомнить и пригласить на стажировку», – отметила про себя Юлия.

Всё складывалось как нельзя лучше. Юлия мысленно прошла по расписанию. Оставалось дожидаться выступления молекулярщиков, затем подойти к каждому из топ-гостей, попросить обратную связь о мероприятии и пожелать всего самого наилучшего. Затем согласовать текст закрывающей рассылки, отредактировать список тех, кому будут отправ-

лены памятные подарки, и можно будет ехать в офис писать финальный отчёт. Мероприятие прошло на пять с плюсом. Вопрос о годовой премии решился сам собой.

– Юлия Александровна! – Сзади раздался торопливый топот и сбивчивое дыхание Риты. Молодая и неуверенная в себе девушка уже несколько лет работала первой помощницей Юлии, но по-прежнему каждую внештатную ситуацию воспринимала как Конец Света. Юлия уже перестала считать, сколько неврозов и панических атак схлопотала подчинённая за это время, но терпела её за крайнюю исполнительность и ответственность. Стоило Рите умереть на работе, её труп бы восстал из могилы, но закончил годовой отчёт.

– Да, Рит, что случилось? – Юлия обернулась и одарила взволнованную помощницу ироничным взглядом. Рита покраснела и жадно ловила ртом воздух.

– Там доклад... На иммунологической секции. Савельев из МГУ... Критикует наш препарат. И наши исследования.

– Кто его пустил?! Он в чёрном списке! – разозлилась Юлия.

– Фамилию сменил. – У Риты задрожала нижняя губа. – Видимо, ошибка произошла. Я исключала... Честно.

– Ясно. Идём!

Юлия резко сорвалась с места и поспешила вниз. Пролёт лестницы остался позади за несколько секунд. Пройти четыре секции, повернуть направо, налево и вот он – иммунитет. За две минуты она будет на месте.

– С какой темой он заявился?!

– «Нейроиммунология: некоторые теоретические и прикладные клинические аспекты».

– А о чём по факту говорит?

– Об этом и говорит. – Рита начала тараторить. – Утверждает, что наш препарат – пустышка. Результаты об его эффективности его главного компонента не воспроизводятся. Кроме того, у него есть побочный эффект.

– Господи, как задолбали они, специалисты хреновы! – проворчала Юлия и ускорила шаг.

Вскоре до неё долетели отдельные реплики доклада. Неуверенный мужской голос в истерическом энтузиазме говорил о «неподтверждённой гипотезе», «миелиновых бляшках» и «снижении когнитивных функций». Юлия замерла на три секунды перед входом на секцию, сделала глубокий вдох и нацепила на лицо приветливую улыбку. Затем завернула за угол и, осторожно протиснувшись между зрителями, оказалась в самом центре аудитории.

По сцене быстро перемещался пожилой седой мужчина с горящим взглядом. Он явно не знал, куда деть руки, поэтому активно ими размахивал, будто отгоняя насекомых. Юлия попыталась вспомнить, встречались ли они ранее, но в голову ничего не приходило. Придётся импровизировать.

«К сожалению, мне не удалось опубликовать результаты своих исследований. Статья не прошла ни одного рецензента. Все отказали по различным причинам. Видимо, кто-то

не хочет, чтобы это исследование было обнародовано...».

– Вы уверены, что у вас статистика правильно посчитана? – раздался голос из зала. Аудитория отреагировала тихим смешком. Юлия посмотрела на первый ряд и узнала в говорившем Исмаила Смолова – профессора медицинской академии.

– Да! – ухватился за реакцию взволнованный оратор. – В любом случае необходима дискуссия...

Юлия подала знак одному из волонтеров секции, подзывая к себе. Расторопный юноша тут же подскочил к ней и прикрепил микрофон. Оратор ещё что-то пытался сказать, но Юлия уже не слушала.

– Господин Савельев, добрый вечер!

Учёный замолчал и удивлённо посмотрел в зал.

Юлия убедилась, что публика замолкла в ожидании её слов, и продолжила:

– Возможно, вы пока со мной не знакомы. Я Юлия Гинзбург. Представитель компании «Фармитекс». Я и мои коллеги внимательно выслушали ваш доклад. Он бесспорно представляет огромный интерес для нашей корпорации. Нам очень жаль, что вы не смогли опубликовать данные и получить полноценную оценку своих результатов.

Она сделала театральную паузу.

– Мы готовы вам в этом помочь. Мы готовы дать вам персональный грант, покрывающий ваши исследования данного препарата, а также доступ к нашему лабораторному ком-

плексу в Щербинке. Вы сможете свободно проводить дальнейшие проверки. После выступления к вам подойдёт моя помощница Маргарита и расскажет подробности.

Зрители зааплодировали. До этого растерянный ведущий выскочил на сцену и представил следующего докладчика. Юлия быстро вывела Риту из толпы и прошептала ей на ухо.

– Идёшь к нему. Обещаешь полное годовое финансирование исследования в нашей лаборатории. Благодарить за критику и все прочее. Главная задача – чтобы он взял деньги и согласился.

Рита смотрела на начальницу огромными глазами и растерянно кивала при каждом слове.

– Твоя главная задача – чтобы он взял деньги и согласился. Ясно?

– Да! А потом что?

– А потом отправляешь ему типовой договор с нашими подрядчиками-исследователями.

– Поняла. Но если будет задавать вопросы?

– Отправляете ему первый транш до подписания договора. Остальное – после. В условиях по авторству он сразу не разберётся, а когда подпишет и возьмёт деньги – будет поздно.

Рита комично вытянулась по стойке смирно и энергично закивала.

– Топай, исполняй. Потом отчитаешься.

– Конечно!

Юлия проводила взглядом подчинённую, поприветствовала нескольких знакомых гостей и, довольная, отправилась на балкон. Всё было хорошо. Хотя за несколько лет работы ей порядком надоели подобные непризнанные гении и выскочки. Каждый из них считал, что он не каждый, и у него то точно получится докопаться до истины и опорочить разработки корпорации. Какая наивность и простота! Знали бы они только, что за деньги вливались в сами исследования, затем в получение выгодного для компании результата и в конечном итоге – в работу с научными журналами и редакторами.

Юлию раздражала убеждённость большинства оппонентов в беспринципности фарминдустрии. Якобы фармпроизводители только и делали, что продавали пустышки и откровенный яд. Какой же это бред! Продать эффективное действующее лекарство значительно проще. Не приходится тратить огромные средства на рекламу, маркетинг и работу с врачами. Можно завышать цену и производить тоннами. Это просто как дважды два.

Другой вопрос, что человеческая натура не терпит неудачи и поражения. Мы все любим побеждать. Никто, потративший годы на изучение какого-то вопроса или достижение цели, не готов с лёгкостью отказаться от проделанной работы. Мы очень любим говорить, а главное верить, что всё было не зря. И ради этой веры готовы на многое. Наверное, в этом и был главный секрет успеха Теломеразина, лучшего продук-

та их компании, ведь он давал бесценную возможность сохранить эту веру ещё на несколько десятков лет. Юлия ещё ни разу не пожалела о приёме препарата, несмотря на любые возможные подобные эффекты. И очень любила использовать этот факт в качестве аргумента в спорах с противниками. К счастью, противопоставить им было нечего.

Глава 7

– Ну, всё... Можно ехать домой, – выдохнул Александр, выходя из кабинета в окружении кольца охраны. – Ещё две встречи и можно будет поспать, – подумал он, двигаясь по узкому коридору к выходу. На одной из развилок к ним присоединилась стройная миловидная женщина в синем деловом костюме – Наталья Коваль, пресс-секретарь президента и знаменитая Кровавая ведьма, как её окрестили журналисты за чёрные длинные волосы и изумрудные глаза, а также за неосторожность в высказываниях о кровавости миграционного режима НАТО.

– Господин президент, – начала она строгим голосом, но поняв, что собеседник её не слушает, слегка ускорила, обогнала и заглянула прямо в глаза. – Господин президент!

– Да, Наташ, что хотела? – вынырнул Александр словно из сна.

– Нам сегодня нужно встретиться и обсудить планы на ближайшие две недели. Вы давно не делали публичные заявления и не давали интервью. Кроме того, не комментировали последние высказывания Ричардса. Люди хотят услышать официальную позицию...

– А что он там ляпнул? – недовольно проворчал он, широко зевая.

– Что Евразийский союз представляет реальную угрозу

для безопасности остального мира и всему миру стоит переосмотреть политику в отношении него. Но в ближайшей перспективе всё должно сильно измениться...

– Прямо так? Что это с ним? – нахмурил брови президент.

– Не знаю. Но его заявления вызывают всё больший ажиотаж.

– Согласен, – кивнул он. – Но давай завтра со всем разберёмся. – Он сложил руки в просительном жесте. – Ты же знаешь, как я ненавижу эту ерунду. Все эти интервью, пресс-конференции, заявления. У меня дел по горло, некогда отвечать на глупые вопросы... – Александр скорчил недовольную гримасу.

– Да знаю я, но потом вы жалуетесь на то, что оппозиционные СМИ лучше работают. Как работать в таких условиях? – Она пропустила Александра вперёд.

– Как ты умеешь: хорошо и качественно, – улыбнулся президент, подходя к чёрному авто.

– Ладно, – сдалась Наталья, обиженно надув губы. – Но завтра я у вас в час.

– Хорошо, запишись в расписание, – обессилено отозвался он.

Пресс-секретарь кивнула, резко развернулась на каблуках и зашагала прочь. Александр проводил подчинённую взглядом и сел в автомобиль. Его день начался сегодня слишком рано: уже в пять часов он сидел в самолёте, летящем из Нью-Дели в Новосибирск, затем был трансфер до Белого дома,

три совещания и две встречи, а также пара телефонных переговоров. Обычный день рядового президента рядовой страны. На часах было всего четыре часа.

Президентом в общей сложности он был уже тринадцать лет, и за это время несколько раз оказывался в глубокой депрессии, пару раз доводил себя до нервного истощения, три месяца мучился от неврологических параличей, два раза уходил в запой и несколько раз был на грани убийства. Весьма скромный и обыденный набор для демонического образа, созданного журналистами, особенно если не учитывать проблемы жены и отсутствие секса более года. Но об этих подробностях его жизни мало кто знал.

Автомобиль едва дёрнулся и мгновенно поднялся вверх. Двадцать минут блаженного покоя. Что ещё можно пожелать? Иногда оставаясь наедине с самим собой, Александр задавался вопросом: а зачем ему все это надо и не стоит ли покончить со службой и тихо-мирно уйти на покой? Перед глазами время от времени всплывала пасторальная картина тихой размеренной жизни, праздно щекочущей воображение, но потом обязательно прибегал какой-нибудь подчинённый с очередной проблемой и эти мысли уходили на второй план.

Его жизнь с двадцати лет была подчинена жёсткому расписанию, которое с вступлением в должность президента стало нерушимым табу. Оно определяло всё: сорок пять минут в день на отдых, час на бассейн, час на приёмы пищи и

шесть часов на сон. Время утратило линейность и превратилось в огромные игрушечные часы. Их циферблат был разделён на разноцветные секторы, указывающие, что он должен был делать в тот или иной момент времени. Можно было даже не задумываться, достаточно взглянуть на механизм. Его бессердечная точность не оставляла места лени или свободе выбора.

Президент закрыл глаза: они всё чаще болели. «Надо бы вызвать окулиста...» – промелькнуло в голове, хотя полное обследование было запланировано только через три месяца. Самое смешное, что, несмотря на тщательно спланированный график, ни он сам, ни его ближайшее окружение не могли с точностью спланировать и организовать свою деятельность так, чтобы не случилось никаких форс-мажоров, внештатных ситуаций и откровенных накладок. Иногда ему даже казалось, что это просто особенность менталитета и с ней сделать ничего невозможно. Вот у европейцев как-то всё гладенько получается, а у наших – как всегда.

«Тоже интересное противопоставление...» – поймал он себя на мысли, – «наши и европейцы, и это, несмотря на билингвизм, полгода в Гарварде, год в Оксфорде и глубоко сокрытое трепетное отношение к истинно европейским ценностям. Видимо, это противопоставление на генетическом уровне передаётся...»

Он посмотрел вниз на серые ленточки улиц и редкие островки газонов. Вид города пробуждал затаённую тоску по

утраченному и давно забытому. Она просыпалась в области груди и постепенно поднималась по горлу, запуская ленивые щупальца в голову, от чего мысли путались, мозг наполнялся слизью и засыпал. За годы работы он не раз сталкивался с таким состоянием и уже неплохо научился его предсказывать.

Александр нахмурился, нажал кнопку на спинке переднего сиденья, где тут же загорелся скрытый экран, и появилось беспристрастное лицо ведущей.

«Сегодня в Интернете состоялась очередная, уже третья по счету, трансляция казни американских журналистов и членов американского консульства в Саудовской Аравии. Напомним, что радикальная группа исламистов взяла в заложники три десятка работников консульства и находившихся там журналистов и вывезла в неизвестном направлении. Сейчас местонахождение двадцати трёх граждан США остаётся неизвестным, при этом на прошлой неделе в прямом эфире были убиты журналисты Пол Норман и Кассандра Клэр, а сегодня – секретарь консульства Дэйск Смит и его помощник Алекс Свит. Радикалы требуют немедленной ликвидации военных баз НАТО на территории Ближнего Востока, а также освобождения известного террориста Мухаммед ибн Альдаида, недавно задержанного Интерполом. Члены группировки пообещали ликвидировать в день по одному человеку вплоть до выполнения их условий. Президент США Абрахам Ричарс в настоящий момент проводит экстренное совещание по этому вопросу...»

– Приплыли... – мрачно констатировал Александр, мысленно делая пометку вызвать министра международных дел и обсудить с ним эту ситуацию. – Старик Ричардс сдаёт...

Ричардс долго и упорно дразнил исламского дракона, игнорируя все возможные предостережения и даже здравый смысл, и наконец-то дракон проснулся и стал пробовать на зуб всё, что попадалось на глаза. Хотя эта ситуация была предсказуема с самого начала.

Александр не определился со своим отношением к американскому коллеге. Они встречались всего несколько раз и эти встречи были короткими, так что цельный образ не собрался. Но он ощущал какую-то скрытую конкуренцию между ними, даже не на уровне государства, а на уровне личности. Почему-то любой провал Ричардса он воспринимал как одно очко в свою пользу. Александр понимал, что это соревнование существует только в его голове, но радовался каждый раз, когда вырывался вперёд.

Автомобиль замедлил скорость и плавно опустился, за окном показался невысокий особняк – резиденция президента. Это было светлое трёхэтажное здание, окружённое обширной зелёной территорией и рядом бытовых сооружений. Вдали слышался собачий лай.

Александр вышел из машины, медленно поднялся на крыльцо. На пороге мгновенно появился личный помощник – Алексей Смирнов. Он совмещал функции секретаря и местного завхоза, а также занимал какую-то должность в

администрации президента, но сам Александр уже даже не помнил, какую именно.

– Привет, Лёш. Как вы тут?

Лёша – подтянутый молодой человек со светлыми честными глазами и баснословно дорогими часами – неопределённо повёл правым плечом. Значит, всё было плохо.

– Всё хорошо, – бодрым голосом отозвался Лёша, но при этом спрятал глаза.

– Лёш, не юли...

– Анастасия Андреевна... – замялся молодой человек, скривив губы.

Александр вздохнул. Он слишком хорошо знал, что означала эта реакция.

– Ты её запер?

– Конечно!

– Вот и отлично, – столь же бодрым голосом распорядился президент, снимая ботинки и залезая в более удобную домашнюю обувь. – Кто у нас сегодня? Главы регионов? Камчатка и Чечня? Прекрасный набор!

Дождавшись кивка подчинённого, он пересёк прихожую и, завернув за угол, очутился в небольшом кабинете – любимом месте в резиденции. Это было квадратное уютное помещение, залитое светом от вечернего солнца и вкусным запахом булочек, доносившимся из кухни по вентиляции. В центре комнаты стоял массивный дубовый стол с таким же тяжёлым креслом, которое, казалось, уже сотню лет не пе-

ремещали с законного места. За столом через окно во всю стену открывался прекрасный вид на яблоневый сад с прудом. Вдоль стен располагались высокие шкафы с толстыми книгами – дань традициям. У стены стоял потёртый кожаный красный диванчик для гостей, над которым висела репродукция «Охоты на вепря» Рубенса.

По мнению большинства посетителей, оказавшихся здесь впервые, облик кабинета резко контрастировал с привычными современными кабинетами высокопоставленных лиц, полными раздвижных панелей и плоских поверхностей для демонстрации изображений, но Александру кабинет нравился именно таким: скромным, сдержанным и не таким, как у большинства.

Он подошёл к креслу, тяжело в него опустился и выдохнул. Можно было передохнуть пару минут прежде, чем вновь приступить к делам. Александр нажал кнопку на коммуникаторе и попросил принести себе тонизирующий чай, который мог привести тело в чувства.

Раздался осторожный стук и на пороге возник маленький пухленький губернатор Камчатского края. Он приветливо улыбнулся и уже собирался войти, поблёскивая коллекционными запонками, но в проём мимо него проскользнул взволнованный Алексей. Он пробормотал слова извинения и тут же вывел на стену изображение своего интрокома.

– Вы должны это видеть.

На импровизированном экране показались кадры площа-

ди мэрии, где как раз полицейские разгоняли демонстрацию. Испуганная круглолицая блондинка в огромной каске, то и дело сваливающейся ей на глаза, пыталась перекрикивать шум борьбы:

– У здания мэрии группа молодёжи устроила несанкционированный митинг! Они выбили часть окон и закидали стены бутылками с неустановленной жидкостью! В данный момент полиция пытается усмирить демонстрантов!

Камера переместилась и крупным планом показала лицо тощего подростка, прижатого к земле ярко-зелёной сеткой. Лицо исказили боль и бессилие. Он попал в самую гущу событий, сверху на нём лежало ещё несколько человек. Кто-то сверху пошевелился, и юноша громко закричал...

На экране снова появилась журналистка и принялась что-то быстро тараторить, но Александр взглядом выключил звук.

– Мда... – Он сложил пальцы в замок и задумчиво постукал по подбородку. – Вот какого рожна они творят?!

Алексей растерянно пожал плечами в ожидании приказа начальника.

– Ладно, давай ко мне Мишу и Наташу. Со остальным – после... – Он выразительно посмотрел на гостя, давая понять, что аудиенция отложена. Губернатор глубоко вздохнул, поняв, что ждать придётся долго, и вышел из кабинета. Александр раздражённо поцокал языком и сильно сжал переносицу. Всё было слишком не вовремя.

Глава 8

Путь до академии Мэри и Сашка преодолели в гробовом молчании. Мэри свернулась клубочком на заднем сидении и от злости грызла внутреннюю поверхность щеки. Её до глубины души возмутил поступок Саши. Ну как можно было уйти оттуда, бросить своих, сбежать, как крысы с тонущего корабля? А где хваленная взаимопомощь и содружество? Как вообще можно с ним после этого разговаривать? А мальчик?! Маленький запуганный мальчик?! Что с ним теперь будет?!

– Как тебе не стыдно?! Мы же их бросили! – прошипела она сквозь зубы. – Там же были твои друзья!

– Успокойся! – равнодушно отозвался Сашка. Он сосредоточился на своих мыслях и не хотел тратить время на лишние эмоции.

– Но мы же должны быть с ними! – не унималась Мэри. – Их там не за что сгребают полиция!

– У нас другая задача. У всех в нашей организации свои цели и задачи. Мы не можем их смешивать. Это основа нашего выживания. Сейчас ты должна была посмотреть на этот митинг и доказать нам свою лояльность. Я должен был сопровождать тебя и вывезти оттуда. На этом всё.

– Но это несправедливо!

– Это спланировано. В текущих обстоятельствах и при

нынешнем правительстве мы вынуждены тщательно продумывать наши акции. По закону, административная и уголовная ответственность начинается только со второго попадания в течение трёх лет. Поэтому мы всегда подбираем именно тот состав, попадание которого будет для нас наименее трагичным или наиболее удобным. Ты для нас сейчас представляешь интерес, поэтому мы не хотим, чтобы тебя сцапали.

Мэри скорчила недовольную гримасу, всем видом демонстрируя обиду. Она чувствовала себя глубоко обманутой. Прекрасные мечты разбивались о суровую реальность. Горечь разочарования сводила скулы. Она уткнулась в стекло, стараясь не смотреть на водителя.

Сашка снизил скорость старенького авто и свернул с автостреды. Машина, тяжело ухнув, опустилась на землю. Впереди высилась громада академии. Сейчас она показалась Мэри ещё более унылой и серой.

– Прости, до дома не повезу. Мало ли... Небезопасно. Тебе лучше дойти до академии, потолкаться, чтобы тебя увидело побольше народу. Поговори с кем-нибудь, сходи в Окоп. Я сделаю то же самое. В универе нам лучше по-прежнему не замечать друг друга. Плохо, когда поведение людей вдруг резко меняется. Через три дня ты получишь приглашение в наш Подвал. Там будем обсуждать сегодняшнюю операцию...

– А если я не приду? – В её голосе прорезалась дерзость.

Сашка вздохнул и повернулся. Он пытался скрыть раздражение, но получалось плохо. Его лицо явно выражало досаду и непонимание.

– Лучше бы тебе прийти. Я понимаю твои чувства. Я бы тоже сейчас хотел быть с ними. Помогать раненым, протестовать вместе с ними. Но наше положение вынуждает нас быть осторожными. Тебе не нас следует ненавидеть, а систему, которая заставляет нас быть такими. Поверь, если бы в нашей стране не было проблем, то мы бы тратили время на всё что угодно, кроме политики и митингов.

Мэри расстроено шмыгнула носом. Было неприятно, что её отчитывают, как школьницу, и рассказывают прописные истины. Но спорить значило продемонстрировать ещё большую инфантильность, поэтому мудрее было промолчать. Она вышла из машины. Сашка кивнул на прощание. Мэри не хотелось отвечать, но вежливость пересилила, и она неловко взмахнула рукой в ответ. Автомобиль дёрнулся и взмыл вверх. Она грустно проводила его взглядом и поплелась прочь.

Глава 9

Как только девушка с парнем скрылись в машине, Максим тут же выскочил из укрытия и поспешил прочь. Сердце бешено колотилось, в голове шумело, а кровь разогревала уши и щеки. Максим не понимал событий, свидетелем которых стал. Но инстинктивно ощутил, что всё это было неправильным, выбивающимся из привычного порядка вещей, и лучше бы ему как можно быстрее забыть обо всём. Бурлящая агрессия и озлобленность демонстрантов захватили и его.

Максим лавировал между людьми, обходя одного, другого, третьего. Больше всего поражало, что никто из прохожих никак не реагировал на крики демонстрантов, всполохи электрической сетки и решётчатые фургоны. Из огромного потока людей единицы остановились на краю площади, чтобы снять происходящее на интрокомы и загрузить ролики в Интернет. Остальные продолжали просто идти вперёд, погруженные в ежедневные заботы и проблемы. Максим шёл по улице и заглядывал в лица, пытаясь найти хоть какие-то признаки беспокойства или озабоченности, но люди оставались глухи и слепы.

Через несколько минут, поддавшись общему настроению и убедившись, что за ним никто не гонится, Максим постепенно успокоился и замедлил шаг. Дыхание сбилось, а в правом боку закололо. Он редко отходил от дома и бывал на

улице, чтобы не нарваться на неприятности. Запыхавшись, Максим остановился, огляделся и обнаружил себя рядом с домом торговца Джо. Видимо, поддавшись страху, ноги повели его в единственно знакомом направлении.

Стараясь начать дышать ровно, Максим перешёл последний перекрёсток и замер. Перед ним серым кирпичом вырос нужный дом. Но идти внутрь не хотелось. Мальчик вздохнул, сжал кулаки и зашёл в подъезд. Его встретили застарелая тьма, тёплая сырость неисправной системы отопления и спёртый запах плесени. Отвратительные грязные подтеки и пятна на стенах. Сверкающий ковёр из бутылочных осколков на полу, лопающихся под ногами. Максим прекрасно знал, куда идти, но с каждым шагом сердце билось все громче, отзываясь глухим эхо в голове. Пятнадцать шагов, десять, девять, восемь...

Максим толкнул дверь. Она как всегда была не заперта и легко поддалась. В маленькой грязной квартирке играла оглушительно громкая музыка. В конце коридора танцевали женщины в вызывающих нарядах. Воздух был наполнен тяжёлым дымом и ароматом чего-то вязкого и сладкого. Максим на всякий случай зажал нос и по стенке пошёл в комнату. Там на дырявом диване развалился темнокожий мужчина. Одет он был в цветастую яркую рубашку, через которую проглядывала чёрная прорезь пупка и заляпанные джинсы. Голова запрокинута назад, а ноги неестественно вытянуты. Максима он не заметил, и, кажется, застонал.

– Извините? – Голос Максима дрогнул и стал почти девчачьим. Он раздосадовано прикусил язык и набрал воздуха в грудь, чтобы говорить громче.

Мужчина не реагировал

– Простите? – попробовал ещё раз мальчик, подходя ближе.

– Убирайся! – недовольно прорычал хозяин квартиры. – Нет бабла! Через неделю отдам.

– Простите, но я хотел купить лекарство. Для бабушки...

– Шта?! – Голова поднялась, и мутный белёсый взгляд попытался найти гостя. Мальчик не в первый раз видел этот эффект от приёма голубики: радужки бледнели, становясь молочными. Белый невидящий взгляд. Через какое-то время глаза возвращались в нормальное состояние, но с каждым годом процесс замедлялся.

– Меня бабушка к вам послала... – проямлил он.

– Аааа... Ты, Малой?

– Да! – пискнул Максим, испугавшись.

– Давай деньги, пробирку возьмёшь там! – Он указал дрожащим пальцем на захламлённый шкаф, где в центре стояла подставка с синеватыми пробирками.

Максим подошёл ближе, протянул браслет с деньгами, который Джо выхватил только с третьего раза и принялся снимать плату специальным считывателем, собранным в кустарных условиях. Дождавшись сигнала о списании, он кивнул и вновь отвалился на диван.

– Тока, слышь, Малой, больше не бери... – Джо вытер нос грязной ладонью.

Максим кивнул, на негнущихся ногах подошёл к шкафу. Внутри ампул клубилось голубоватое нечто, отбрасывающее холодное свечение. Почему-то препарат никогда не вёл себя как все прочие жидкости и не замирал в одном состоянии, всё время двигался, перемешивался и жил какой-то отдельной химической жизнью.

Максим нервно сглотнул, протянул дрожащую руку, ухватился за прохладное стекло и выдернул одну из ампул. Затем осторожно положил во внутренний карман, чтобы в целости донести до бабушки. Она будет рада... Сегодня ей будет чуточку легче.

Мальчик развернулся и направился к выходу, оглядываясь на Джо. Тот вновь запрокинул голову. Невидящий взгляд упёрся прямо в подставку, но по выражению лица казалось, что он был очень далеко отсюда. Он несколько раз громко всхрипнул, изо рта по щеке потекла тягучая ниточка слюны, а лоб покрылся испариной. Но Максиму казалось, что Джо следит за каждым его шагом.

Мальчик быстро выбрался из квартиры. Настроение резко ухудшилось. Про особенности нелегального аналога Теломеразина, прозванного в народе "голубикой", было известно каждому. Он избавлял от сильной боли и страданий, делал организм более выносливым и сильным, и даже в какой-то степени продлевал жизнь, давая дополнительные ре-

сурсы, но вызывал сильное привыкание. Самым частым итогом приёма препарата становились депрессия, апатия и суицид.

Максим уже не раз сталкивался с ягодниками – людьми, подсевшими на голубику. Каждый месяц в их округе кто-нибудь вешался или травился, отчаявшись достать очередную дозу. Но хотелось верить, что с бабушкой такого не случится. Из-за безденежья она не могла покупать дозы слишком часто, приходилось долго копить, откладывать и скрывать эти деньги от мамы. Кроме того, препарат ей правда был нужен – без него она мучилась от ужасных спазмов – последствий какого-то сложного заболевания.

Максим вышел из здания и зашагал домой, бережно прижимая левой рукой холодное стекло к рёбрам. Порой ему даже хотелось рассказать родителям о бабушкином секрете. Ведь это могло бы спасти ей жизнь. Да они, похоже, догадывались. Но с другой стороны, смотреть на мучения любимого человека было невыносимо. Она по-настоящему страдала. Суставы неестественно изгибались, от чего пальцы превращались в пучок сухих разросшихся корней уродливого дерева, а конечности переставали двигаться. Бабушка не могла спать и только обессилено вздыхала. Максим просыпался среди ночи от вздохов и уже не мог заснуть, чувствуя гнетущую пустоту комнаты. Лишить её препарата было бы жестокостью, причём по отношению к ним обоим.

Бабушка любила Максима, находя во внуке утешение и

радость. Как выкрикнула в порыве злобы однажды мама, он появился на свет только благодаря бабкиному упрямству. Конечно же, Рита, его мама, несмотря на незапланированность беременности, любила сына и старалась о нём заботиться в той мере, в которой позволяли обстоятельства. Но её упорно точили бедность и алкоголизм мужа. Ей казалось, что без Максима жизнь сложилась бы куда лучше, поэтому каждый косой сочувствующий взгляд знакомых и случайных прохожих на Максима воспринимала как лишнее напоминание о своём несовершенстве. Он был живым воплощением несбывшихся надежд. Лишний нахлебник и лишнее койко-место в их маленькой квартирке, не говоря уже о затратах на одежду и обувь. И только бабушка называла его подарком судьбы, счастьем, вопреки всему родившимся сообразительным и добрым, и была уверена, что однажды родители Максима все поймут и осознают, что мальчик – лучшее, что было в их жизни.

Рассказывать родителям про то, что бабушка принимает голубику, было самоубийством, однако не рассказывать, возможно, было ещё хуже... Оставалось только с тяжёлым сердцем ходить за препаратом для бабушки, стараясь отгонять от себя грустные мысли.

Когда он достиг площади, то с удивлением обнаружил, что шум и крики постепенно смолкли, в небе исчез последний жук фургончика, а у здания мэрии появилась бригада роботов-уборщиков. Они моментально распространились вдоль

стен и начали старательно оттирать последствия демонстрации. Следы краски стекали яркими ручейками и исчезали в решётке канализации. Роботы-уборщики собирали обломки транспарантов и куски одежды, а ветер разносил остатки мусора.

Максим прижал пробирку крепче к рёбрам и поспешил домой.

Глава 10

Мэри стояла перед глухой высокой дверью подвального помещения и нервно переступала с ноги на ногу. Был уже поздний вечер, плавно перетекавший в холодную ночь. В щелях завывал печальный ветер, в углу раздавались неприятные шорохи. Мэри невольно поёжилась. Этот район был ей совершенно не знаком. Они встретились с Сашей полчаса назад у остановки, и долго плутали среди плохо освещённых дворов и закоулков. Время от времени Мэри становилось совсем не по себе, хотелось развернуться и поехать обратно домой, но она так и не решилась об этом заявить. Ей казалось, что Сашка, явно обрадованный её приходом, хоть и попытавшийся это скрыть, сильно разочаруется.

Он шёл чуть быстрее неё, подпрыгивающей нетерпеливой походкой. Ему хотелось побыстрее ввести Мэри в новую, запретную жизнь, заполучив тем самым почётное звание опытного проводника и старшего товарища. В один момент из неудачливого невзрачного однокурсника он превратился в таинственного окружённого ореолом протеста, романтического героя. Теперь Сашка искренне наслаждался последствиями этого превращения. Глаза сверкали энтузиазмом, он что-то быстро и воодушевлённо говорил, широко размахивая руками, и совершенно не смотрел себе под ноги и часто спотыкался. Мэри активно поддакивала и угукала, сра-

зу перестав его слушать, поскольку никакой конкретной информации в его словах не было, а ощущение дискомфорта и страха от чужого района росло с каждой секундой.

Они в очередной раз завернули за угол дома, Сашка на всякий случай остановился, проверяя, не идёт ли кто-то за ними, несколько раз повернулся вокруг своей оси и, грубо схватив Мэри за запястье холодными костлявыми пальцами, потащил вдоль стены. Она покорно поддалась и побежала, непривычно быстро перебирая ногами, из-за чего пару раз запнулась, но с трудом устояла на ногах.

– Ничего-ничего, – заговорщицки прошептал Сашка, огибая крыльцо очередного подъезда. – Сейчас будем на месте.

Мэри вместо ответа сдержанно кивнула, морщась от боли в руке. Сашка оглянулся по сторонам, протяжно выдохнув, быстро приложил что-то к датчику. Молодые люди юркнули в подъезд. Они оказались в тёмном подъезде, где пришлось передвигаться наощупь. Сашка прошёл вперёд и, судя по звукам, направился куда-то вниз. Мэри осторожно последовала за ним, тщательно нащупывая ногой ступеньки.

– Осторожно, три ступеньки вниз, и сейчас я открою – войдёшь, – еле слышно прошептал он, звякнув чем-то металлическим.

Мэри соскользнула вниз на одну ступеньку, затем вторую и врезалась лбом в металлическую преграду.

– Чёрт!

– Сказал же, что открою! Будь внимательнее! – Возму-

щённый шёпот откуда-то снизу.

Мэри обогнула преграду, прошла вниз и оказалась в крохотном, похожем на лифт, помещении.

– Жди здесь, я пойду вниз. Когда постучу – зайдёшь... – С этими словами он растворился в противоположном углу, ослепив на прощание ярким всполохом света.

Когда зрение восстановилось, Мэри вновь окутала крошечная тьма. Учитывая лёгкую клаустрофобию и боязнь темноты, пребывание в столь неприятном месте уже можно было считать маленьким подвигом. Тем более что после последней акции Мэри одолевали серьёзные сомнения в правильности всего происходящего. Она много раз прокручивала в голове события и слова Сашки и даже думала отказаться от дальнейшего участия, но потом раздался звонок, и она просто не смогла сказать: «Нет!».

Чёрт возьми! Очередное проявление безволия и неспособности принять окончательное решение, отказаться от чего-то, когда нет полной уверенности. Сотни раз она уже сталкивалась с этой ужасной чертой своего характера: как только возникали две или больше альтернатив, у каждой из которых были свои плюсы и минусы, она впадала в ступор и не могла выбрать. Словно осёл, сдохший с голода между двумя полными кормушками, она проводила часы в раздумьях, раз за разом оценивая возможные перспективы, принимала решения, затем вновь перерешивала, а в конец измучившись, уже просто начинала подкидывать монетки, гадать по кни-

гам или перекидывать ответственность на других. Вот и сейчас. Стоило Сашке твёрдым голосом сказать, что он будет ждать её на остановке в десять, она даже не смогла найти слов для отказа. Просто оделась, собралась и приехала.

Мэри раздосадовано цокнула языком и зажмурилась, пытаясь избавиться от ощущения темноты и ограниченности пространства. Ей казалось, что она стоит здесь целую вечность. Пальцы ног в промокших ботинках потихоньку замёрзли, а из-за двери, за которой скрылся Сашка, пока не доносилось ни звука. Она вытянула руки в стороны и прикоснулась кончиками пальцев к шершавым стенам, чтобы убедиться, что они не двигаются. Глубокий вдох и досчитать до десяти... или ста, если на десяти ничего не изменится. Раз... Два... Три... Где-то недалеко завывала сирена скорой помощи, выдернув спальный район из коматозной спячки.

«Где-то кому-то плохо», – мрачно констатировала Мэри. В попытке отвлечься она сразу представила сухопарую седую старушку, картинно хватающуюся за сердце и падающую в старинное мягкое кресло. Наверняка, старушка только что получила письмо от своего давнего возлюбленного, которого не видела уже полсотни лет, но по-прежнему продолжала любить, несмотря на мужа, уют и множество персидских котов. Мэри уже придумала клички каждому из пяти животных, но тут послышался глухой металлический стук, и дверь слегка приоткрылась.

Мэри робко шмыгнула в открывшуюся щёлочку и замер-

ла на пороге, подслеповато щурясь от резкого перепада освещения. Перед ней открылась квадратная комната без окон, до потолка заваленная всевозможными плакатами, баллончиками с краской, петардами, разнообразной одеждой и откровенным хламом – всё в состоянии первобытного хаоса, овейного ароматом кофе и плесени. Единственным источником освещения служил дырявый абажур, распространявший по комнате ярко-оранжевые пятна.

Мэри стояла под самым потолком. Вниз от её ступней уходила короткая крутая лестница, вплотную упирающаяся в большой круглый стол, покрытый фиолетовым бархатом. За ним сидело около десяти человек примерно её возраста. Почти все испытующе смотрели на гостью.

Неожиданно Сашка вынырнул откуда-то из-под лестницы вместе с низенькой табуреткой, которую он ловким движением перевернул в воздухе и установил между лестницей и столом. Он не смотрел на Мэри, но та поняла, что табурет предназначен для неё. Мэри осторожно спустилась на негнущихся дрожащих ногах, и грузно осела на предложенное сидение. Напряжённое молчание стало невыносимым, но она не решалась поднять глаза и с необычайным интересом разглядывая обувь и грязные маслянистые пятна на полу. Пятна превращались в огромных ленивых китов, медленно и нехотя плавающих в безмолвии линолеума.

– Ну, здравствуй! – раздался мужской голос справа.

– Здравствуйте, – еле выдавила из себя Мэри. Собрав во-

лю в кулак, она посмотрела на говорившего. Им оказался худощавый русоволосый юноша с выдающимся кадыком и жидкими пучками щетины. Лицо показалось знакомым.

– Ты получила хорошие рекомендации от наших членов, – продолжил он ещё более суровым голосом. – И показала заинтересованность в нашем деле на акции... – Повисла глубокомысленная пауза. – Мы ценим это... Но мы бы хотели знать, готова ли ты к грядущим испытаниям и всецело ли разделяешь идеалы свободы и борьбы за свои права? – К концу фразы его голос стал громче, чем в начале.

– Ну, да... – непонимающе отозвалась Мэри, с лёгким недоумением оглядывая присутствующих. Помимо парня с кадыком здесь были ещё угрюмые близнецы с косматыми бровями, коренастый спортсмен с квадратной челюстью и металлической цепью, высокий панк с наполовину выбритой головой, юноша в очках, азиат с взъерошенной чёлкой, пухлая круглощёкая девочка, и две девушки в почти одинаковой одежде, блондинка и шатенка. Обе учились в академии. Девушки сразу же отвернулись, сделав вид, что они не знакомы.

– Мы должны полностью убедиться в твоей верности и в твоём умении молчать, понимаешь? – решил разрядить обстановку Сашка.

– Да, я понимаю. Но что я могу сделать? Поклясться на крови или принести жертву? – попыталась пошутить Мэри.

– Нам сейчас не до смеха! – Губы блондинки сжались в

струнку. – Сашка рассказал нам, что ты не хотела уходить с протеста. Пыталась не подчиниться. Первое, что ты должна здесь уяснить – это беспрекословное подчинение приказам вышестоящих. Каст... – Она указала на парня с кадыком, – глава нашей ячейки. Он связывается с центром и остальными. Мы делимся на две группы. Старшие групп: я – Марго – и Алекс. – Азиат медленно кивнул. – Мы связываемся с Алексом и передаём информацию вам. За любое нарушение – дисциплинарное взыскание. Если проговоришься – трибунал, и дальше твою судьбу будет решать Комиссариат. Понятно? – С каждым новым предложением белёсые, незаметные брови Марго съезжались все ближе к переносице, делая её похожей на насупившегося джунгарского хомячка.

– Да, понятно, – нехотя отозвалась Мэри. – А кто входит в этот Комиссариат?

– Этого ты не узнаешь... пока не узнаешь. Сейчас это за рамками твоего уровня доверия, – подал хриплый голос Каст. – В целях безопасности мы не предоставляем информацию о других группах и тем более о вышестоящих членах. В идеале группы Марго и Алекса тоже должны были быть не знакомы, но... – Он запнулся. – У нас нет места для собраний. Поэтому с разрешения Комиссариата нам позволили объединиться.

– Уровень доверия? Что это? – нахмурила брови Мэри.

– У всех членов есть уровни доверия. Ты получаешь сначала нулевой уровень доверия и самые простые, хоть и важ-

ные задания. Если ты выполняешь, вернее, если ты перевыполняешь свои цели, то ты переходишь на следующий уровень, и получаешь ещё порцию информации. И так дальше.

– И какую цель я могу получить?

– Хм... – Марго задумалась. – Сейчас это, скорее всего, будет подготовка каких-нибудь плакатов или расходных материалов. Ну, или слежка за кем-нибудь. Дальше – серьезнее...

– Ты должна быть внимательной, аккуратной и последовательной, – заговорила круглощёкая девушка. – А главное, ты должна молчать обо всём, что хоть как-то связано с нашей организацией, и особенно о тех, кого ты здесь встречаешь. Мы все здесь пользуемся ненастоящими именами. Вот я – Дорис.

– Очень приятно...

– Это Томи и Сэми, – стараясь перевести тему, Сашка показал на близнецов, которые с тем же угрюмым выражением лиц кивнули в ответ. – Свити. – Шатенка помахала ладошкой. – Стронг! – Спортсмен хамовато подмигнул.

– Винд, – решил представиться парень с бритой головой. Мэри отметила необыкновенно красивое сочетание небесно-голубых глаз и густых чёрных ресниц.

– А я Стив, – буркнул очкарик, снимая очки и близоруко щурясь на свет абажура.

– А я Саныч, – весело подмигнул Сашка.

– Мне очень приятно, и спасибо вам большое за оказан-

ное доверие. – Мэри почувствовала себя свободнее, когда все представились. – Тогда называйте меня Мэри. В паспорте у меня все равно другое имя.

– Договорились! У тебя есть вопросы или мы можем приступить к нашей повестке? – поинтересовалась Марго.

– Подождите-подождите, – запротестовала Мэри. – Расскажите мне хоть немного. Я должна хоть что-то знать. – Она сложила руки в просящем жесте. – О вас столько слухов ходит, да вы живые легенды! Говорят, что вы чуть ли не президента убить хотите, но реальной информации никакой!

В комнате повисла продолжительная пауза. Никто не спешил отвечать.

– Она имеет право знать. Она попала к нам не так, как попали все мы. Мы должны сделать исключение. Иначе она не сможет быть с нами. – Сашка подошёл к Мэри и положил руку ей на плечо.

– Мы не можем ей пока так доверять! – буркнула шатенка.

– Я поручился за неё! – нахмурился Сашка, сильно сдавив плечо Мэри.

– Ладно, не говорите всё! – Мэри хотелось подпрыгивать от нетерпения. – Но хотя бы цель той акции, на которой я была... Я была там, ничего не зная. Вы требуете разрешить Теломеразин?!

– Хорошо, – вздохнул Каст. – Но ты ...

– Должна молчать. Я помню.

– Мы считаем, что... – Каст резко снизил громкость голо-

са, отчего все подались вперёд, сжавшись в плотный круг. – В мире существует лобби фармацевтических компаний, активно поддерживаемое на самом верху. – Он облизал губы. – У нас есть доказательства, что существующий многолетний курс Теломеразина можно заменить на курс из трёх концентрированных сывороток. Себестоимость производства одной дозы гораздо ниже, чем принято считать. Они запретили препарат в России, а сами его жрут! Наш президент его жрёт! – Каст ударил кулаком по столу, из-за чего сидящие за столом вздрогнули.

– Но ведь далеко не все члены правительства сами принимают препарат...

– Ага, или просто нам так говорят.

Мэри показалось, что в помещении стало жарко, а свет абажура потускнел и замерцал, отражаясь в темных провалах зрачков.

– Я согласна: это мерзко. Но ведь есть сомнения в безопасности препарата.

– Или нам говорят, что есть.

– Да, я уже слышала об этом, – задумчиво кивнула Мэри. – И читала об этом.

– Но всё это не имеет смысла, – перебил её уже разгорячённый Каст. – Поскольку правительство не допустит не только появления новых лекарств в нашей стране, но и даже информации о них. Министерство связи сутками работает, удаляя любую информацию. Мы пытались уже сотни раз со-

здать какие-то группы, сообщества, распространять листовки, но всё мгновенно уничтожается, а активисты пропадают. Этим уродам не хочется, чтобы мы жили нормально, чтобы мы были свободными и могли сами принимать решения о том, сколько и как нам жить. Им не нужны люди, граждане. Им нужны скоты, с которыми можно делать что хочется!

– Каст всё это очень близко к сердцу принимает... – сочувственно-наставительным тоном произнесла Марго, погладив его по руке.

– Как и мы все, – поспешила добавить круглощёкая Дорис и с недовольством отвернулась от Марго.

– То есть вы добиваетесь доступности препарата для всех?

– Именно! – обрадовался Каст. – Но Теломеразин – только одна из целей. Вот тебе не обидно, что тебя сразу лишили права выбора? Может быть, ты хотела, чтобы всё было по-другому? Мы уверены, что каждый имеет право сам решать, что ему делать со своей жизнью, а государство обязано это обеспечить. Мы все равны и имеем право на свободу выбора и долгую продолжительную жизнь... И готовы за это бороться. Вот что они получают, а не нашу покорность! – С этими словами Каст вскочил со стула и подняла рук с кукишем высоко вверх.

Раздался скрип стульев: остальные тоже вскочили и вскинули руки, образовав полукруг. Сердце Мэри учащённо забилось. Впервые она чувствовала себя частью чего-то большего, чем она сама, чего-то важного и способного изменить

мир. Как будто бы это единство превращало неуверенных и робких студентов в борцов за справедливость. Их лица в мгновение стали взрослыми, серьёзными и красивыми, словно цель, к которой они шли, озаряла их своим блеском.

– Ты с нами? – Даже голос Сашки стал более спокойным и мужественным.

– Да! – одними губами произнесла Мэри и подняла руку. Тепло множества рук, ощущение надёжного плеча рядом.

– За жизнь! За свободу! За выбор! – закричал Каст, и комната сотряслась от их голосов.

Глава 11

Юлия зашла домой. Пентхаус на сорок втором этаже в самом сердце столицы приветствовал хозяйку запахом морского бриза и шумом прибоя. В прихожей загорелся мягкий свет, а система умного дома приятным мужским голосом произнесла:

– Добрый вечер, госпожа! Согласно вашему запросу, овощной суп разогрет. В ванной набирается вода. Приятного отдыха.

– Спасибо, Марк... – вздохнула Юлия. – Поджарь тосты. – Она с наслаждением скинула туфли на высокой шпильке, села на пуфик и принялась растирать ступни. На кухне тут же трудолюбиво зажужжал робот-пылесос и стремительно направился к хозяйке, чтобы собрать несколько песчинок, насыпавшихся с обуви.

– Да уйди ты! Надоел! – Пинок отправил несчастного робота в противоположную сторону.

– Как прошёл день? – На кухне щёлкнул тостер.

– Тяжело. Очень устала. Много встреч и обсуждений. Все словно с цепи сорвались.

– Если окружающие плюют вам в спину, значит – вы впереди, – философски заметил Марк.

Она усмехнулась:

– Ты где этого понабрался? Опять соцсети читаешь, пока

меня нет?

– Нет, неделю назад вы просили меня быть не таким роботизированным и скучным. Я стараюсь соответствовать вашим пожеланиям.

– Пока получается плохо. Старайся лучше.

– Как пожелаете.

Юлия встала, сняла одежду и в нижнем белье отправилась на кухню. Достала бутылку белого вина из холодильника, налила бокал и сделала большой глоток.

– Марк, проверь сообщения. Что-то новое есть?

– Виктория прислала электронный билет на самолёт. Рейс Москва-Новосибирск. Вылет в двенадцать ноль-ноль. Завтра. Вы летите в командировку? – Марк постарался изобразить заинтересованность.

– Видимо, да. – Она устало вздохнула. – Поставь стирку через час. Щадящий режим. Сушка. И напомни, где сейчас лежит маленький красный чемодан?

– Одну минуту. – Система зависла на несколько секунд. – В гардеробной на третьей полке.

– Какая погода в Новосибирске до выходных?

– Плюс пять. Пасмурно, без дождя. Вас не будет до выходных? – с печалью голосе поинтересовался Марк.

– Да. Вряд ли управлюсь раньше.

– Очень жаль. Я буду скучать и с нетерпением ждать вашего возвращения.

– Жди и считай минуты... Приятно, когда тебя кто-то

ждёт... – кокетливо заметила Юлия и осушила бокал, стукнув им о столешницу. Затем схватила бутылку и отправилась с ней в ванную.

– Уверен, что ваши партнёры в Новосибирске вас очень ждут, – с энтузиазмом заверил Марк. – Какова цель вашей командировки?

Хозяйка квартиры остановилась около белоснежного облака мыльной пены и засунула руку прямо в центр, чтобы потрогать воду.

– Марк, захлопнись! Слишком много болтаешь! – раздражённо отозвалась она. – Лучше бы воду похолоднее сделал. Сварить меня хочешь?!

– Одну секунду!

Из крана тут же потекла прохладная вода. Юлия задумчиво поводила кистью под водой и, сделав большой глоток вина, погрузилась на дно ванной. Назойливый внешний мир остался далеко, за непроницаемой границей. В голове приятно зашумело. По венам разливалось винное тепло. Усталость постепенно улетучивалась вместе с грузом чужих эмоций и слов. Оставалась только блаженная пустота и невесомость.

Юлия прекрасно знала, что ей завидовали. Липкая вязкая зависть чувствовалась во взглядах, улыбках, жестах, комплиментах, приглашениях на мероприятия и предложениях о сотрудничестве. Самые искренние даже признавались, что Юлия приносит удачу. Стоило пригласить её на мероприятие или принять участие в её проекте – бизнес рос, клиенты

восторгались, а с неба сыпались многомиллионные контракты. Юлия с внимательной улыбкой слушала эти признания и в ответ понимающе кивала: «Просто теперь вы всё делаете правильно. Успех приходит только к тем, кто движется в нужном направлении. К тем, кто заблуждается, он не приходит. Деньги, слава, успех и клиенты любят тех, кто принимает самые правильные решения!».

В этом простом и эффективном принципе заключалась её жизненная философия. Качественно работай, рискуй, не бойся нового и никогда себя не ограничивай. Сомнения, этику, мораль, бесконечные вопросы она считала глупыми предубеждениями и бессмысленными уловками слабых и ленивых. Тех, кто не хотел идти вперёд и развиваться.

Для неё ответы на все вопросы были предельно просты. Если успех пришёл – считай, что судьба благословила и ты сделал всё правильно. Остался в нищете и безызвестности – пошёл по ложному пути и поступил неправильно. Собственный успех окрылял Юлю и давал абсолютную веру в свои силы, которой она заражала окружающих. Для компании она стала действительно незаменимым сотрудником.

Исходя из этого же принципа, проект по продвижению Теломеразина на территории Союза она считала единственным по-настоящему стоящим вызовом собственному профессионализму. Да, задача казалась сложной, даже непосильной. Но с каждым месяцем количество сторонников препарата только увеличивалось. Присоединялось всё больше лиц,

принимающих решения, и влиятельных бизнесменов. Благодаря работе СМИ, акциям оппозиции и постоянной общественной дискуссии идея, казавшаяся когда-то фантастической и невозможной, постепенно стала восприниматься как нечто реализуемое и просто отложенное на потом. Осталось несколько серьёзных оплотов сопротивления, но и они вскоре должны были сдаться. По крайней мере так подсказывала Юлии интуиция, а она ещё ни разу не подводила. Нужно было набраться сил и хладнокровия, чтобы получить от столь внезапной и поэтому ещё более важной командировки в Новосибирск максимум пользы. Требовался чёткий и логичный план.

– Марк! – позвала Юлия.

– Да, хозяйка? К вашим услугам.

– Мне нужна статистика по всем публикациям сотрудников Новосибирского Государственного университета за последние десять лет. Направления – биология человека, биомедицина и репродуктология. Нужны сами статьи, данные о публикациях и в особенности информация об опровержении выводов. Всю подборку сгрузить мне на интроком и рассортировать. Всё ясно?

– Как пожелаете, – отчеканил Марк.

– И сделай аудиозапись погромче. Мне нужно отдохнуть.

– Конечно!

Шум моря стал оглушительным и затопил всю квартиру.

Глава 12

Александр сидел в задумчивости и барабанил пальцами по столу. Необходимо было чётко продумать, что именно он скажет подчинённым, когда они приедут. Наташа как всегда будет уговаривать выступить с заявлением, ответить на критику и устроить пресс-конференцию. Михаил же в очередной раз пожалеет, что нельзя «найти эту шпану, выпороть как следует, да к мамке отправить». Затем попросит увеличить бюджет на «работу с молодёжью», то есть подготовку и внедрение в молодёжные сообщества агентов, сообщавших МВД грядущие планы оппозиции. Второй пункт его программы – проведение спортивных и культурных мероприятий среди подростков и юношества. Александр заранее знал, что и в какой последовательности каждый из подчинённых скажет, какие аргументы приведёт и какие проблемы выделит. Все слова давно были сказаны, все идеи затёрты до дыр. Но что-то делать было надо.

Сам президент даже сочувствовал выступлениям молодёжи. Они отзывались давно забытым ощущением юности, силы энергии и главное – опьяняющей веры в то, что мир крутится вокруг тебя и ты можешь всё изменить. Когда-то он сам боролся за права социальных групп, которые с тех пор уже канули в Лету, утянув за собой и иллюзии прошлого. Время расставило всё на свои места, но не избавило от па-

мяти. Жаль, что реальность не похожа на компьютерную игру, где всегда можно сохраниться и загрузить игру заново, если тебе не понравилось принятое решение. Люди слишком не любят задумываться о реальной цене своих желаний. Они мечтают о богатстве, но не думают, сколько ради него надо трудиться. Хотят красивое тело, но не любят потеть в спортзале. Желают долго жить, но не хотят следить за собственным здоровьем. Таблетка долголетия кажется им гораздо привлекательнее, несмотря на тяжелейшие последствия.

Они требуют право выбора. Но есть ли оно у кого-то? Было ли оно у самого Александра? Ребёнок с выдающимися способностями, почти гений, залюбленный мальчик, он с лёгкостью согласился на продолжительную жизнь без болезней и старости, хотя и скрывал этот факт. Но как можно принимать столь жизненно важное решение, не зная, как бы сложилась судьба, выбери ты другой вариант? И какую цену ты за это заплатил?

В дверь постучали. Александр отогнал печальные мысли на задворки сознания и улыбнулся:

– Войдите!

Взволнованная Наташа заглянула в кабинет:

– Можно?

– Да-да!

– Миша с тобой?

– Да! – Из-за её спины донёсся мужской голос. Михаил и Наташа вошли в комнату. Михаил галантно предло-

жил пресс-секретарю выбрать кресло. Наташа поколебалась несколько секунд и наконец опустилась в кресло, стоявшее чуть дальше от президента. В минуты волнения и без того внимательная и исполнительная сотрудница превращалась в пятиклассницу-отличницу, выходявшую к доске доказывать теорему. Тонкие пальцы то и дело теребили край юбки, а аккуратный носик недовольно вздрагивал. Михаил был привычно спокоен, но чувствовалось, что за непроницаемой маской булькает раздражение.

– Ну что? Как у нас дела? – поинтересовался президент.

– Не очень, если честно... – выдавила Наташа. – По основным каналам прокатились пяти-десятиминутные репортажи о жестоком подавлении митинга с арестами, применением электрических пуль, дубинок и сетей. На трёх каналах в эфир вышли интервью с жертвами полицейского произвола. Лица скрыты, но на одежде видны следы крови. Одна из жертв, давших интервью – не участник митинга, а прохожий, попавший под репрессию властей. Мировые СМИ уже выпустили статьи и сюжеты с заголовками: «Новые репрессии кровавого режима», «Свободин уничтожает своих граждан», «Новая глава правительственного террора в Союзе» и пр. По данным Министерства Информации, около миллиона человек участвуют в обсуждениях протестных выступлений в интернете в настоящее время. В следующие выходные ожидается митинг против произвола полиции.

– Сколько людей участвовало по сведениям МВД? – уточ-

нил Александр.

– Две тысячи всего, пятьсот человек – активно, – нехотя отозвался Михаил.

– В СМИ и Интернете растиражирована информация о десяти тысячах, – отчиталась Наташа.

– Печально.

– Задержанных?

– Шестьдесят восемь человек. Двадцать один – несовершеннолетние. Остальные – младше двадцати двух.

– Потребовали медицинскую помощь?

– Пять.

– Перегибы были? – Александр пристально посмотрел на друга.

Повисла пауза. Помедлив, Михаил выдавил:

– Одному сломали ребра. У студентки вывих плеча.

– Всё? – с нажимом уточнил Александр.

– Ещё у одного разбит нос, но там ситуация спорная.

Александр поджал губы в нерешительности. Хотелось подобрать правильные слова. Наташа поёрзала на стуле – ей явно не терпелось. Чтобы выиграть время, Александр поймал её взгляд и едва заметно кивнул.

– В сюжетах активно демонстрировалась символика оппозиции – та самая красная фига, – затараторила Наталья. – Это уже десятая акция за полгода, которая привлекла общественное внимание. Нам срочно надо дать пресс-конференцию. На самом деле её надо было дать ещё два месяца на-

зад. – Она нетерпеливо вздохнула. – Мы созовём журналистов. Михаил должен ответить на их вопросы. Примерную информацию мы напишем...

– Ну уж нет! – энергично замотал головой министр. – Только через мой труп! Мне этих уродов искать надо, а не журналистам жопу подставлять, чтоб имели! У нас пресс-служба на что?!

– Ситуация давно вышла из-под контроля, – холодным тоном отозвалась Наташа, скрестив руки на груди. – Пресс-службы будет недостаточно... Необходимо выступить именно вам!

– Ну уж дудки! И вообще... – Министр продолжал упорствовать. Александр отметил напрягшиеся мышцы шеи и челюсти. Ещё немного – и он уйдёт в глухую оборону. Тогда до него уже не достучишься.

– Хорошо, оставим пока тему журналистов, – примирительно отозвался президент. Наташа хотела что-то возразить, но вовремя прикусила язык. – Сам-то ты что хочешь?

Михаил недоверчиво нахмурился, почесал нос и заговорил:

– Для начала вычислить основных координаторов. У любой молодёжной или подростковой организации есть взрослые координаторы. Чаще всего имеющие психологическое или педагогическое образование или хороший опыт взаимодействия с детьми, подростками либо студентами. Большинство членов организации вообще не в курсе об их существо-

вании. Они находят неформальных лидеров, обрабатывают, дают «правильные» советы и притворяются старшими друзьями, либо сочувствующими молодёжи. Они же предоставляют ресурсы, то есть выступают промежуточным звеном между организацией и теневыми спонсорами. Найдёшь их – ликвидируешь и саму организацию и вычислишь заказчика.

– Какие наработки уже есть?

– Как уже было написано в соответствующем отчёте... – Михаил красноречиво посмотрел на стопку папок на краю стола. Александр кивнул, усмехнувшись. – Красная фига – символика организации «За жизнь». Состоит в основном из студентов. По нашим данным, в ней уже около двух тысяч человек. Основное требование – отмена любых ограничений Теломеразина – свободное распространение, свобода приёма. Основная идея – данные о вреде препарата сильно преувеличены. Вреда от него нет. А правительство убивает людей, ограничивая их в продолжительности жизни. Помимо этого, правительство виновно ещё в добром десятке проступков, прежде всего – сокрытии информации и цензуре. Спонсируются из-за рубежа, частично – производителями голубики и крупными оппозиционными бизнесменами. Лидер организации – некий Арс Брейг – молодой человек с хорошими ораторскими данными, но явно фигура номинальная. Кто стоит за ним – выясняем. Необходимо внедрить своих агентов, но требуются бюджеты на подготовку...

– Сколько существует?

– Около пяти лет... – нехотя отозвался министр.

– А почему только сейчас мы о них узнаем?

– Этих молодёжных объединений – как прыщей на заднице. За всеми не уследишь. Я же говорю: нужна молодёжная политика, пропаганда спорта...

– Уровень угрозы? – перебил министра Александр.

– Пока – минимальный в вопросах реальных поступков.

– Зато крайне высокий в медиа-пространстве и общественном мнении. – Наташа на секунду даже подскочила в кресле от нетерпения. – Они гораздо активнее в Интернете. Каждая акция широко освещается на закрытых площадках. И опросы показывают, что количество их сторонников постоянно растёт. Мы с Министерством информации подготовили программу противодействия. Она требует скорейшего рассмотрения и имплементации. Вопрос – ближайших дней. Кстати, теперь её первый пункт – это пресс-конференция с чётким позиционированием нашей точки зрения на их деятельность.

– Но мы не можем сформировать чёткую позицию, пока не выяснили всё до конца. – Михаил решил вмешаться. – Ведомству необходимы хотя бы ещё три месяца, чтобы прояснить недостающую информацию. Тогда мы сможем представить единый доклад и дать любую пресс-конференцию. Пока я даже не знаю, что на ней говорить!

Лицо Наташи вспыхнуло алыми разводами. Чуть громче, чем следовало, она отчеканила:

– Но вы уже полгода над ним работаете, а позиции правительства так и нет! Нас обвиняют в игнорировании оппозиции и замалчивании правды!

– Пусть и дальше обвиняют!

– Стоп! Хватит! Угломнитесь! – Александр встал с места и подошёл к окну. Он знал, что подчинённые ждут от него решения. Только его ответ мог успокоить стороны и примирить их друг с другом. Но он медлил. Последнее время решения давались всё сложнее. Правильный ответ маячил перед глазами кричащим транспарантом, но язык развалился во рту словно ленивый моллюск и не двигался. Хотелось оказаться одному в тишине и насладиться покоем. Трусливая мысль выплыла из глубин сознания и, не оборачиваясь, он сообщил деловым тоном:

– Сейчас не хватает данных для принятия окончательного решения. Миша, бюджета нет, сам знаешь, но жду подробную справку об этой группе и план действий. Наташа, пришли ещё раз программу. Разработайте тактику работы с такими случаями и подберите десяток кандидатур, которые могут выходить к прессе, если акции повторятся. Чтобы кто-то из них всегда мог. Миша – не вариант. Всё ясно?

– Да, господин президент! – тихо отозвалась Наташа.

– Да, босс. Сделаем!

– Отлично! Можете быть свободны...

Михаил и Наташа встали и быстро покинули кабинет. Александр так и остался стоять у окна.

Глава 13

Мэри пугливо оглянулась и надвинула капюшон на голову. Её била мелкая дрожь. Она внимательно вслушивалась в удаляющиеся шаги. Шаг, второй, третий... Кажется, мужчина. Звук чуть тише. Фух, видимо, пронесло! Тридцать секунд назад Мэри показалось, что за ней кто-то идёт. Она ускорила и спряталась за вентиляционной будкой, прижавшись спиной к шершавой мокрой поверхности. Но тревога оказалась ложной.

Мэри сделала глубокий вдох, досчитала до пяти и, резко оторвавшись от укрытия, засеменила вперёд. Оставалось около двадцати отметок. Это задание сразу показалось подозрительным. Зачем ездить по незнакомому району города и оставлять отметки? Но Сашка и остальные заверили, что это важно и, более того, опасно. Ходили слухи, что в прошлом месяце двух активистов задержали, а одного даже избили.

Они вызвали её всего через неделю после первого знакомства – на почту пришло письмо от Пасхального Кролика с приглашением на вечеринку. Внизу письма сразу под текстом сидел чёрный кролик, сжимавший кроваво-красное яйцо. Мэри приехала в тот самый подвал вечером. Там её уже поджидала сумка с баллончиками и трафаретом – красным кукишем с зашифрованным посланием – и раздражённый Каст, который не хотел ничего толком объяснять. Кажется, у

группы начались проблемы из-за последней акции.

– Сделать надо сегодня! Инструкция – в сумке. Сразу после исполнения инструкцию уничтожаешь, краску выкидываешь. Сумку вернёшь в следующий раз. Главное – не попадись и не покрась себе руки – краска не смывается.

– А что нам дают эти отметки? – уточнила Мэри, согнувшись под тяжестью ноши.

– Как – что? – Его левая бровь взлетела вверх. – Понимание, что нас много. Мы все вместе. Поддерживаем друг друга в тёмные времена. Плюс в них зашифрована инструкция, как найти сайты и сообщества в интернете. Это помогает объединяться.

– И только? Есть же другие способы, закрытые мессенджеры, например... – Искренне удивилась Мэри, только потом осознав, что сморозила глупость. В комнате повисла гнетущая тишина. Помедлив, Каст раздражённо проворчал:

– Также работает эффект устрашения. Они смывают наши отметки, а мы рисуем их вновь. Они снова смывают, а мы рисуем на их месте в два раза больше. Но... мы уже говорили об этом. Тебе не стоит задавать такие вопросы.

– Да-да. Простите... – Мэри захотелось провалиться сквозь землю. – Я ничего плохого в виду не имела. Просто хочу понимать всю важность задания, чтобы как можно лучше выполнить.

– Уверена? – недоверчиво поинтересовался Каст.

– Да-да, конечно! – поспешила заверить она, чувствуя всю

неловкость ситуации.

Теперь неловкость уступила место страху. Ей выделили неблагополучный район, в котором Мэри не ориентировалась. На улицах никого не было – добропорядочные обыватели сидели дома. Мэри взглянула на часы. Пол-одиннадцатого. Поздно. За углом завывала сигнализация. Она ускорила шаг. Воняло канализацией. Тьма густела с каждой минутой.

«Давай, осталось совсем чуть-чуть. Вон – мусороперерабатывающий контейнер. Можно на нём».

Она молниеносно присела у большого вонючего контейнера. В темноте блеснул металл, звук пульверизатора – и на коричневом железе загорелась красная эмблема. Мэри тут же нажала на кнопку интрокома-серёжки для фото – Каст попросил отчитаться – и вскочила на ноги. Сердце билось о стенки рёбер. Руки заледенели.

«Это просто проверка. Только проверка! Сашка намекал, что новичков всегда проверяют. Потом будут другие задания».

Мэри понимала, что скорее всего следующие задания будут только сложнее. Хотелось как можно быстрее оказаться дома под горячим душем. Она мысленно пожурила себя за лень и трусость и чуть увереннее продолжила путь.

«Что ждёт нас в будущем? Добьёмся ли мы результата? Или нас растопчут, лишив последних огрызков свободы? Почему они настолько не хотят нас замечать и отрицают даже наше существование? Почему власть полностью игнори-

рует неотъемлемые человеческие права: свободу слова, право выбора, свободу мысли? Всегда ли этим людям было наплевать на интересы народа или власть развращает тех, кто в неё попадает, делая их глухими и слепыми? Почему они провоцируют нас? Заставляют бороться, расшатывать общество и портить имущество? Ведь было бы гораздо правильнее просто услышать... Ведь всегда можно договориться или хотя бы попытаться...»

Погруженная в грустные мысли, Мэри свернула в сумрачную узкую подворотню, заканчивающуюся глухим тупиком. В воздухе клубился влажный пар – рядом проходила тепло-трасса. В ноздри ударил тошнотворный запах мочи и тухлой рыбы. Жар и влага превратили стоявшие в глубине подворотни мусорные контейнеры в смрадные колодцы. Мэри от неожиданности вздрогнула. С покрытой грибком кирпичной стены на неё проникновенно смотрел сам президент – агитационный плакат отсырел и выцвел. Уголки были объедены крысами. Студентка саркастично ухмыльнулась: «Здесь ему самое место». Поколебавшись несколько секунд, она приблизилась к стене, достала краску и нарисовала огромный красный кукиш прямо на лице президента.

«Так-то лучше», – она довольно оглядела работу и, зажав нос, сделала фото, чтобы тут же отправить его Касту.

Глава 14

Виктор опаздывал. Прошло уже пятнадцать минут. Александр нервно мерил кабинет ногами и пытался понять собственное состояние. Настроение, самочувствие, мысли – всё было не то. Будто базовые настройки мира выкрутили на се-пию. Яркие краски сменились мрачными депрессивными оттенками грязно-серого и жёлто-коричневого. Голова отяжелела, глаза слипались. Александр посмотрел на часы и раздосадовано цокнул языком. Раньше премьер-министр себе не позволял себе задержки.

Забавно, насколько обличённый властью человек (король, президент или начальник) в сущности бессилён перед поступками и решениями подчинённых. Эта мысль впервые пришла к Александру лет десять назад и с тех пор засела занозой в сознании. Как бессмысленны все регалии, должности, полномочия и звания перед банальным неповиновением. И насколько люди в самой своей глубинной сущности готовы отказаться от собственных решений и передать ответственность за свою жизнь кому-нибудь другому. Ведь ни один полководец, каким бы гениальным он ни был, не сможет сдвинуть армию с места и отправить её на верную смерть, если она сама этого не захочет. Ни один кандидат никогда не станет президентом, если большинство добровольно не согласится отдать судьбу в его руки. В основе лю-

бой власти лежит тотальное нежелание людей определять свою жизнь. И что делать, если однажды в них это желание проснётся? Ответ на этот вопрос пугал. Александр чувствовал, как по телу распространялась нервозность. Она щипала мелкими электрическими вспышками и не давала покоя.

Раздался стук. Президент быстро сел за рабочий стол и уткнулся в экран интрокома.

– Да? – раздражённо бросил он.

– Можно войти? – В проёме появилась лысеющая голова Прагмина.

– А, ты, Виктор?

– Я, Александр Владимирович! – подчинённый одарил президента обаятельной улыбкой.

– Заходи, только подожди пять минут. Кое-что закончить надо.

– Конечно.

Гость бесшумно подошёл к столу и с удовольствием опустился в кресло. Премьер-министр был в прекрасном расположении духа, но выглядел уставшим.

– Что, Вить, работы много? – поинтересовался Александр.

– Как всегда, одно-другое, пятое-десятое, Александр Владимирович, – вновь улыбнулся гость. – Я вам новые предложения отправил. Ждём вашего решения. Отчёты по госпрограммам будут готовы через неделю. Сразу же лягут вам на стол.

– Как там всё в целом?

– Хорошо, – в подтверждение своих слов глава правительства выставил большой палец. – Значительно лучше, чем мы рассчитывали. Наукоёмкие технологии начинают приносить плоды. Не зря вкладывались. Контракт с Китаем тоже почти подписан. Перспективы отличные. Сейчас разрабатываем Индию. Надеюсь, что скоро приду к вам с хорошими новостями.

– Ладно-ладно, – заразившись энтузиазмом собеседника, отозвался Александр. – Молодец.

– Спасибо команде. Всё – они!

Президент отметил, что подчинённый отвечал на все вопросы чуть бодрее, чем обычно. Что-то его воодушевляло и радовало. Александр нахмурился.

– Хорошо, но давай ближе к плохому и нашим внутренним баранам. Что-то активны они последнее время.

– Вы о чём? – Виктор провёл ладонью по остаткам волос и ослабил галстук.

– Не дури. Ты в курсе протестов... – Александр внимательно посмотрел на Виктора.

– Да, слышал. С Миш... Михаилом обсуждали. Наташа звонила.

– И что ты об этом всё думаешь?

– Да ничего. Молодёжь как всегда против. Хочет свершений. Хочет изменить мир. Если грамотно начать с ней работать – сойдёт на нет. Народ ещё не забыл старые потрясения. Их мало что сейчас интересует. Если разрешить препарат, то

проблема вообще уйдёт.

– Ты опять? – Александр глубоко вдохнул и откинулся в кресле.

Обсуждать одну и ту же тему в очередной раз не хотелось. Президент и премьер придерживались диаметрально противоположных взглядов и проводили часы в долгих спорах. Виктор обвинял оппонента в чрезмерном консерватизме, страхе перед новым и стремлением контролировать всё, даже то, что не относится к сфере государственного регулирования. Александр же указывал на юношескую горячность, недалёковидность и нежелание думать о последствиях принятых решений. Президент надеялся, что с возрастом к Виктору всё это придёт, а поспешность сменится холодной рациональностью, но пока надежды оставались тщетными.

– Да, нет. Не опять... – вздохнул Виктор. – Решение я помню. Оно не изменится до однозначных результатов. Риски есть, мы не можем ими пренебрегать. Последствия слишком серьёзные, – проговорил он хорошо заученный текст.

– Но ты по-прежнему с этим не согласен.

Виктор помедлил несколько секунд и кивнул.

– Люди должны сами выбрать свою судьбу.

– Пока не доказана безвредность препарата, этот выбор не может быть сделан. Никто не понимает, между чем и чем приходится выбирать!

– И мы можем об этом информировать. О рисках, опасности, возможных последствиях.

Президент устало покачал головой.

– И многие будут это слушать? Пять процентов? Три?

– Сколько бы ни было, это их выбор. Опросы показывают, что абсолютное большинство хочет препарат. Независимо ни от чего. Это же большинство сделало вас президентом, а партию – правящей. Пришло время оправдать доверие.

– Мы не обещали разрешить препарат. – Александр покачал головой и нахмурился.

– Но любой, кто пообещает, выиграет следующие выборы и займёт ваше место! Тогда он сможет разрешить уже всё.

– Даже так? – с горечью в голосе уточнил Александр. Виктор осёкся и слегка прикусил губу. Кажется, он сказал чуть больше, чем хотел.

– Да! Даже так! – помедлив, упрямо отозвался премьер-министр. – Я в этом уверен. Это решающий момент, который определит будущее страны и народа. И лучше бы нам возглавить это движение, а не оказаться под ногами у протестующих.

– А что будем делать, если наши права и препарат грозит полным бесплодием? – вкрадчивым шёпотом поинтересовался президент. – Как потом спать-то ночью будешь? А? – Президент почувствовал, как по венам растекается холодная ярость.

– Тогда всему миру придётся решать эту проблему. И большинству стран гораздо раньше, чем нам. Какой-нибудь выход со временем найдётся. Других вариантов нет.

– А если люди со временем поймут, что ошиблись? Что не стоило этого делать? Захотят вернуть всё обратно?

Повисла пауза. Слышно было, как старинные часы отсчитывали время. Казалось, что даже пыль зависла в воздухе. В комнате стало душно. Но Виктор по-прежнему выглядел спокойным и невозмутимым. Кажется, все эти бесконечные вопросы, которые не давали покоя президенту, пролетали мимо его сознания. Он не задавал их себе каждый день, не мучился от нескончаемых попыток найти хоть сколько-нибудь адекватный ответ и не вглядывался до рези в глазах в чужие лица в поиске поддержки. Ему было спокойно с самим собой, и это неимоверно злило.

– Это будет не наша вина. В любом случае они должны получить право на эту ошибку.

– Вить, в этой ситуации приём препарата – это эгоизм и безответственность!

– Разве история человечества – это не лучший образчик эгоизма и безответственности? Может, хватит лицемерить? – иронично развёл руками Виктор.

– Не передёргивай! – отмахнулся Александр. – Ты всё прекрасно понимаешь. И знаешь, почему препарат под запретом.

– Знаю, но не согласен, – улыбнулся Виктор. Но в его улыбке появилось нечто зловещее и хладнокровное.

– Вернёмся к этому позже! – в той же манере отозвался президент, понимая, что спор дальше не имеет смысла. – Де-

лать с протестами-то что будем?

– Мне кажется, что пока ничего. Пока границы самостоятельности это не переходит. Министерствам уже соответствующие задачи поставлены. Через два месяца должны быть первые наработки. Всё под контролем.

– Смотри у меня! Твоя личная ответственность.

– Обижаете, господин президент... – Виктор самодовольно выпятил грудь и расцвёл.

– Хорошо, давай теперь пройдемся по грядущим планам.

Разговор завершился глубоко за полночь большим стаканом виски.

Глава 15

Максим забился в угол шкафа и напряжённо вслушивался в булькающие в соседней комнате голоса. Они становились громче. К счастью, пыльная тьма шкафа окутывала мальчика теплом старых курток и пальто. Уютный запах сухой пыли щекотал нос и пробирался в лёгкие. В своём воображении Максим сидел не в пыльном шкафу, а в мягких объятиях огромного мохнатого животного, сильного и способного защитить. Звали его Чарли и выглядел он как забавная смесь хаски, тигра и слона. Его правое кошачье ухо было разодрано, а на задней лапе не хватало пальца – следы прежних сражений. Чарли и Максим были хорошими друзьями уже три года.

Мальчик забирался в шкаф и вызывал Чарли каждый раз, когда родители ругались или отец приходил нетрезвым. Обычно они успокаивались за пару часов. Отец, наоравшись, уходил, сворачивался комочком на своей койке и засыпал с оглушительным храпом. Но сегодня родители особенно разошлись – до Максима доносилась истеричная дрожь маминого голоса и глухой бас отца. Мальчик уже был готов бежать на улицу, но пришлось бы пройти мимо родителей и, скорее всего, нарваться на наказание.

Он уже давно привык к ссорам и скандалам в доме. Только не мог смотреть, если папа пытался ударить маму. Каж-

дый раз внутри что-то обрывалось и протяжно вибрировало. Но последнее время это случалось всё чаще. На отца на работе хотели избавиться, он много пил. Ему сокращали зарплату и лишали премии. Мамин подопечный с каждым днём тоже становился капризнее и несноснее. И оба родителя были сильно недовольны Максимом.

Темноту разрезал оглушительный звон – мама запустила в отца тарелку. Он заорал громче. Максим сжался и замер. Хотелось превратиться в невидимку и сбежать далеко-далеко. Мальчик даже немного завидовал. На кухне ещё что-то разбилось. Максим вздрогнул. Похоже, скандал набирал обороты. Всё-таки надо было рискнуть.

Он приподнялся, осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щёлочку. Родители были на кухне. Требовалось преодолеть коридор так, чтобы они его не увидели. Максим прибавил громкость слухового аппарата и бесшумно выскользнул из шкафа.

– Отвали от меня, пьяная скотина! – Мама заплакала.

– Бабло где?!

– Да нет денег! Потрачено всё!

Максим прокрался к двери, ведущей в коридор, прижался спиной к холодной стене и замер.

– Херня!

– Ты всё забрал. – Мама глухо всхлипнула.

– Врёшь! – До Максима донёсся глухой звук пощёчины с отяжкой. Мальчик прикусил губу.

– Урод! Сволочь! – заорала мама и, видимо, бросилась на отца. Послышался звук возни двух тел.

– Ты мне рожу расцарапала, сука! – Ещё одна пощёчина.

Максим сжался, мысленно досчитал до трёх, и, что было сил бросился через коридор к выходу. Боковым зрением он увидел спину стоявшего отца и женские ноги. Сердце выпрыгивало из груди. Ребёнок вжался в стенку, дрожащими пальцами нащупал считыватель, вывалился на площадку и поспешил прочь. Максим не был уверен, что закрыл квартиру. Но было уже не важно. Остаться дольше в доме он не мог. Только хотелось верить, что с мамой всё в порядке.

Глава 16

Мэри спешила в ставший родным Подвал. Если верить календарям, с момента первой встречи с Сашкой в Окопе прошло совсем немного времени, но её судьба успела кардинально измениться. Наверное, впервые с самого раннего детства Мэри чувствовала, что её жизнь наполнена смыслом. Появилось призвание. Вернее – ПРИЗВАНИЕ. То, ради чего стоило вставать утром. То, о чём действительно стоило думать и мечтать. Дни, а особенно вечера, теперь были посвящены не бессмысленному сёрфингу в интернете, а служению другим людям и исполнению большой и важной цели. Любое дело, событие или диалог теперь воспринимались как маленький шаг на пути к Смыслу и это наполняло душу спокойствием и умиротворением.

Мэри постепенно влилась в деятельность группы и даже почувствовала себя её неотъемлемой частью. Ребята оказались интересными и разносторонними людьми. Винд почти профессионально занимался спортом. Алекс выигрывал универсиады по программированию. Марго писала прекрасные тексты, а близнецы помимо всего прочего были волонтерами приюта для животных. Все такие разные, они были похожи в самом главном – им было не всё равно. Их трогали и волновали проблемы других людей. Когда Теломеразин разрешат, никто из них не сможет принять препарат из-за воз-

раста. Но несмотря на это, они боролись за счастье и долгую жизнь будущих поколений. В глазах Мэри это превращало таких простых и обычных студентов в настоящих героев, заслуживающих искреннего уважения.

Мэри заглянула в зеркальную витрину магазина и поправила чёлку. Затем повернулась, осмотрела спину и, чуть успокоившись, зашагала дальше. Сегодня был важный день, и очень хотелось выглядеть достойно. Она чувствовала дрожь и волнение в теле и то и дело одёргивала себя, чтобы не кусать щёку. Во рту уже ощущался вкус крови.

Всё началось на прошлой неделе, когда они все вместе сидели в подвале и привычно обсуждали предстоящие планы. Руководство организации готовило новую полномасштабную акцию протеста в центре города. Их группа в ней не участвовала, но должна была поддержать информационно – сообщениями и репостами во всех социальных сетях. Часть группы должна была записать короткие ролики из разных точек, остальные – распространить. У Мэри тоже была роль. Она отвечала за несколько крупных аккаунтов в инстаграме. Важно было сделать всё правильно и своевременно. Мэри то и дело прокручивала в голове план действий, чтобы точно ничего не забыть. Сегодня должна была состояться генеральная репетиция.

Но главное – в конце собрания Каст обещал ей Инициацию. Что она из себя представляла, Мэри пока могла только догадываться. Но Сашка по большому секрету проболтался,

что её ждёт встреча с Голосом. Голос будет задавать вопросы и говорить. В конце он примет решение. Что за решение и как оно могло повлиять на дальнейшую судьбу, Сашка уточнить отказался.

Волнение забилося жилкой на виске, как только за поворотом показалось знакомое здание. В горле пересохло. Мэри невольно ускорила шаг и почти мгновенно оказалась в подвале. Здесь было тепло, даже жарко, и шумно. В углу Сашка с Кастом копались со стареньким ноутбуком. Марго и Дорис возились с чайником – готовили чай и бутерброды. Близнецы с Виндом перебирали сумку с интрокомами в поисках рабочих аппаратов.

– О, привет! – улыбнулся Сашка.

– Привет! Приветик! Добрый вечер! Хаюшки! – раздалось с разных сторон.

– Проходи, садись. Скоро начнём! Интроком работает? Сеть ловит? – скороговоркой протараторила Марго, расставляя чашки на столе.

– Да! Конечно! – выпалила Мэри. – Всё готово. Вам помочь? – Ей было неудобно и хотелось себя чем-нибудь занять.

– Не, не надо! – отозвалась Дорис. – Садись!

– Скоро трансляция начнётся?

– Трансляция?

– Ну да... Трансляция. – замялся Винд. – Главы нашей организации по очереди проводят трансляции в интернете. Де-

лятся последними новостями, рассказывают о планах и отвечают на вопросы. Это зачастую... один из немногих для нас доступных способов... общения. Это важно.

– Круто! – Мэри почувствовала, как внутри что-то содрогнулось. Стало ещё страшнее. – А долго она продлится?

Каст с Сашкой закончили с ноутбуком и торжественно водрузили его на маленький шкаф:

– Готово!

– Не знаем, минут сорок-час, – отозвался Каст, осматривая проделанную работу. – Но ты не волнуйся. Инициация будет после.

– Хорошо! – Мэри испуганно сжала чашку.

– Не волнуйся! Всё будет хорошо! – шепнул в ухо Сашка и весело подмигнул. Она неуверенно кивнула и посмотрела на чёрный исцарапанный экран.

– Давайте быстрее! Скоро начнётся! – Винд окрикнул близнецов.

Ребята постепенно расселись у стола, увлечённо о чём-то болтая и бросая нетерпеливые взгляды на ноутбук. Мэри не различала отдельные слова и реплики. Всё слилось в единый информационный шум, лившийся прямо в голову. Казалось, что рой трудолюбивых пчёл свил гнездо в глубинах её мозга. Шум нарастал и сидеть в ожидании было уже невыносимо.

– Скоро?! – Она подтолкнула локтем Дорис.

– Да скоро, скоро! – сердито отозвалась та, отодвигая кружку.

– Мы все через это проходили... – многозначительно признался Каст.

– Да, это было незабываемо, – глядя в пустоту, мечтательно произнесла Марго.

– На меня это сильно повлияло, – вздохнул Сашка.

Вдруг сверху раздался шум и на пороге возник Алекс. Он с трудом дышал и раскраснелся, будто только что пробежал марафон.

– Ребят... простите... На паре... задержали...

– Проходи, – проворчала Марго. – Но чтобы в последний раз! Трансляция почти началась. Ты подаёшь дурной пример.

– Не буду... Честно. Больше. Обещаю.

Алекс с трудом преодолел ступеньки и рухнул на стул. Мэри раздражённо вслушивалась в его свистящее хриплое дыхание. Хоть бы он быстрее отдышался.

– О, началось! – Винд прибавил громкость на ноутбуке.

Экран моргнул и задрожал, словно собираясь с мыслями. В центре загорелась красная точка, она постепенно росла-росла и, наконец, превратилась в большой алый кукиш. Будто издалека раздалась громкая ритмичная музыка. Приятный мужской баритон заговорил:

– Добрый вечер, пролайферы! Надеюсь, вы хорошо меня слышите? Напишите в комментариях, есть ли звук.

Каст тут же принялся быстро набирать сообщение на клавиатуре.

– Меня зовут Ирвин. И я рад приветствовать вас на нашей традиционной трансляции. По количеству участников вижу: ряды наши растут! Много новичков и новых точек подключения. Приятно всех вас видеть. Мы рады, что в нашей стране появляется всё больше адекватных вдумчивых людей, готовых бороться за свои права и готовых дать отпор этой жестокой и развращённой власти...

Ребята заулюлюкали и зааплодировали.

– Сегодня мы поговорим о предстоящей акции. Уверен, большинство уже в курсе. Также о наших планах до конца года. Кураторам групп была разослана соответствующая информация, они должны были её распространить. Главное – помните: мы команда! Нас значительно меньше, чем продажных чиновников, коррумпированных полицейских и смилившихся обывателей. Но на нашей стороне правда, свобода и наше желание спасти людей и подарить им новую жизнь! Мы готовы бороться за будущее и даже готовы приносить жертвы... – Ирвин сделал многозначительную паузу для создания эффекта.

– Мы готовы жертвовать своё время, силы, а если понадобится, даже свободу ради высокой цели и спасения граждан нашей страны. Друзья, это уже давно не просто борьба за права, за возможность жить. Это настоящая война! Война, на которой бездушная власть убивает простых людей, лишая их не только права на жизнь, но и человеческого достоинства, права голоса, возможности выбрать судьбу. Мы для них не

люди, мы простой скот, которым можно распоряжаться как угодно...

В этот момент Мэри вздрогнула и перестала слушать. Перед глазами замелькали давно забытые, но тошнотворно яркие кадры – отрывок документального фильма про животноводство, в котором коров убивали электрическим пистолетом. Тогда фильм настолько поразил десятилетнюю Мэри, что она больше года отказывалась есть мясо. Постепенно, конечно, потрясение и страх затёрлись, и она почти не вспоминала о них. Но сейчас фильм вновь всплыл в воображении. Мэри вдруг абсолютно чётко ощутила инстинктивный ужас и приближающуюся смерть. Она чувствовала, что ко лбу приставили кусок ледяной стали, и услышала, как взвели курок. Руки похолодели. Мэри отключилась от трансляции и зажмурилась в попытке избавиться от навязчивых воспоминаний.

«Думай о хорошем. Думай о хорошем. Сосредоточься!»

Остаток трансляции Мэри не запомнила. События, слова, картинки слились в одну бессвязную нарезку. Ребята радовались, аплодировали, спорили и возмущались. Со стороны казалось, что они смотрят футбольный матч любимой команды. Мэри чувствовала невероятное единение и близость, но не запомнила конкретную информацию и реплики. Самое важное, в чём она была уверена, – надо бороться. Люди не коровы, и они не могут так безропотно идти на убой. Нужно приложить все усилия, чтобы изменить ситуацию. Из забы-

тъя студентку вырвала тёплая тяжёлая рука, опустившаяся на плечо. Каст подошёл сзади и тихо шепнул в ухо: «пора». Мэри оглянулась, Каст улыбнулся и понимающе кивнул:

– Мы сейчас все уйдём, а ты останешься. И поговоришь. Только не волнуйся!

Мэри растерянно кивнула и изумлённо проводила взглядом удаляющиеся спины. Ребята что-то оживлённо обсуждали и, казалось, совсем её не замечали. Она хотела их остановить, но было слишком поздно. Сашка замешкался и, выходя последним, беззвучно произнёс одними губами: «Держись!»

Ребята ушли. В комнате повисла тишина. Мэри медленно повернулась к монитору. На нём светился тот же красный кукиш, а из колонок доносилось тихое потрескивание. На кухне из крана капала вода, а на улице была сигнализация. Ожидание затягивалось. Наконец, на том конце трансляции кто-то зашевелился, подсаживаясь ближе к микрофону. Человек покашлял, прочищая горло, и тихим размеренным голосом заговорил:

– Здравствуй, новичок!

– Здравствуйте!

– Как ты? Волнуешься?

– Да, немного. Наверное. Но я справлюсь.

– Прекрасно. Но скажи, новичок, какова твоя цель? Зачем ты пришёл к нам?

Мэри задумалась. Хотелось быть максимально честной и с собой, и с собеседником.

– Я хочу изменить мир. Сделать его лучше. Хочется, чтобы всем в этом мире было хорошо и легко. Чтобы людям не приходилось страдать и мучиться. Хочется добра и света. Вы понимаете?

Собеседник молчал. Повисла неловкая пауза. Мэри забеспокоилась, что сказала, что-то не то.

– Да, замечательно. А ещё? – наконец заговорил незнакомец.

– Ещё хочется, чтобы в нашей стране сформировалось гражданское общество. Чтобы люди знали свои права и не боялись за них бороться. Чтобы любая власть несла ответственность перед гражданами и работала на их благо. – Мэри в ужасе прикусила губу. Всё, что она говорила, казалось такой банальщиной и нелепицей. Но она обещала себе не врать и не стараться выглядеть лучше, чем она есть.

– Хорошо. Я тебя понял. А на какие жертвы вы готовы пойти ради достижения цели?

Мэри задумалась.

– Наверное, на любые. Почти. Я готова отдать всё, что у меня есть. Но у меня мало что есть. Компьютер да одежда. Я понимаю, что государство не приветствует нашу деятельность и будет защищаться. Бороться с нами. К этому я готова. Но честно признаюсь, что если мне придётся преступить закон, то...

– Хорошо. Я понял тебя, новичок, – внезапно перебил голос. – Теперь я должен предупредить тебя, что пути назад у

тебя нет. Если ты останешься в организации после нашего разговора, уйти ты уже не сможешь. Ты получишь слишком важную информацию. Нам придётся принять меры.

– Какие меры?! – испугалась Мэри.

– Полиция постоянно пытается обнаружить наших членов и частично им это удаётся. Тогда они требуют раскрыть данные остальных. В этом случае они рассказывают именно о тех, кто от нас ушёл. Это защищает организацию и помогает нам становиться сильнее. Это ясно?

Мэри кивнула. Только спустя мгновение она сообразила, что собеседник не увидит её кивок, но тот уже продолжил:

– Вот и отлично. Прекрасно, что мы поняли друг друга. Тогда встань, оглянись вокруг и найди конверт с нашей эмблемой. В нём – твоё новое имя и код. Он даёт доступ к нашим рассылкам и сайтам.

Мэри обыскала взглядом комнату и обнаружила заветный конверт. Бумага поддалась только с третьего раза, а буквы долго не складывались в короткое имя «Софи». В одно мгновение Мэри превратилась в Софи.

– Добро пожаловать, новичок. Мы рады, что ты с нами!

Голос умолк. Раздался треск и соединение оборвалось. Софи осталась одна.

Глава 17

Александр сидел в измождённой темноте кабинета и медленно потягивал виски со льдом. За спиной раздался натужный металлический скрежет – старинные часы пробили два часа. Верхушка очередной бессонной ночи. Дождаться, пока уйдёт врач, и можно будет отправиться в кровать, чтобы попытаться уснуть до будильника.

Он отложил дела ещё три часа назад. Несмотря на срочность и важность, мозг отказался воспринимать информацию и недовольно гудел, как старый механизм. Александр замер и приготовился ждать вестей о жене.

С Анастасией Андреевной или Стаськой, как он её ласково называл, они познакомились ещё в университете. В первый день второго курса она врезалась и чуть не сбила с ног будущего президента, когда в порыве ярости неслась в Профком, чтобы отстоять размеры порций в столовых. С тех пор он следовал за ней везде – тащил тяжёлые транспаранты на студенческие акции, приковывал их обоих к забору завода, превратившую мелкую речушку в площадку для химических опытов, и держал над ней зонтик, когда она раздавала еду бездомным. Именно Стаська предложила им войти в политическую партию, когда они размышляли, чему хотят посвятить жизнь. А спустя три года она сняла свою кандидатуру с партийных выборов председателя, уступив мужу. В ночь

перед её отказом они так и не уснули, проговорив до рассвета. Стаська рано поняла, что мужчине будет проще пройти все этапы, победить конкурентов и что политика по сути своей – мужское дело, а затем убедила в этом мужа. «Какая разница, кто выиграет, если думаем мы одинаково?» Александр навсегда запомнил слёзы счастья в её глазах, когда он выиграл местные выборы. Больно, что постепенно счастье в её взгляде сменили скука, а потом и равнодушие.

Александр часто пытался вспомнить, когда именно такая родная и знакомая Стаська впервые посмотрела на него как на старого надоевшего бизнес-партнёра, с которым давно уже связывает только общее дело и общий доход. Как и обещала, она была верна каждую секунду их жизни. С губ не слетело ни слова обиды или претензий – только располагающая непроницаемая улыбка и вопрос: «Как всё прошло сегодня?» Александр знал, что жена гордится его победами и достижениями, уважает, что он выдержал все испытания. Но никогда не простит, что в гонке за этими победами он не заметил, какую цену им пришлось заплатить.

Уже пятнадцать лет она была полинаркоманом. Стаська попробовала всё от антидепрессантов до героина, от банальной травки до голубики. Александр порой сомневался, что помнил её трезвой. Каждый день первой леди страны начинался с посещения врача, который творил настоящие чудеса в попытке вернуть её в реальный мир и придать здоровый вид лицу. Последние семь месяцев Стаська была на замести-

тельной терапии и в целом создавала меньше проблем. Вот только вчера вечером она опять сорвалась и вернулась домой в невменяемом состоянии.

Александр перебрал в голове множество вариантов, но все решения казались неправильными. Вернее, балансируя на грани пропасти, он не мог собрать смелость и окончательно разобраться с ситуацией. Все разумные шаги: развод, отправка её за границу в закрытые центры, даже попытка удержать дома или принудительное лечение – были недостаточно правильными и адекватными. В такие моменты он чувствовал себя убийцей, хранившем одежду со следами крови в прикроватной тумбочке. В любом момент её могли найти и использовать как неоспоримое доказательство преступления. Жизнь могла рухнуть в одночасье. Но избавиться от неё было выше его сил.

В дверь осторожно постучали. Александр вздрогнул от неожиданности, натянул улыбку и бодро произнёс:

– Да-да, войдите!

– Господин президент? – В проёме появилась кудрявая голова Амрита – личного врача Стаськи. У Амрита были индийские корни и три неоспоримых достоинства, позволившие ему сделать блестящую карьеру к тридцати пяти годам: красота звезды Болливуда, природный талант к медицине и слоновье спокойствие. В сутки молодой человек произносил не более ста слов и все – только в случае большой необходимости. С большинством же собеседников врач умудрялся

обходиться вдумчивым кивком головы и обезоруживающей белоснежной улыбкой.

– Да, Амрит, входи. Ты закончил?

Кивок головы и улыбка, чуть более блёклая, чем обычно.

– У неё всё хорошо?

Небольшая пауза и кивок головы.

– Мне стоит что-то предпринять?

Амрит в нерешительности почесал нос. Запас сказанных за последние сутки слов подходил к концу.

– Ну?! – не выдержал Александр.

– Физиологически Анастасия Андреевна в норме, насколько это возможно... – Голос врача растекался по комнате, словно дурмящие благовония.

– А не физиологически?!

Амрит неопределённо пожал плечами и поджал губы:

– Она хотела с вами поговорить.

– Ты-то что думаешь?! – Александр почувствовал, как в нём поднимается волна ярости.

– Эта проблема вне моей компетенции... – Извиняющаяся грустная улыбка.

– Хорошо. Я к ней пойду. – Президент тяжело вздохнул. – Можешь быть свободен.

Амрит кивнул, развернулся и исчез.

– Спасибо тебе... – прошептал Александр вслед.

Президент посидел в задумчивости, затем медленно встал с места и направился к выходу. В душе скребли и выли кош-

ки. Хотелось напиться и завтра не проснуться. Но отпуск был запланирован только в следующем полугодии. Нужно собраться и найти в себе силы. Только бы она уже спала.

Александр замер около комнаты жены, прислушиваясь. До него не донеслось ни звука. Только с улицы раздался тихий скрежет двигателя – Амрит поехал домой. Резиденция погрузилась в абсолютную тишину. Александр собрался и осторожно повернул ручку.

В комнате как всегда горел ночник, рассеивающий через разноцветные прорези по потолку и стенам световые фигуры феечек. Стаська боялась темноты и не могла уснуть без света. В далёком детстве её младший брат умер в колыбели. С тех пор феечки стали неизменными ночными спутниками маленькой Насти. На прикроватной тумбочке толпились разномастные пузырьки и баночки, а рядом возвышался штатив капельницы. Стаська свернулась клубочком на кровати. Её хрупкая спина с выпирающими лопатками вздрагивала от неравномерного дыхания. Длинные русые волосы в беспорядке рассыпались по подушке.

Александр вздохнул, бесшумно пересёк комнату и сел в кресло, стоявшее рядом с кроватью. Воздух пропах шоколадной мятой – аромат её любимой косметики – и больницей.

– Как всё прошло сегодня? – Едва различимый шёпот прорезал тишину.

– Всё хорошо, – нарочито бодро отозвался президент. – Сегодня социалка отчиталась. У нас наконец-то начинается

выправляться демография. Сейчас разработаем новую программу, примем и выберемся из кризиса. Наконец-то деньги на неё нашли. Я очень доволен.

– А онкопрограмма?

– Тоже лучше. В следующем году сможем расширить и построить два научных кластера.

– Здорово, – протянула Стаська, шмыгнув носом. – Ты молодец.

– Жаль, что не все так считают.

– Большинство, иначе бы тебя не избрали.

– Надо повторять это себе почаще, – улыбнулся он.

– Прости меня! – как всегда внезапно выпалила Стаська тихо-тихо. – Я тебя подвела. Опять. Я постараюсь так больше не делать.

Повисла пауза. Александр замер, не зная, что сказать. Было страшно начать разговор, который они могли и не закончить.

– Ты меня презираешь? – Кажется, она заплакала. Плечи несколько раз содрогнулись. В попытке успокоить, он положил руку на её ледяную лодыжку.

– Конечно, нет. Я тебя люблю. Как и все эти годы. – Слова царапали горло.

– Посиди со мной, пожалуйста. Пока я не усну. Мне страшно одной...

– Всё, что хочешь, милая. – Он сжал лодыжку чуть крепче и откинулся в кресле в ожидании рассвета. – Всё, что хо-

чешь.

Глава 18

Мэри стояла, боясь пошевелиться. Связанные руки затекли. Сквозь просвет в чёрной повязке на глазах были видны только силуэты. Чесался заклеенный рот – скотч начал отклеиваться, но поправить его было нечем. Силы и терпение давно закончились, а министр здравоохранения так и не приехал.

– Ты уверен, что он всё-таки приедет? – пробубнила она стоявшему рядом Сашке на ухо сквозь скотч.

– Кто?

– Ты уверен, что он всё-таки приедет?

– Толфен!

– Тише вы там! – Сзади раздался сердитый шёпот Алекса. Он был без повязки и координировал действия протестующих. Он осторожно протянул руку и поправил плакат, висевший на груди Мэри. Надписи на плакатах заготовили заранее, ещё в штабе. Большинство из них («Правительство – убийцы!», «Они убивают вас!», «Союз – государство без свобод!» и пр.) показалось Мэри слишком громкими, и она выбрала самую нейтральную – «Они лишают нас будущего». Но и она сейчас под любопытными взглядами зевак и пациентов, выглядывавших из окон хосписа, стала вдруг неуместной.

Акция была запланирована и согласована ещё неделю на-

зад. Каст откуда-то выяснил, что министр здравоохранения приедет инспектировать новый центр паллиативной помощи, построенный два года назад. В него со всей Москвы съезжались люди со смертельными заболеваниями. Для многих он был последним пристанищем и надеждой на достойный уход. Но по слухам, администрация центра отмывала огромные деньги и наживалась на обречённых.

Ребята долго разрабатывали формат акции и спорили, на чём конкретно сделать акцент. Марго даже предложила сколотить лабиринт из фанеры и посадить внутрь крохотного слепого котёнка как символ беспомощности общества. К радости Мэри этот вариант был быстро отвергнут. В итоге решили завязать глаза, сковать руки, заклеить рот и выстроиться в ряд в немом протесте. Сначала эта идея показалась Мэри замечательной. Но только сейчас она поняла, насколько уязвимым чувствует себя связанный человек с ограниченным обзором. Каждый раз, когда мимо них кто-то проходил или вдалеке проносился автомобиль, Мэри вздрагивала. Казалось, что её вот-вот ударят или причинят вред, а она даже не сможет защититься. В поисках поддержки Мэри плечом нащупала руку Саши и стало чуточку легче. Только бы он её не отнимал.

– Журналисты едут – соберитесь! – скомандовал Алекс. Мэри почувствовала странную возню сзади, раздался тихий щелчок наручников, и перед ней всплыла спина Каста. Видимо, он тоже сковал себе руки, надел плакат и встал перед

их колонной.

В нескольких метрах приземлился автомобиль. Из него неспешно вышли трое людей: женщина в алом брючном костюме, толстый мужчина и молодой высокий парень. Женщина разговаривала по интрокому и ожесточённо жестикнула, не обращая внимание на протестующих. Мужчины лениво размялись и потянулись за оборудованием. Когда подготовка была закончена, женщина закончила переговоры, выхватила микрофон из рук и подскочила к Касту.

– Семён, готов? – уточнила она у сопровождающего.

Мужчина – по камере Мэри опознала в нём оператора – буркнул нечто утвердительное.

– Волосы нормально лежат?

– Да! – подтвердил парень, настраивая микрофон.

Женщина выхватила микрофон, придала лицу серьёзное деятельное выражение и, обернувшись к камере, затараторила:

– Добрый день, с вами программа «Свежновости». Я – Светлана Макса и мы находимся на площади Конституции, где вот уже третий час неизвестные молодые люди стоят с антиправительственными плакатами. Сейчас мы узнаем подробности.

Репортёрша развернулась и ткнула микрофон прямо в зубы Сашке.

– Молодой человек, добрый день! Прокомментируйте, пожалуйста, что здесь происходит.

Сашка выдавил только многозначительное «мммм...»
Вмешался Каст и притянул микрофон к себе, звякнув наручниками:

– Мы представляем молодёжную организацию. К сожалению, мы не можем упоминать её название в СМИ – приходится опасаться преследований, но она вам точно известна. – Он сделал паузу. – Мы считаем, что запрет Теломеразина...

– А что вы? – Репортёрша попыталась забрать микрофон, но Каст удержал его и продолжил:

– Это преступление нашего правительства. Свободин и министры погрязли в коррупции! Они намеренно не дают нам препарат, хотя сами на нём сидят. Они сознательно убивают нас, не дают нам жить долго и не бояться старости. Сначала они уничтожили медицину в стране, а теперь отбирают у нас последний шанс жить долго и не болеть. Напуганных и больных гораздо проще контролировать. Сейчас они отбирают у нас последнее – право на жизнь!

– Но что означает ваша акция?

Каст сглотнул, собираясь с мыслью. Мэри отметила, что он сильно волнуется.

– Мы хотим показать этим людям, что, если ничего не изменится, правительство убьёт и их детей. Именно эти люди в этом центре понимают ценность жизни и знают, как страшно умирать. Они как никто понимают, за что мы боремся. Мы чувствуем их боль и хотим достучаться до всех!

– Вы не бойтесь преследования со стороны правоохрани-

тельных органов?

Каст несколько секунд помолчал и очень серьёзно признался:

– Мы знаем, что оно будет. Но мы готовы идти на любые жертвы ради правды и защиты гражданских свобод!

Светлана кивнула, развернулась к камере и отчеканила:

– Вот такие они, современные героини Союза. Они не боятся высказывать своё мнение и не боятся бороться за права! Пока в нашей стране есть такая молодёжь, у нас ещё есть надежда! – Натренированная улыбка в конце и несколько секунд паузы, чтобы оператор успел выключить камеру. Как только огонёк погас, репортёрша расслабилась и вышла из роли.

– Хорошо получилось. Можем ещё комментарий в клинике взять, – предложил оператор.

– Ага, давай! Спасибо, ребятки! Было конструктивно... – Светлана махнула на прощание Касту и поспешила к крыльцу.

Мэри облегчённо выдохнула. Не верилось, что у них только что брали интервью настоящие журналисты. И Каст был таким смелым и серьёзным. Невероятно! Мэри почувствовала, как бешено колотится её сердце. Впервые у неё появилось ощущение, что она в силах повлиять на ход самой истории. Всё не зря. Когда Каст повернулся к ним лицом, она была готова броситься ему на шею, но он деловито улыбнулся и распорядился:

– Ну, всё, дело сделано. Собираемся! Больше нам тут ло-

ВИТЬ нечего.

Глава 19

Максим долго бродил по улицам, вглядывался в витрины и окна. Город казался чужим и холодным. Люди спешили по делам бесконечными потоками. Человеческие судьбы и страсти проносились мимо, закручивались в водовороты и омывали каменные груды зданий. Мужчины, женщины, дети, молодые парочки, вынырывающие из потока, чтобы поцеловаться или сделать фото. Такие разные и такие одинаковые, почти не отличимые друг от друга.

Начался дождь. Мальчик вжался в закуток между двумя колоннами магазина, сел, обхватил колени и стал ждать. На город опускались сумерки. Загорелись первые светлячки фонарей. Напуганные дождём прохожие ускорили шаг и побежали ещё быстрее. Максим вглядывался в лица, но они оставались непроницаемыми. Чужие люди, чужие жизни, чужие проблемы. Вдруг его взгляд привлекло светло-розовое маленькое пятно – маленькая девочка, которую за руку тащила за собой сердитая высокая женщина. Девочка быстро перебирала ножками в аккуратных беленьких туфельках, но всё равно не поспевала за спутницей. У них не было зонта, и дождевые капли оставляли тёмные разводы на пышном поболе. Большие белые банты увяли от сырости. Девочка выглядела грустной и свободной рукой крепко прижимала к себе плюшевого мишку.

Их взгляды пересеклись. Девочка обиженно шмыгнула носом и крепче сжала игрушку. Максим удивился тому, насколько была похожа на старинную куклу, которую он однажды видел в витрине игрушечного магазина. Вдруг проходивший мимо мужчина сильно махнул портфелем и выбил из рук девочки мишку. Тот сделал замысловатый пируэт и плюхнулся прямо в лужу рядом со сливным отверстием. Девочка испуганно округлила глаза, оглянулась и протянула руку за любимцем, но женщина этого не заметила.

– Мама! – крикнула хозяйка игрушки и потянула руку на себя.

– Иди ровно!

– Мам, мишка!

– Мишка – грязный. Брось! Всё равно бесплатно дали. Ещё дадут. Не ной! – отмахнулась мама и дёрнула дочь за руку.

Девочка перестала сопротивляться и, не отрывая взгляда от мишки, покорно последовала за женщиной. Максим вскочил и хотел броситься за игрушкой. Но людской поток ни на секунду не прерывался. Когда мальчику удалось его пересечь, едва не получив по голове, и схватить грязного мишку, девочку уже было не догнать. Тяжело вздохнув, Максим отряхнул игрушку от грязи и с трудом разобрал вышитую на когда-то бежевом животе надпись «Фармитекс. Мы дарим будущее».

Сжав медведя в руке, он вернулся на своё место между

колоннами. Поднялся сильный пронизывающий ветер. Идти было некуда. Хотелось есть и плакать. В задумчивости Максим теребил медвежье ухо.

– О, уже принимаешь подачки от фармкомпаний? – Раздался хриплый нетрезвый голос над ухом.

– А, что? – Максим испугался и резко вскочил на ноги. Перед ним застыло чёрное нечто с белоснежной улыбкой и красными белками глаз. Только спустя несколько секунд Максим понял, что перед ним Джо – тот самый продавец бабушкиного лекарства.

– Да медведь твой. – Джо ткнул кривым пальцем в игрушку. – Фармитекс – мои главные конкуренты. – Он многозначительно подмигнул. – Штампуют Теломеразин, суки драные. Весь бизнес похерить хотят! Всё говно от них!

– А, я не знал. – Максим рассеянно пожал плечами. Джо внимательно посмотрел на собеседника.

– А ты здесь чего забыл?

– Ничего. Просто. Сижу.

Джо сплюнул.

– Мамка выгнала?

– Нет. – Максиму было неловко и хотелось провалиться сквозь землю. От Джо неприятно пахло, даже воняло. Но Максим боялся обидеть собеседника, поэтому старался не дышать.

– Сам ушёл?

Мальчик нехотя кивнул.

– Планы есть?

Повисла пауза. Максим не хотел признаваться.

– Значит – нет. Заработать хочешь?

– Вы о чём?

– Деньги тебе нужны?

– Нужны.

– А язык за зубами держать умеешь?

– Не понимаю.

– Болтать не будешь?

– Нет.

– Вот и отлично, – улыбнулся Джо. – Тогда пойдём со мной. – Он хлопнул Максима по плечу и привлёк к себе.

– А это не опасно? – на всякий случай поинтересовался Максим.

– Поживём – увидим. Ты, может, ещё у меня человеком станешь, а то бегаешь тут ободранцем – район позоришь.

Они пересекли улицу и направились к дому Джо.

Глава 20

Александр отложил текст написанной Наташей речи и сверился с расписанием – здравоохранение. Наконец-то. Важнейшее направление работы в текущих обстоятельствах. Иван давно хотел обсудить перспективы медицины в Союзе. Но встреча постоянно откладывалась.

Иван Суслов – в прошлом легкоатлет, доктор наук и человек, превративший Национальный центр хирургии из перспективного проекта в всемирно известную клинику, был для Александра одной из главных загадок правительства. Иван не казался прозорливым тактиком, эффективным управленцем или одарённым политиком. Больше всего он походил на удачливого проходимца. Собственные недостатки он компенсировал умением налаживать связи, находить ответственных людей и заставлять их на себя работать. Он создавал прекрасные команды, о деятельности которых не имел никакого представления, но с нескрываемой гордостью презентовал их достижения. Ходили слухи, что даже его докторская диссертация, ставшая сенсацией в научном мире, была написана парой талантливых аспирантов. Многим экспертам знания министра в области медицины казались очень неглубокими.

Президент нажал на кнопку на столе и распорядился:
– Алексей, как только Иван приедет – пускай его.

– Конечно, господин президент! – отозвался механический голос.

Александр сделал большой глоток бодрящего травяного сбора – настоятельный совет врача – и постарался вспомнить, когда впервые он встретил Сулова. Встреча произошла двенадцать лет назад на одном их собраний Общественного совета при президенте Союза. На нём в очередной раз обсуждалась идея запрета аборт для нерожавших ранее женщин. Сам Александр в тот момент руководил третьесортным комитетом в Нижней палате и как лидер оппозиции был нежеланным гостем где-либо. Ивана же пригласили в качестве эксперта и молодого менеджера от медицины. Тогда выступление будущего министра произвело фурор и во многом обеспечило его дальнейшую карьеру. Иван смог убедить каждого в том, что аборт – лучшее изобретение человечества и без них мир обречён. Александр подумал тогда, что такого человека стоит иметь в своей команде. Забавно, что спустя годы они оказались по разные стороны баррикад.

Раздался негромкий стук. Александр отпил из чашки и произнёс:

– Можешь войти!

На пороге возник подтянутый высокий человек в идеальном синем костюме, подобранном под цвет глаз. Как всегда – отличная стрижка, гладко выбритая ровная кожа, белоснежные зубы и маникюр. Завершал этот совершенный образ шуточный галстук с маленькими шприцами. Александр

готов был поспорить, что на носках обнаружит тот же детский орнамент.

– Господин президент! – Министр взял под козырёк.

– Да, Ваня, привет! Как жизнь?

– Всё отлично. Идём на новые рекорды! – Александр тут же ощутил незримые флюиды обаяния, разлетевшиеся по кабинету.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Рука Ивана была мягкой и приятной наощупь.

– Давно тебя не видел. Говорят, ты с мисс мира встречаешься. Жениться ещё не надумал? – шутливо поинтересовался президент, внимательно рассматривая гостя.

– Что вы! Всё врут! Какая жена захочет терпеть мой график? – В глазах гостя мелькнули искорки самодовольства. Он явно считал, что захотела бы любая.

– Тебе ли не знать, что женатые живут дольше.

– Зато неженатые счастливее... – улыбнулся министр. Александру показалось, что в этой улыбке мелькнуло многозначительное ехидство, но он отогнал от себя эту мысль.

– Ладно, давай приступим к делу. Доклад я видел. В целом вопросов у меня нет. Достижений много, планов ещё больше. Даёте пятилетку в три года.

– Рады стараться... – довольно откинулся в кресле министр.

– Правда хорошо. Я очень впечатлён. – Александр старался не перегнуть с лестью, но в то же время добраться до само-

любия собеседника. – Выдающаяся эффективность по сравнению с другими министерствами. Прагмин сделал правильный выбор, предложив тебя. Уважаю!

Плечи Ивана расправились, а спина стала ещё прямее. Он напоминал бегуна, получающего золотую Олимпийскую медаль.

– Я хотел с тобой обсудить важную вещь. – Александр резко сменил тон беседы. – В Новосибирске в университете мне рассказали об интересных фактах... – Президент отметил, что гость поджал губы и напряг челюсть. – Выкладки их научной группы в очередной раз подтверждают, что Теломеразин приводит к бесплодию в третьем-четвёртом поколении.

– Ну, эти данные появлялись и ранее. Ничего нового... – отмахнулся министр. – Эксперимент в США на шимпанзе продолжается. Через два года третье поколение шимпанзе начнёт размножаться. Пока особых поводов для тревоги нет.

– Что значит – особых?

– Исследователи отмечают некоторые изменения гормонального фона и строения репродуктивной системы, но они не должны препятствовать размножению. – Зрачки министра сузились, а голос стал выше.

Александр усмехнулся. Ситуация его забавляла.

– А ты сам-то в это веришь?

– Какая разница во что я верю? Данных для однозначного вывода нет. Да, есть противоречивые исследования. Есть предположения, мнения и откровенные теории загово-

ра. Но, как и в случае любого другого препарата, для однозначных выводов требуются результаты исследований и подтверждённые или опровергнутые гипотезы. Не понимаю, чем этот препарат отличается от любого другого. И почему вы меня сейчас об этом спрашиваете...

– Вань, врать-то ты не умеешь... – саркастически отозвался Александр. – Мозгов у тебя на это не хватает и выдержки. Новосибирцы сказали, что четыре раза пытались опубликовать данные и отправляли их вам в Министерство, но каждый раз им что-то мешало. Понятно, почему они не могут опубликовать за границей, но у нас... Нетривиальная загадка. – Александр ощутил, как внутри закипает злорада.

– Мы много чего получаем ежедневно! Могло затеряться! – Почти прошептал министр.

– И по какой-то несчастливой случайности до общественности не доходят данные о самом важном препарате со времён изобретения антибиотиков! Американцы оформляют кредиты, чтобы купить препарат, у нас молодёжь штурмует мэрию, требуя референдум. А в СМИ и научных журналах в стране не публикуются данные о том, что препарат приводит к бесплодию!

Александр резко наклонился вперёд, схватил Ивана за галстук, притянул к себе и прошипел на ухо:

– Паскуда, у тебя мозгов не хватит со мной тягаться! Прагматизм тебя не прикроет! Будешь и дальше меня топить – ты у меня до конца дней дерьмо жрать будешь! Думаешь, я не

знаю про твои офшоры и милых школьниц? Чтобы завтра вся эта информация прокатилась по СМИ сенсацией. Уяснил?

Иван сдержанно кивнул. Его нижняя губа предательски дрожала. Александр почувствовал сильный запах пота.

– Вали отсюда! И помни – я за тобой слежу! Скинешь мне отчёт обо всех публикациях. А Наташа устроит тебе пресс-конференцию вместе с новосибирцами. И мне нужно, чтобы ты выдал правильную версию. Понял?!

Министр испуганно угукнул и вылетел из кабинета. Александр глубоко вздохнул. Отвращение к самому себе и этому трусливому человечку заполнило грудь. Будто они вместе застряли в переполненном биотуалете. Мерзкое липкое чувство. Когда он стал таким? Когда из кандидата, который мечтал привести страну в будущее, он превратился в третьесортного мафиози, запугивающего шестёрку? Ведь когда-то же он правда верил, что сможет изменить всё к лучшему. Было же такое время. Жизнь всё расставила по своим местам и, кажется, сыграла злую шутку.

– Куда же мы все катимся? – спросил он у тишины и погрузился в чтение отложенной речи.

Глава 21

Юлия посмотрела на себя в зеркало и поправила и скромный, но продуманный макияж. Затем улыбнулась, дождалась момента, когда улыбка стала выглядеть искренней и вышла из автомобиля. Лицо лизнул прохладный солёный ветер, а перед глазами раскинулся открыточный вид сочинского побережья. Южная столица Союза приветливо встречала гостей солнцем, зноем и белыми барашками волн. Юлия вдохнула полной грудью и поспешила к многоэтажному отелю песочного цвета, утонувшему в зелени и ярко-розовых азалиях.

Виктор, наверняка, её уже ждал. Она посмотрела на время – три минуты опоздания. Ещё две минуты на лифт и будет пять. Идеально, чтобы не разозлить партнёра и при этом напомнить, что она – настоящая женщина. Юлия стремительно поднялась по мраморным ступеням, отстукивая чёткий ритм высоченными шпильками. Швейцар, несмотря на многолетнюю выдержку, не выдержал и засмотрелся чуть дольше, чем следовало. Юлия была довольна.

Она подошла к стойке ресепшена, подала визитку миловидному юноше:

– Меня ждут.

Тот кивнул, пробежал взглядом визитку. Затем быстро нажал несколько кнопок на панели и что-то неразборчиво ска-

зал в микрофон интрокома.

– Вы можете пройти, госпожа Гинзбург.

– Спасибо!

Юлия развернулась на каблуках и направилась к лифту. Пятнадцатый этаж, президентский номер. Всё-таки при всех достоинствах Виктора чувство вкуса ему порой изменяло. Его слишком порой тянуло на демонстративную и банальную роскошь. В сумме с некоторой простоватостью манер и предсказуемостью поведения это делало его менее привлекательным, зато превращало в прекрасного партнёра и удачного кандидата для поддержки. Она по-прежнему считала знакомство и тесное общение с Прагминым одним из главных достижений карьеры, которое по её расчётам должно было принести фантастические дивиденды.

Створки лифта разъехались. Дорогу преградили четверо охранников. Но Юлия улыбнулась чуть шире и произнесла:

– Спокойно, мальчики, все свои!

Один из охранников просканировал гостью и отступил:

– Вас ждут на террасе.

– Спасибо!

Юлия прошла по узкому коридору с множеством винтажных зеркал и бронзовых скульптур, который вёл в просторную гостиную с панорамными окнами. Виктор действительно сидел за столиком в тенистом углу террасы и пил виски. К нему подошёл официант и расставил перед премьер-министром тарелки с завтраком: овсянку, свежие фрукты, сыр

и оливки.

– Виктор Александрович, вы полны сюрпризов. Виски и овсянка, таких сочетаний я ещё не встречала, – приветствовала его гостя.

– О, Юлия, доброе утро! Сочетание, навеянное графиком жизни: ещё не успел утопить вечерние проблемы, как пора сражаться с утренними. Хотите что-нибудь? – Он отодвинул кресло, приглашая её сесть.

– В таком случае мне стоит выбрать шампанское и свежесжатый сок, – засмеялась Юлия, кокетливо выставив стройные щиколотки. – А если серьёзно, то кофе без кофеина с соевым молоком и горький шоколад.

Виктор подал знак официанту и озвучил ему заказ. Юлия приняла эффектную позу и внимательно наблюдала за собой сесидником. Виктора нельзя было назвать красивым, но у него было своеобразное, мягкое и ненавязчивое обаяние, проявлявшееся в мимике, жестах, полутонах. Он точно выиграл бы любые выборы, если бы каждой женщине страны дали возможность на пятнадцать минут остаться с ним наедине. Абсолютное большинство было бы очаровано. Виктору не повезло, что Юлия к большинству себя никогда не относила.

Они нашли друг друга два года назад. Тогда она искала в правительстве поддержку и покровителей, которые бы могли ускорить принятие важных для компании решений. Виктор же искал тех, кто готов был увидеть в нём самостоятельно-го сильного политика и поставить на него в предвыборной

гонке. На одном из правительственных собраний их взгляды случайно пересеклись и оба сразу поняли, что нужны друг другу. С тех пор они встречались регулярно. Сначала осторожно и с оглядкой, но постепенно и премьер-министр, и Юлия, а также стоявшие за ней силы, набирались смелости и строили всё более грандиозные планы. У Виктора был доступ к власти, у Юлии – деньги и связи с бизнесом. Прекрасная основа для продолжительного взаимовыгодного сотрудничества.

– Как съездила в Новосибирск? – Хитро прищурившись, Виктор сделал большой глоток виски и закусил его кусочком спелого манго.

– Отлично. С дизайном и статистикой у них есть небольшие проблемы, так что в ближайшее время они общественность беспокоить не будут. Придётся сначала сделать всё так, чтобы было не подкопаться.

– Гранты им предлагали? – иронично поинтересовался Виктор.

– За кого вы нас принимаете? – ухмыльнулась Юлия. – Разве могли мы предложить таким серьёзным конкурентам деньги? Исключительно – оборудование и реактивы, чтобы как можно быстрее докопаться до истины. Мы же все этого хотим.

Прагмин покачал головой и сделал ещё глоток.

– Сами-то вы до истины уже докопались? – совсем тихо спросил Виктор.

Юлия задумалась. Она не ожидала от премьер-министра этого вопроса. Казалось, что его это не интересовало.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну вы же проводили свои исследования. Проверяли препарат. Не верю я, что вы ждёте только этих мартышек несчастных.

– Не мартышек, а человекоподобных обезьян... – настаивательно отозвалась Юлия.

– Да какая разница! Ты знаешь, о чём я.

Повисла продолжительная пауза. Гостя старалась подобрать правильные слова.

– Все исследования корпорации конфиденциальны и не подлежат разглашению. Безусловно, проводятся различные эксперименты, получаются противоречивые результаты. Но однозначных выводов нет.

– А если между нами девочками? – Виктор прищурил один глаз и пристально посмотрел на собеседницу.

Юлия прикусила губу, улыбнулась уголком рта:

– А если между нами девочками, то какая тебе, Виктор, разница? Что-то изменится в твоём решении?

Виктор тяжело сглотнул, но промолчал.

– Так что не задавай вопросы, на которые не готов услышать ответы. Если тебя это успокоит, то я Теломеразин принимаю и считаю, что это лучшее, что нам могла дать наука.

– Но детей у тебя нет? – почти шёпотом поинтересовался Прагмин.

– Нет, и не будет.

Виктор покачал головой и посмотрел на море. Повисло молчание. На террасе вновь появился официант и принёс гостю кофе.

– Спасибо! – поблагодарила Юлия.

– Я тебя понял, – вздохнул Виктор. – Обсудим наши планы. Ты обещала вернуться с решением по бюджету. Его утвердили?

– Более того. Его увеличили в полтора раза. Руководство верит в тебя. Так что удача на твоей стороне.

– Это прекрасно... Кстати... Подожди минутку.

Виктор включил интроком. Вокруг его головы появилась непроницаемая сфера. Он что-то недолго обсуждал с собеседником. По выражению лица, Юлия поняла, что общение было не самым приятным. Кажется, Виктор злился и даже кричал.

Наконец, он отключил звонок и залпом опустошил стакан.

– Какие-то проблемы?

– Звонил Суслов. Президент всё знает.

– Ну это был только вопрос времени, – равнодушно пожал плечами Юлия.

– Рано. Слишком рано. Придётся торопиться.

– Хорошо, поторопимся. Чем труднее задача – тем больше награда.

Глава 22

Максим преодолел пролёт лестницы и с облегчением привалился к стенке. Дыхание сбилось, воздух обжигал лёгкие, а голова кружилась от нехватки кислорода. Путь до дома оказался серьёзным испытанием. Интересно, сколько он сегодня намотал? Пять километров? Десять? Надо будет потом посмотреть по навигатору. Мальчик не привык к долгим пешим прогулкам. Родители никуда его не брали, а друзей у него не было.

Максим вытер пот со лба и сжал потайной карман, аккуратно пришитый к внутренней стороне футболки. Его по-прежнему оттягивал крошечный платёжный терминал, собранный в кустарных условиях. Сегодня на нём собралась рекордная сумма – Максим продал больше двадцати доз. Джо будет счастлив. Впервые в жизни Максим чувствовал себя не бессмысленным и никчёмным созданием, а полноценным человеком, который мог принести пользу и помочь бабушке. Бегая по городу и общаясь с клиентами, он представлял себе, сколько денег собрать к концу этого месяца, через полгода и даже год. Получалась баснословная сумма, которая позволит не только покупать голубику для бабушки, тем более что Джо обещал давать скидку, но и даже дать денег маме, чтобы ей стало легче.

В тот вечер, когда Джо привёл Максима домой, он долго

расспрашивал мальчика о его жизни, маме, отце, бабушке. Торговец очень обрадовался, что в школу Максим пока не собирался возвращаться – пока не хватало средств, чтобы его туда собрать. Джо заказал вкусную пиццу и лимонад и разрешил есть, пока не поплохеет. Максим никогда до этого не заказывал еду с доставкой и не давал чаевые курьеру. Затем Джо показал новенькую игровую приставку последней модели.

– Нравится? – улыбнулся он, опускаясь на диван и затягиваясь вэйпом.

– Ещё бы! Она очень крутая! – Мальчик в восхищении провёл пальцем по блестящей полоске корпуса.

– Хочешь поиграть?

– Хочу!

– Но нам перетереть надо.

Максим подозрительно нахмурился. Сердце подсказывало, что сейчас будет что-то нехорошее.

Джо продолжил:

– Ты взрослый лоб уже! Скоро уже стоять начнёт, а всё за мамку держишься. Работать тебе пора. Пацаном быть. – Джо сплюнул прямо на пол. – Деньги в дом приносить и о своих думать. В этой сраной стране сам о себе не подумаешь – никто не подумает. Если не гондон, рыпнуться не успеешь – отымеют со всех сторон. Останешься с голой сракой. Вертеться надо, работать на опережение, понял? –левой рукой он дотянулся до открытой бутылки водки, глотнул прямо из

горла и, громко рыгнув, посмотрел на мальчика мутным белёсым взглядом.

Максим не совсем понимал, о чём шла речь, но на всякий случай кивнул.

– Я по тебе сразу понял, что ты нормальный малой и с тобой можно иметь дело! Короче, будешь на меня работать. Утром встал – пулей ко мне, хватаешь партию и адреса и разносишь по точкам. Отдаёшь – только когда я напишу, что бабло поступило. Начнут прессовать и отбирать товар – показываешь это. – Джо отогнул рукав рубашки и показал странный знак, напоминавший иероглиф. – Мы тебе такой сделаем. Он значит, что трогать тебя нельзя. Иначе будут проблемы. Фараоны схватят – ты лопух, ни хера не знаешь. Всё добро в мусорке нашёл. Плачу за каждый проданный товар в конце дня. В уши лить не буду. Что заработал – отдам. Усёк?

Мальчик с недоверием посмотрел на Джо. Кажется, ему только что предложили работу. Это было так странно и нелепо, что Максим не поверил в реальность ситуации. Он не привык воспринимать себя как человека, которому можно предложить работу.

– Да... Усёк. Но ты уверен? Ты мне работу дать хочешь?

– Да, бля! Уверен! Сыкуешь?

– Да, наверное...

– Да не ссы! Я когда начинал, меньше тебя был.

С того вечера прошло уже две недели. Максим освоился, перестал пугаться каждой тени. И даже почувствовал уве-

ренность. Клиенты в большинстве были спокойными и покладистыми. Стоило показать метку на руке – они тут же скидывали деньги. Бизнес шёл хорошо, и Джо был доволен. Несмотря на хромоту, мальчик успевал обойти за день два-три района, а его неприметность только помогала. Никто не обращал внимание на мелкого мальчишку, трущегося под ногами. Ещё один день работы и ему уже хватит на первую дозу.

Максим перевёл дыхание и постарался придать себе обычный вид. Он поправил мешковатую отцовскую рубашку, которую нацепил, чтобы скрыть потайной карман, и прислонил ухо к двери. Дома всё было тихо. После того скандала, когда отец избил маму, он реже появлялся в доме, а когда появлялся – сразу уходил спать. В квартиру вернулось блаженное спокойствие. Удостоверившись, что путь свободен, мальчик бесшумно зашёл, стянул обувь и поспешил в комнату.

Глава 23

Сытый Максим сидел на комковатом диване, отрывал маленькие кусочки салфетки и скатывал шарики. Главная задача была кинуть шарик и попасть в центр дымного кольца, которые то и дело выпускал пьяный Джо. Голова непривычно кружилась из-за густого запаха курительных смесей, духоты, оглушающей ритмичной музыки, бившей прямо в уши. Мальчик впервые оказался в гостях, да ещё и среди взрослых. По квартире ходили полуголые женщины, потные, пьяные мужчины с блестящими глазами и безликие тени, бывшие когда-то молодыми людьми. Из разных углов квартиры доносились гогот, смех, брань и протяжные сладострастные стоны. Их лица ритмично пульсировали в свете неоновых ламп, то исчезая, то выныривая из темноты.

Максим с наслаждением потягивал колу из большой бутылки и заедал чипсами. Казалось, что кровь уже стала густой и ленивой от количества съеденного сахара, но Максим был абсолютно счастлив. Так хорошо ему не было никогда. Смеющийся Джо предложил выпить пива или водки «как настоящему мужику», но, почувствовав нестерпимую горечь кончиком языка, Максим наотрез отказался.

– Что, Малой, хорошо? – подмигнул Джо, делая очередную затяжку. Он уже давно был пьян и с трудом фокусировал взгляд. Каждый раз его белёсый взгляд проскальзывал

мимо мальчика.

– Конечно, хорошо. Вон довольный! – улыбнулась кудрявая ярко покрашенная брюнетка и подседа к Джо. Она представилась Мартой и сразу понравилась Максиму. У неё были красивые смеющиеся глаза с оранжевыми искорками и много мятных конфет в кармане. Он съел уже три.

– То-то! – ухмыльнулся торговец, привлёк к себе Марту и крепко сжал её бедро. – Держись меня и человеком станешь. Я тут всех... – он обвёл комнату дрожащей рукой с бокалом с виски. – Всех этих ублюдков кормлю. Они жрут, срут и трахаются, потому что я им это даю. Я!

– Ага, Карпену это повтори! Его амбалы сразу тебе яйца оторвут... – заржал бритоголовый тип с квадратными плечами, сидевший в кресле у окна. Кажется, звали его Серый. Он был здесь кем-то вроде охранника.

– Да, я хожу под ним. Признаю. И жопу ему лижу. Но! – Джо выставил палец. – Я ему нужен. Никто его товар так не загонит, как я. И он, сука, это знает. Но главное... – Торговец со второго раза смог сделать глоток виски. – Он мне доверяет. Я не кину. Никогда не кину!

– Ну-ну... – отозвался Серый. – Если что – глаз на жопу он тебе натянет.

– Конечно, натянет. Любого натянет... В жизни важнее всего, Малой, не быть сукой. Если ты не сука и своих не кидаешь – жизнь тебе ответит тем же. Из любого дерьма выберешься. Как я. Меня, сука, убивали раз десять. Но жив,

блядь, жив! Ко всему приспособился. Всем торговал. На голубике так вообще поднялся. Спасибо мозглякам-учёным, что придумали. За их ебанные мозги!

Джо поднял стакан и чокнулся с Мартой и остальными. Максим поднял бутылку с колой и тоже стукнул ей о стаканы.

– За мозги!

Джо осушил бокал, со стуком поставил на стол. Подождал, пока Марта наполнит, и продолжил:

– Человек – подлая тварь. Мы все за шкуру свою печёмся и подохнуть боимся. Люди красиво не дохнут – сыкуны. Гордо сдохнуть яйца нужны. «Не убивай! Пожалуйста! Я всё отдам!» А я смотрю вот на этих и спрашиваю «на хера»? На хера тебе жизнь, если не знаешь, что с ней делать? Они ж всё просирают!

– А ты против, что ли? – заржал Серый.

Джо с трудом сфокусировал взгляд на собеседнике.

– Я за! У меня бизнес. Если я торговать не буду, будет другой. Так лучше я... – Тёмные губы разъехались в кривой пьяной улыбке. – Говорю тебе, Малой, люди все твари и гондоны. Но своих кидать нельзя! Нельзя, я тебе сказал! Усёк?

Максим на всякий случай кивнул.

– Но я тебе говорю: с Тело... Или как-то там его. Телохузином! Нас ещё поймеют! Это будет смешно. Сукой буду – смешно. Я-то вижу всех этих менеджеров, предпринимателей, красоток. Ходят, блядь, в ресторанах жрут, бабло разбрасывают. Фоткаются. Шмотки покупают. А ночью? Ночью

все тянутся ко мне. Ко мне! Слышишь? «Джо, продай дозу! Джо, дай лекарство! Джо, помоги! Джо! Джо! Джо!» Вот и скрашиваю я их жалкие жизни. Вздёрнулись бы давно без меня. Теперь им отвалят ещё по полтиннику лет, а что делать с этим не расскажут. И потянутся они опять все ко мне. Ну а Джо их примет. Сука, всех примет! – Торговец ударил стаканом по столу в знак убедительности, расплескав почти весь напиток.

– Да тихо ты! – Марта примирительно ткнула мужчину в бок и, потянувшись за стаканом, выпила. – Вот я бы приняла препарат, если бы мне дали... – сообщила она доверительно Максиму.

– На хера? В говне этом дольше жить? – поинтересовался Серый.

– Нет. Просто можно будущее увидеть. Какое оно. Какие люди. Дома. Машины. Космос... – мечтательно продолжила она.

– У шлюхи одно будущее, – осклабился Серый, бросив на Марту масляный взгляд.

– Базар фильтруй! – взревел Джо, с трудом собрав пальцы в кулак.

– Ладно-ладно. Понял. Пардоньте, мадам! – отозвался Серый, украдкой продолжая смотреть на Марту.

– Иди ты! Совсем дуреете, когда пьёте, – с наигранной беззаботностью отозвалась Марта и отвернулась от мужчин. – Малой, ты уже засыпаешь совсем. Топай домой, а то

тебя мама искать будет.

– Не будет... – неожиданно выпалил мальчик.

Марта поджала губы, кивнув в знак понимания.

– Пойдём, у меня поспишь. У меня комната наверху. А завтра пойдёшь домой. Хорошо?

– Хорошо!

Марта отвела мальчика домой и уложила спать. Её продавленная кровать пахла теплом и молочным кремом. Марта накрыла мальчика одеялом и растворилась в темноте. В эту ночь Максиму снилось, что он летал.

Глава 24

Мэри налила себе чай и осторожно присела на стул – кажется, ножка была сломана. В воздухе витало предвкушение предстоящего события. Она посмотрела на ребят: Сашка, Каст, Алекс, Марго и остальные были сильно взволнованы, но старались это скрыть.

– Как вчера, кстати, «Спартак» сыграл? – стараясь не смотреть на экран телевизора, поинтересовался Винд.

– Выиграли. Три ноль. Сумбаев – красава! Шикарно во втором пробил. Вратарь залетел в ворота прям с мячом!

– Надо будет посмотреть! – отозвался Сашка.

Обсуждение сегодняшней тв-программы началось давно. Мэри то и дело от ребят слышала загадочные реплики: «Скоро-скоро», «Осталась неделя», «Скоро он им покажет» и прочее. Она понимала, что ребята чего-то ждут, но пока не решалась поинтересоваться. Но неделю назад, когда они сидели вечером и готовили плакаты для будущей акции, в подвал залетел взбудораженный Каст и с порога заявил:

– Люди! Ура! Мы дождались! В пятницу в прайм-тайм на первой кнопке! Он их всех порвёт!

С разных сторон слышались радостные возгласы. Ребята вскочили со своих мест.

– Он правда САМ выступит? – недоверчиво поинтересовалась Марго.

– САМ-САМ! Он же ОБЕЩАЛ!

– Невероятно! – В её глазах мелькнуло обожание.

Мэри стало обидно, что она одна совершенно не понимает, о чём речь.

– Ну мне-то хоть расскажите! – Она скорчила недовольную гримаску и опустила на стул сумку с краской, которую пыталась упаковать.

В комнате повисла тишина. Все обернулись на Мэри в удивлении. Никто не решался первым заговорить – ждали реакции Каста.

– Ну... – начал тот. – Ты разве ещё не в курсе?

– Нет!

Все переглянулись в нерешительности.

Каст вздохнул и продолжил:

– Да, стоило тебе давно рассказать... – Мэри жадно ловила каждое слово. – Через неделю в программе «Такие времена» будут обсуждать запрет Теломеразина и политику правительства. Но главное – там выступит ОН! Мне сказали, что он будет в маске и личность скроют, но он будет говорить от лица всей оппозиции. Он донесёт наши взгляды и объяснит, чего мы добиваемся. Это огромная победа. Впервые нас допустили до всесоюзного канала! Это просто невероятно!

– Это лишний раз подтверждает, что мы идём в правильном направлении! – многозначительно заметил Алекс.

– Здорово! – немного растерялась Мэри. – А ОН – это кто?

– Это Арс, – почти прошептал Сашка. – Он – легенда!

– Невероятный человек! – совсем тихо сообщила Дорис. – Мы здесь только благодаря ему. Он основал движение, собрал первых членов, он поверил в нас, вселил надежду, что мы реально можем бороться и что-то изменить!

– А какой он?

– Его почти никто не видел, – отозвался Каст. – Он не любит публичность и ему приходится скрываться. Обычно он в капюшоне, в перчатках. Говорят, он совсем молодой, чуть старше нас. Но столько уже сделал...

– Ходят слухи, – Дорис подошла ближе и зашептала почти на ухо. – Что у него что-то с лицом: ожог или рана. Если он откроет лицо, его слишком легко будет найти в толпе и выследить.

Мэри занервничала. Описание героя революции слишком напоминало плохой голливудский фильм. Но ребята были абсолютно серьёзны. Кажется, у них не было сомнений.

– Хорошо, а вы с ним встречались? – осторожно поинтересовалась она.

– С ним – только я. Это обязательная часть посвящения после определённого уровня доверия. Ты встречаешься с ним, и вы долго-долго говорите. Это была очень интересная конструктивная беседа. Я многое понял и про себя, и про наше движение и вообще про мир. Он – невероятный человек!

– А остальные?

– У него есть канал в интернете. Раз в неделю выходят видео. Раз-два в месяц проходит трансляции. Он в онлайн-ре-

жиме сидит и отвечает на вопросы. Любой может задать ему вопрос, а он честно отвечает. Арс извиняется за то, что не может показать лицо, но компенсирует это максимальной честностью. Он готов к любым вопросам и критике. Это принципиально отличает его от правительства.

– А я смогу посмотреть следующую трансляцию?

– Да, сможешь... – отозвался Каст. – Мы вышлем тебе доступ.

После этого разговора Мэри с трудом дождалась пятницы и появилась в подвале одной из первых за два часа до начала программы. Постепенно приехали и остальные ребята. Мальчики поймали сигнал. Девочки приготовили чай, достали печенье, чипсы и нарезали бутерброды. Получилось мило и по-домашнему. Мэри оглядела соратников.

Конечно, и у Pro-life были недостатки. Порой ребята казались чересчур наивными, принимающими всё на веру. Была очевидна конкуренция и борьба за лидерство. Каждый мальчик хотел вырваться вперёд и начать отдавать приказы. Но Мэри списывала это на юношеский максимализм и мужские особенности. Да, порой Каст, Марго и Алекс слишком концентрировались на журналистах и освещении действий в СМИ. Но с другой стороны, без публики их деятельность не имела смысла. Кому нужна акция, о которой никто не узнает? Это были неизбежные минусы их деятельности. Главное, что они преследовали благую цель и не пользовались радикальными методами.

– О! Пошло! – Сашка обрадовался заставке передачи и опустил прямо на пол. Рядом с ним сели остальные мальчишки. Заскрипели стулья – девочки придвинулись ближе к экрану. Хоть он был и большой, хотелось всё рассмотреть в мельчайших деталях. Мэри прикоснулась к груди – сердце отбивало барабанную дробь.

Мелькнули последние секунды заставки, и на экране возник приятный молодой ведущий в деловом костюме. Нарочито серьёзным голосом он заговорил:

– Здравствуйте, я – Владимир Градский и вы смотрите «Такие времена». В этой студии мы обсуждаем то, что волнует вас прямо сейчас. Сегодня наша передача посвящена самой актуальной проблеме современности – вред и польза Теломеразина. Что это – спасительное лекарство или замедленный яд, ведущий человечество в пропасть? Поприветствуем наших экспертов!

Раздались аплодисменты. Камера отъехала и показала круглую студию, разделённую на две половины – чёрную и белую. На каждой половине стояло несколько красных диванов для экспертов и трибуны для зрителей. В самом центре зала на постаменте возвышалось серое кожаное кресло.

– Сегодня на правой половине студии, – продолжил ведущий. – Противники Теломеразина. Профессор, член академии РАН, автор множества научных публикаций, врач-репродуктолог Терентьев Максим Александрович.

Низенький пухлощёкий профессор встал с кресла и по-

приветствовал публику. Мэри отметила, что он больше напоминал доктора из детской сказки – красная бабочка, круглые очки и застенчивая добрая улыбка, – чем настоящего учёного.

– Доктор наук, член-корреспондент РАМН, и министр здравоохранения Евразийского Союза Иван Суслов.

Министр встал, поприветствовал публику.

– Какой же он самодовольный. Терпеть его не могу! Не министр, а кинозвезда... – сморщилась Марго.

Министр тем временем подошёл к профессору, пожал ему руку чуть дольше, чем требовалось, и жестами попросил поаплодировать Максиму Александровичу.

– Следующий гость – предприниматель, блогер и мама десяти детей – Анна Цветкова!

Худосочная женщина с бронзовым загаром и избытком макияжа послала воздушный поцелуй публике.

– Левую половину студии сегодня занимают защитники препарата... – продолжил ведущий. – Попрошу ваши аплодисменты! Журналист, общественный деятель и правозащитник Святослав Золохин.

Святослав был одет в простые джинсы и рубашку, но на ухе красовалась последняя модель эйпловского интрокома.

– Представитель фармкомпаний Фармитекс, Юлия Гинзбург.

Камера наехала на красивую статную женщину. На ней был скромный, но дорогой костюм, демонстрировавший

тонкое чувство стиля. Довершали образ натуральный макияж и грамотный выбор аксессуаров. На фоне остальных она казалась выходящим из другого мира, полного денег и успеха.

– Фитнес-блогер, модель, мисс фитнес бикини, Ирина Миро! Встречайте!

С места поднялась среднего роста девушка в облегающем лазурном платье. Она игриво согнула правую ногу, дотянувшись кончиком каблука до ягодицы, а ладошкой прикрыла губы.

– Сегодня у нас необычная передача. – На экране вновь появился ведущий. – Сегодня мы немного изменили правила и пригласили ещё одного, седьмого гостя. Это невероятный сюрприз для всех!

Зрители в зале взволнованно охнули.

– Его личность пока остаётся тайной.

Ещё один вздох.

– Но в конце передачи вы услышите его голос. Поверьте – это настоящая сенсация! Такого на телевидении ещё не было! Не переключайтесь! А мы вернёмся сразу после рекламной паузы.

– О, да! – восхитился счастливый Сашка.

Мэри сделала большой глоток чая. Сегодня был по-настоящему необычный день.

– Ребят, как думаете, а возможно, что они нас услышат? – мечтательно произнесла Дорис.

– Что ты имеешь в виду? – уточнил Винд.

– Ну, что власти нас услышат. И разрешат препарат...

– Ха! Они никого слышать не хотят! – отозвался Сашка. –

Тем более Теломеразин – не основная проблема. А уровень жизни? А свобода слова? А выборы? А смена власти? Где это всё?

– Ну а вдруг они начнут с одного, а потом и остальное...

– смутилась она.

– Не о том ты думаешь... – наставительно заметил Алекс.

На экране опять мелькнула голубая заставка передачи и голос Владимира Градского затараторил:

– С возвращением, дамы и господа. Сегодня мы обсуждаем вопрос «Нужно ли отменить запрет на приём Теломеразина? Да или нет». Максим Александрович, попрошу высказаться вас. Напомню тем, кто только что присоединился, Максим Александрович – врач-репродуктолог, профессор, исследователь препарата.

Профессор деликатно покашлял, выдержал небольшую паузу, затем тихо-тихо заговорил:

– Если позволите, то я, как и большинство исследователей, категорически против препарата.

Студия загудела. Профессор расстроено поджал губы.

– Продолжайте-продолжайте, – попросил ведущий.

– Я против препарата, поскольку он по-прежнему находится в стадии клинических исследований. Доподлинно неизвестно, какое воздействие препарат может оказывать на человеческий организм. Речь идёт не о банальной просту-

де или гастрите. Препарат тотально влияет на организм, замедляет процесс старения, замедляет многие функции. Мы не можем предсказать долгосрочное влияние. За свою историю человечество уже не раз наступало на медикаментозные грабли. Мы знаем массу примеров, когда лекарства впоследствии признавались опасными для жизни...

– Но масса людей уже принимала препарат – все живы! – Иронично возразила мисс бикини. Зал взорвался аплодисментами.

– Вы правы. – Профессор сердито поправил очки. – Но необходимо рассматривать ещё и долгосрочные последствия. Как это скажется на будущих поколениях? Уже то, что мы знаем о репродуктивной системе человека, наши модели, прогнозируют, что ситуация критична. В будущем мы можем получить целые поколения бесплодных мужчин и женщин...

– Даже если это так, – возразила Юлия. – Простите, я вас перебила. – Её лицо озарилось скромной аристократичной улыбкой. – Даже если это так, даже если существуют какие-то риски. Хотя напомним – данных нет. Скоро третье поколение обезьян достигнет репродуктивного возраста. Доказанных оснований предполагать, что препарат опасен, нет. Мир боится всего нового. вспомните, как мир боялся антибиотиков, прививок, ГМО. Теперь учёные боятся лекарства от старости.

– Дело говорит! – Воскликнул Винд, на которого тут же зашикали остальные.

– ... У свободных граждан должен быть выбор. Правительство не может ограничивать гражданские права. Любое медицинское вмешательство предполагает риски. Но мы идём на эти риски, чтобы выздороветь. Старость – та же болезнь, от которой впервые найдено лекарство. Наконец-то мы можем избавиться от морщин, деменции. У каждого теперь есть не семьдесят-восемьдесят лет, чтобы осуществить свои планы, добиться успеха, а сто двадцать-сто пятьдесят! В два раза больше времени на новые впечатления, путешествия, любовь, дружбу, счастье – саму жизнь!

Аудитория одобрительно заулюлюкала. Шум почти заглушил фразу, которую грустно пробубнил профессор:

– Люди и со своей прежней жизнью не знали, что делать...

– Анна, что вы думаете о препарате? – Ведущий обратился к многолетней маме. – Вы бы хотели, чтобы ваши дети его приняли?

Она закинула ногу на ногу, обхватила коленку руками и проникновенно произнесла:

– Возможно....

Студия ахнула.

– Да, я сижу среди противников препарата... – кокетливо заметила Анна. – Но только потому, что считаю, что препарат должен быть разрешён не как в остальном мире, а должна существовать государственная программа поддержки семей. Должны проводиться все обследования ребёнка, семьи, нет ли противопоказаний. И только после этого госу-

дарство должно оплачивать приобретение препарата для детей. – Она начала активно жестикулировать. – Нельзя просто ввести такой препарат, тем более по огромным ценам. Нужен контроль и забота. Ведь дети – самое дорогое, что у нас есть.

– Господин министр, как насчёт государственной программы? – Камера обратилась на Ивана.

Он выглядел скованным.

– Нарботки в этой области, безусловно, есть. Министерство просчитывает различные варианты развития ситуации. Но официальная государственная политика остаётся неизменной. Необходимо доказать безопасность препарата, только после этого он может быть ввезён на территорию государства.

– Но сами-то жрёте! – Раздался выкрик из зала.

Иван раздражённо вздохнул:

– Насколько мне известно, никто в текущем правительстве не принимал препарат. Исследования российских учёных показывают, что препарат может быть опасен. Долг государства – защищать граждан...

– В том числе от них самих, – иронично закончила фразу мисс бикини.

– Нет! – нахмурил брови министр. – Здесь не идёт речь о защите граждан от них самих. Речь идёт о защите граждан от фармацевтических компаний, которые хотят получить новый рынок сбыта и продавать препарат по завышенным ценам!

– Я должна поправить вас, коллега, – вклинилась Юлия. – В текущем году компания «Фармитекс» готова поставлять препарат на территорию Союза с тридцатипроцентной скидкой от аналогичной стоимости в США.

– Ни хрена себе! – не удержался Сашка. Мэри превратилась в слух и впитывала каждое слово.

– Допустим. – Министр начинал злиться. Тема была явно ему неприятна. – Но что будет через пять лет? Десять? Какой цена будет тогда?

– Это напрямую зависит от размера рынка, количества тех, кто захочет его принять. Конечно, когда безопасность препарата будет доказана, рыночная стоимость вырастет. Но это законы маркетинга... – Лицо представительницы фарминдустрии расплылось в доброжелательной улыбке.

– Какая вообще разница, сколько будет стоить препарат?! – вмешалась мисс бикини. – Тот, кто по-настоящему его хочет, тот заработает. Правду же я говорю?

Зрители зааплодировали.

– Именно! – заулыбалась она. – А хотят его все! – Новая волна аплодисментов. – Давайте честно: все хотят быть молодыми и красивыми. Индустрия красоты зарабатывает миллиарды. Мы хотим хорошо выглядеть, быть здоровыми и долго жить! Мы потеем в спортзалах, жуём салат, вставляем имплантаты и ходим на мезотерапию, чтобы не стареть. Немодно быть дряхлым, морщинистым и разваливаться. Мы хотим долго и хорошо жить!

– Долго жить! Долго жить! – скандировала публика.

Камера переместилась на ведущего. Он жестами попытался успокоить зрителей и обратился к журналисту:

– Святослав, вы храните молчание. Вы согласны с Ириной?

Святослав поудобнее развалился в кресле:

– Честно говоря, я сижу слушаю присутствующих и вообще не понимаю, о чём мы тут спорим. Ирина сказала очень правильную вещь. Мы хотим долго жить. Это в человеческой природе. Мы так устроены. Посмотрите на наше кино, телевидение, блогеров, литературу, одежду, моду – вообще всё. Это всё – для подростков. Потребители всего – подростки, максимум – студенты. Посмотрите на модные журналы и модели. Да после двадцати пяти модель считается пенсионеркой. Ирина права – люди тратят миллиарды, чтобы скрыть единственную морщинку и выглядеть как школьники. На кого ориентированы самые популярные продукты – на молодёжь и тех, кто ей притворяется. Так, может, хватит притворяться? Может, пора признать, что мы больше всего на свете хотим быть молодыми, весёлыми, беззаботными, не хотим взрослеть и умирать? Впервые у нас появился реальный шанс стать самими собой, а мы от него отказываемся...

– Моё почтение! – Юлия изящно склонила голову в знак почтения. Аудитория взорвалась.

Святослав улыбнулся, кивнул в ответ и продолжил:

– Этот разговор не про препарат, не про старость на са-

мом деле. И не про смерть. Он про всё, что нас окружает! Вспомните профили друг друга в соцсетях. О чём ваши посты и фотографии? О проблемах, работе и болезнях? Нет же! Они об отдыхе, успехе, деньгах, бизнесе и стаиле! О том, как мало работать, много зарабатывать, классно выглядеть, круто одеваться и постоянно развиваться. Никто не постит свои морщины, прыщи и старость. Мы хотим быть красивыми и молодыми. И впервые у нас появилась такая возможность! А нас её лишают! Впервые у человечества появилась возможность стать самими собой, теми, кем мы созданы. Принять себя и зажить в комфорте!

Студия зашумела. Отдельные реплики и голоса утонули в общем потоке звуков.

– Хрень, конечно, несёт, но правду же! – зааплодировал Винд.

– Не, он идиот! Хайпится на важной теме... – недовольно проворчала Марго. – Тема серьёзная. Мы за свободу и права боремся, а он всё сливает в шоу и треш. Придурок накрахмаленный! Смотрите, он уже селфи делает! Хештег – серьёзный разговор. Хештег – правда жизни. Хештег – такие времена. Хэштег – популярность... – передразнила она блогера.

– И такие – тоже наша аудитория... – философски заметил Каст. – И с ними нам тоже надо работать. Сначала их проще привлечь на моду, на популярность, на лайки в конце концов, но постепенно их можно возвращать, прививать какие-то адекватные мысли, формировать в них гражданские

принципы, учить выбирать.

– Если это ещё возможно... – заметил Алекс.

– Возможно, конечно. Главное – правильно это делать и постепенно. Как с детьми... – улыбнулась Дорис.

– Конечно! Как с детьми! – подал голос Сашка.

Но в этот момент камера выхватила серое кресло и худую тёмную фигуру. На госте была полностью чёрная одежда – толстовка, джинсы, перчатки и кеды, а лицо закрыла алая маска.

– Это он! – едва слышно шепнула Марго. Ребята уставились на экран. В телестудии стояла оглушительная тишина.

– Кхм... – прокашлялся ведущий. – Гость, представьтесь, пожалуйста!

Из глубины толстовки зазвучал ровный, почти механический голос. Он говорил тихо и размеренно, чтобы каждый услышал.

– Добрый вечер... Зрители, студия, Владимир. Я признателен вам за то, что дали мне слово. Знаю, что это может иметь серьёзные последствия для всех, кто принял это решение. Отдельное спасибо за то, что разрешили мне появиться в маске. Иначе я был бы в серьёзной опасности... – Гость сделал паузу. – Я представляю достаточно известное объединение молодых людей, которые борются за свои права и права граждан и отстаивают самое базовое из них – право выбора. Мы считаем, что у каждого человека есть право выбирать свою судьбу и жизнь. Но наше правительство незакон-

но лишает нас этого права. Мы не террористы. Мы не хотим никому причинять зло. Мы придерживаемся только мирных способов протеста и выражения своего мнения. Но правительство отняло у нас и эти методы борьбы. Мы вынуждены скрывать лица, личность и организацию. И не можем в полной мере выйти в медийное пространство – нам просто не дают!

Раздался недовольный гул зрителей.

– Но мы боролись и будем бороться! На данный момент наша основная цель – это проведение референдума о судьбе препарата...

– Вау! – произнесла Марго. Мэри посмотрела на её восторженное лицо и вновь обратилась к экрану.

– Мы считаем, что у правительства есть причины не разрешать препарат. И они сделают всё, чтобы лишить нас его.

– А какие это причины? – уточнил ведущий.

– В ближайшее время мы выпустим фильм-расследование об этом. Пока я не могу ничего сказать. Но причины как всегда просты – деньги, выгода и власть.

– Сколько членов в вашей организации?

– Я не могу пока назвать точное число. Но их тысячи...

Зрители ахнули.

– Тысячи активных и равнодушных людей, готовых заменить прогнившую власть, помочь ей наконец уйти с престола, который подпирает наша мнимая демократия.

– Вы добиваетесь смены власти?

Повисла пауза. Гость медлил.

– Мы хотим решить всё максимально мирным путём. С наименьшим числом жертв и пострадавших. Мы верим, что ещё не всё потеряно. И многое можно исправить. Прежде всего – спросить у народа, чего хотят они... Мы обращаемся к правительству и требуем в течение двух лет провести государственный референдум о судьбе Теломеразина. Если этого не случится, мы будем вынуждены искать другие методы воздействия на власть...

– Почему вы не создаёте партию и не участвуете в выборах? – поинтересовался Святослав.

– Таких попыток было десять. По формальным признакам нам отказывали. Власть не готова к конкуренции. Партия «Свобода» попала в правительство, свергнув предыдущий режим. Сейчас они боятся честной и открытой борьбы. Мы вынуждены бояться за свою жизнь, близких и родных, скрывать лица. Поверьте, мы хотим действовать открыто. Приход в эту передачу – это в том числе попытка поговорить с властью и напомнить ей о другом мнении. Мы – лишь результат коррумпированности, глухоты и равнодушия политиков. Теперь мы пытаемся до них достучаться! Вы с нами?!

Повисла тишина. Кажется, зрители не понимали, как реагировать. Но вдруг раздались несколько глухих хлопков. Камера выхватила растерянного старичка. Он замер в нерешительности. Но постепенно аплодисменты усилились и захва-

тили всю студию.

– Тогда вместе мы сможем всё!

Ребята тоже захлопали. Мэри ощутила невероятный душевный подъем. В эту секунду она верила, что они действительно смогут всё. Мир лежал у их ног, а преграды рассыпались на пути. Удача всегда помогает тем, кто борется за правое дело. А значит – удача на их стороне.

Глава 25

Мэри застыла на месте с отвисшей челюстью. Она вглядывалась в лицо Каста в поисках хотя бы лёгкого намёка на иронию или насмешку. Но Каст был серьёзен как бетонная стенка.

– Ты шутишь?! – На всякий случай Мэри оглядела всех присутствующих. Но лица ребят были столь же непроницаемыми.

– Да, мы давно это планировали, – равнодушным тоном отозвался глава ячейки. – Честно говоря, план предполагал, что мы перейдём к радикальным мерам ближе к выборам. Но, кажется, время пришло. Арс никогда не ошибается.

– У него невероятное чутьё на те самые моменты, – восхищённо заметила Марго.

– Но это же самоубийство! – не унималась Мэри.

– Нет. Всё спланировано. Наше дело – правое, – весело сообщил Сашка.

Мэри всё ещё ошарашено уставилась в чёрный экран. Трансляция выступления Арса закончилась десять минут назад, а она никак не могла прийти в себя. Только что лидер их организации объявил, что одна из ячеек через две недели соберётся на Красной площади вместе и примет двойную дозу голубики прямо на главной площади страны. Акцию решили назвать «Dead end» или «Смертельный тупик». Мэри

просто не могла поверить, что кто-то на такое решится. Она повернула голову к Касту, чтобы уточнить подробности, и по его торжествующему горделивому лицу с пунцовыми ушами сразу поняла, какая ячейка будет проводить эту акцию.

– Мы очень давно к этому шли. Это огромная честь. Мы должны гордиться! – с присущей ему стойкостью заметил Алекс.

– Но препарат-то мы где возьмём?!

– Нам всё предоставят. Об этом можно не думать. Главное – не подвести команду и проявить себя с лучшей стороны и во время акции и после неё, – отрешённо напутствовал Каст.

– Но мы же отравимся! А если нет – нас посадят! Это же всю жизнь перечеркнёт!

Марго встала и, повернувшись спиной, подчёркнуто медленно разлила заварившийся чай по чашкам.

– Зависит от цели твоей жизни, – ледяным тоном заговорила она. – Если главное для тебя – это деньги, тёплый унитаз и пузатый муж с выводком детишек, то, безусловно, твоя жизнь будет кончена. Если же тебе важно сделать что-то важное, существенное и повлиять на несправедливость этого мира, то вот он – единственный шанс на миллион. Возможно, это наш первый и последний настоящий поступок в жизни. И перед ним всё остальное меркнет.

– Это действительно поступок! – только и смогла выдавить Мэри.

– Да! Поступок! – Сашка хлопнул её по плечу.

– А почему вы раньше не говорили?

– Это был приказ сверху. Мы должны были получить последнее подтверждение.

– Но как узнали остальные?! – Мэри внимательно оглядела всех присутствовавших.

– Мы сами подали эту идею... – тихо-тихо прошептала Марго, вручив Мэри кружку чая. – Её наконец-то утвердили.

Глава 26

Мэри на негнущихся ногах следовала за Сашкой сквозь толпу. В желудке противно посасывало, а во рту будто испарилась вся влага. В центр города они добирались маленькими группами по два-три человека. Группы стартовали в разное время и с разных концов города. Обычные неприметные студенты, гуляющие парочками в центре столицы.

Мэри осторожно поправила лямку рюкзака. К счастью, он не зазвенел. Она шумно выдохнула. Связка пятнадцатисантиметровых гвоздей и три молотка оттягивали спину. Метро приходилось обходить стороной, поэтому дорога оказалась долгой и изнурительной. Сашка постоянно держал её за руку и то и дело сжимал пальцы от нетерпения. Ребята медленно продвигались к главной площади столицы со стороны набережной.

– Ты как? – забеспокоился Сашка, когда им пришлось остановиться из-за стайки азиатов, решивших сфотографировать памятник.

– Нор...ик...мально, – неожиданно икнула Мэри. – Прости, пожалуйста, я когда... увлечена чем-то, икать начинаю.

– Нервничаешь?! – свободной рукой Сашка слегка ущипнул напарницу за бок.

– Нет! Ик! Просто холодно тут. – Она вспомнила все существующие способы борьбы с икотой.

– Да ладно тебе! Нервничать в такой ситуации – это нормально. О, Марго с Виндом уже на месте! – Сашка на секунду отвлёкся на интроком и, видимо, прочитал сообщение от остальных.

– Я не нервничаю, я просто икаю! – процедила сквозь зубы Мэри, пытаясь задержать дыхание. – Ик!

– О, смотри! – Сашка вытянул шею и осмотрел площадь. – Почти вся толпа впереди разбредается по музеям и магазинам. У мавзолея никого нет. И полиции нет. Всё складывается удачно.

Мэри встала на цыпочки, но кроме ближайших спин ничего не увидела.

– Точно нет?

– Точно!

– А почему так людей много?

– Лето. Туристы. Все хотят сфоткаться. Но нам только на руку. Каст был прав – сегодня здесь безопасно.

– Интересно, откуда он это знал?

Сашка притормозил, задумавшись:

– Не знаю. Возможно, ему сообщили сверху.

– А нас курируют сверху? – Мэри пробежала взглядом по крышам зданий.

– Конечно! – усмехнулся он. – Выше – только звёзды!

– Думаешь?

– Что?

– Они нам помогут, ну если что... – почти прошептала

Мэри.

– Ну, разумеется! Дурёха! – Сашка обнял её за плечи и прижал к себе. – Мы же всё обсуждали!

– Я знаю. Просто... Мало ли.

Мэри уткнулась носом в толстовку напарника и закрыла глаза. От Сашки пахло сладостями и молоком. Стало уютно и тепло, совсем как в детстве.

– Пойдём? – шепнул он в самое ухо. – Нам пора.

– Пойдём! – уже решительнее отозвалась Мэри и сжала Сашкину кисть.

Вездесущие азиаты наконец-то закончили фотографироваться. Они вдвоём двинулись вперёд. Мэри внимательно разглядывала лица прохожих в попытке найти тех, кто мог бы им помешать. Подвыпившая компания молодых парней, громко обсуждавших впереди идущих девушек. Пожилая почтенная пара немцев. Экскурсионная группа шумных итальянцев. Женщины, направляющиеся куда-то с важным видом. Никого необычного, но всё же беспокойство сжирало изнутри.

– О, мы почти на месте! – обрадовался Сашка.

Они прошли мимо облупившейся ограды и вывернули на площадь. Мэри взглянула на позеленевший неприглядный памятник. На вытянутую руку одной из каменных фигур опустилась жирная ворона, скрипуче гаркнула, и увлечённо принялась клевать булку. Мэри попыталась вспомнить, кем были эти двое навеки застывших мужчин, но голова гудела

и отказывалась работать.

Ребята обогнули ещё несколько фотографирующихся парочек и наконец-то вышли на открытое пространство. Впереди рядом с оградой бывшего мавзолея стояли Марго, Каст и близнецы. Мэри с Сашкой подошли чуть ближе к остальным. Сашка осторожно взял её за локоть, уводя чуть-чуть в сторону, и принялся копаться в интрокоме, будто ищет, как пройти куда-то. Мэри прикусила губу, стараясь не смотреть на Марго и Каста. Нужно было делать вид, что они незнакомы. Чтобы успокоиться, она принялась считать квадратные камни брусчатки. Один. Два. Три. Пять. Семь. Десять. Тринадцать.

На другой стороне площади показались три знакомые фигуры: Стив, Дорис и Алекс. Они шли спокойной и уверенной походкой. Каждый шаг отдавался ударом сердца. Бум. Бум. Бум. Бум. В ушах зашумела кровь.

– Пора! – Сашка выдохнул прямо в ухо. Мэри почувствовала, как его рука пролезла в карман её толстовки и быстро исчезла. Кожу живота сквозь ткань обожгло холодом. Мэри почти физически ощущала, как в кармане клубится и переливается голубоватая жидкость – их скромная жертва на благо этой страны. Она окинула взглядом площадь. Забавно, что все эти люди даже не представляют, что их ждёт в ближайшем будущем. Они гуляют, пьют, жуют, болтают, обнимаются и ни о чём не знают. Прямо как животные... Коровы. Жующие коровы. Мэри вдруг стало противно от этой мысли

и от того, что она могла так плохо подумать о совершенно незнакомых ей людях.

Знакомая команда «Давай!» раздалась совсем неожиданно. Они репетировали этот сценарий столько раз, что пальцы сами инстинктивно потянулись в карман, быстро откупорили пробирку и приблизились ко рту. Вкуса не было – только холод и адреналин. У них оставалось всего четыре минуты. Потом голубика начнёт действовать и мозг потеряет связь с реальностью.

Мэри скинула рюкзак, быстро достала гвозди и молотки, передала Марго и Саше. Каст щёлкнул наручниками на запястьях. Теперь опуститься на колени и дать возможность Винду вбить гвозди в брусчатку. Вытянуть руки, чтобы Томми пропустил сквозь наручники цепь и дожидаться щелчка – Алекс скрепил цепь замком. Дальше можно принять удобную позу и расслабиться. Каст уже сделает остальное: раскидает плакаты, заклеит рты и убедится, что цепь надёжно вмурована. У него мало времени, но он долго тренировался. Он успеет всё сделать, сбежать и затеряться в толпе.

Остальное уже не важно. СМИ в курсе. Они уже едут. Пролайферы снимут это на камеры и выложат в интернет. Арс обещал приехать лично и посмотреть на них инкогнито.

Раздался щелчок замка. Кажется, всё удалось. Они молодцы. Мэри облегчённо улыбнулась. Мир сделал кувырок и ударился о висок холодным острым камнем. Угасающее сознание успело выхватить чёрную фигуру, метнувшуюся впе-

рѣд. На глаза опустилась тяжёлая тьма.

Глава 27

Александр положил пальцы на панель телефона. Старая линия использовалась для внутреннего общения, содержание которого не должно было достигнуть чужих ушей. Предстоял серьёзный и очень неприятный разговор. Президент в целом догадывался, что конкретно услышит, но звонок по-прежнему хотелось максимально отсрочить.

Чтобы выиграть время, он ещё раз пробежался по заголовкам новостных сайтов, наперебой кричавших о военных столкновениях на Ближнем востоке. Додик и его министерство постарались скрыть все обсуждения препарата в общественном пространстве. Жаль, что для этого понадобилось особое распоряжение. Интересно, присоединился ли Додик к команде Прагмина? Министр всегда славился беспристрастностью и умением ладить одновременно со всеми и ни с кем. Если да – Александр потерял последнюю власть. И? по мнению министра информации, президент уже не стоил и толики внимания. Обидно...

Все последние события – действия министров, сообщения в СМИ, громкие уголовные дела, акции оппозиции, поступки самого Прагмина – приводили к неприятному заключению. Премьер-министр метит в кресло президента на ближайших выборах. Он решил выйти из тени и заполучить власть в стране, а сделать это проще всего через самую ак-

туальную и обсуждаемую тему – Теломеразин. Сначала пообещать референдум, а затем и снять запрет. Лучший президент всех времён и народов, который спасёт людей от самой смерти. Идеальный правитель и отец нации. Какая разница, что с этой нацией будет потом?

«Насколько банальная история. Властолюбец и наивный амбициозный гордец, который верит, что что-то когда-либо изменится. Какое разочарование его ждёт», – улыбнулся Александр. Но стоило признать, что трудолюбия и упёртости сопернику было не занимать. За короткий срок перетянуть столько людей на свою сторону, создать команду, которая теперь работала как слаженный механизм, перемалывая противников препарата. Кажется, этот поезд уже не остановить.

Президент тяжело вздохнул. Оставался только один интересный вопрос: «Когда это всё началось?» Как он, политик с таким огромным опытом, мог упустить момент, когда власть утекла из рук? Как он стал безвольным зрителем на чужом спектакле? Где и что он оставил без внимания? Почему вовремя не заметил? Куда отвернулся? Может, именно в такой момент человек осознает, что постарел? Когда вдруг реальность других людей оказывается гораздо быстрее и динамичнее, чем твоя собственная. И дело совершенно не в возрасте. Дело в том, что ты попадаешь в капсулу, в которой время идёт совсем по-другому, а большая часть очевидной для всех информации до тебя не доходит. Кажется, он просто не заметил, что соперник превратился во врага, а трон –

в фарфоровый унитаз.

Александр набрал знакомый номер. В ухе раздались гудки. «Медлит, скотина...»

Наконец будто издалека донёлся сонный голос:

– Да, алло...

– Привет, Витя! – поздоровался президент так, как не здоровался уже десятилетие. Обычно он использовал формальное – Виктор.

– Добрый вечер! – уже бодрее отозвался Виктор. – Что-то вы поздно. Два часа ночи...

– Потерял счёт времени. Бессонница.

– Бывает...

– Ты уже дома?

– Да, давно, – зевнул министр.

– Зачем ты так, Витя?

Молчание.

– Всё должно меняться, Александр Владимирович. Мир уже изменился, а вы не успеваете, – сухо отозвался Виктор.

– А людей за что? Ты же всё понимаешь.

– Люди сами делают выбор. Они получают только то, что хотят и что заслужили. Они хотят новую власть, они хотят препарат. Я им это дам.

– А если ты их убьёшь?

– Это будет их выбор и их право.

– Но можно же было по-другому? Мы могли всё обсудить.

Виктор усмехнулся:

– Зачем обсуждать что-то с тем, кого можно проигнорировать?

– Какой же ты урод!

– Я избавился от иллюзий и перестал думать, что люди лучше, чем есть. И что их судьба – моя ответственность. Я даю им их же мечту. Моя ли вина, что они мечтают не о том? Вдруг побочку устранят? Всякое бывает.

– А если нет?

– А если нет, то мы продумаем новую демографическую стратегию.

– Но ты мог подождать! До результатов эксперимента осталось чуть-чуть!

Виктор усмехнулся.

– Никому не выгодно, чтобы эксперимент завершился неудачей. Проигрыш не нужен. Вероятнее всего – в дизайне эксперимента найдут ошибки, и он будет продлён, либо стартует заново. Препарат же запустят в серийное производство. Его разрешат в Союзе при следующем президенте. От вас уже ничего не зависит.

– Витя, ты сильно ошибаешься. Власть ещё никому ничего не давала.

– Может быть. Но её отсутствие даёт ещё меньше. Вы сами во всём виноваты. Вы занимались женой, отвергали силовые меры, долго не принимали решения. Не поддержали программу по постепенному вводу препарата. Вам всегда было не до того и некогда. В таких случаях всегда находятся люди,

которым есть дело.

– И это ты?

– Да, я это, я! Мне есть дело до руководства страной, создания правильной стратегии развития и улучшения имиджа страны на международном уровне. Я хочу, чтобы мы были современной европейской державой, а не страной третьего мира.

– Какой же ты дурак, Витя. Ты так ничего и не понял...

– Время покажет. Но мне завтра рано надо вставать. Так что спокойной ночи, Александр Владимирович, спокойной ночи!

– Прощай, Витя.

В трубке раздались гудки. Александр ещё несколько минут сидел и слушал их одинокое мычание.

Глава 28

Александр надвинул кепку на брови, поднял воротник пальто и свернул в тёмный переулок. Тихий зловонный московский закуток, пахнувший канализацией и сыростью. Президент вдохнул полной грудью и поспешил к пятну света вдалеке. Даже такой запах кажется приятным, если последний раз был на свободе почти два года назад.

Президенты не гуляют по улицам. Президенты не ходят в бары. Президенты не сидят в парке на скамейке. По крайней мере в одиночестве без плотного кольца охраны. Александру не часто удавалось сбегать от собственных телохранителей и на несколько часов превращаться в обычного человека. Слишком высока была опасность. Слишком высоки риски. Слишком большая ответственность. Но сегодня был особый случай. Наврав начальнику охраны, жене, Алексею, прислуге и водителю, он-таки смог залезть в чужое пальто и незаметно покинуть резиденцию. Александр понимал, что термин «незаметно» носит в этом случае условный характер. Наверняка, сейчас за ним следовала вереница спецагентов, а в небе завис отряд беспилотников. Но пока он их не видел, можно было представить, что их нет. Он достал электронную сигарету и с наслаждением закурил. Пар осел сладковатой плёнкой на языке.

Яркое пятно приближалось, а с ним и ворчание города:

сигналы машин, пощёлкивание рекламных проекций, голоса людей и едва различимое жужжание энергетических полей. Александр любил мегаполисы и их невротический пульс. У него ушло три часа на то, чтобы добраться до центра города, и теперь он спешно пытался вспомнить дорогу. Без карты или навигатора, которым он за ненужностью не пользовался уже много лет, это оказалось нетривиальной задачей. Президент попытался воскресить в памяти мрачный захлапанный зал китайской забегаловки, в которой его ждал Михаил. И откуда у него такая любовь к странным заведениям? Не мог выбрать другое место.

Переулок закончился. Александр на несколько секунд застыл на месте, пытаясь вспомнить. Но город изменился до неузнаваемости. Кажется, цепь остроносых небоскрёбов выросла ещё больше, на самом высоком из них горела кроваво-красная надпись «Фармитекс». На месте уютного скверика появилась парковка, а школу вытеснил сетевой магазин гаджетов. Небо каждые две минуты озаряло улыбающееся лицо миловидной девушки лет восемнадцати, рекламировавшей средство от морщин. Город выглядел неуютным и чужим. Он не давал ощущения дома, семьи, родины – только холодного промозглого ветра и гулких шагов по мёртвым каменным плитам.

Александр вздохнул и повернул налево. Кажется, туда. В этой забегаловке последний раз он был несколько лет назад, когда Михаил во что бы то ни стало решил похвастаться но-

вым пополнением в коллекции атмосферных и дешёвых заведений. У забегаловки был ряд неоспоримых достоинств: повара, не знающие русский, неприметный вход и малочисленные мрачные посетители. Странное место, чтобы обсудить дела государственной важности, но в этом л весь Михаил.

Министр был первым, кому позвонил президент после разговора с Виктором, и единственным, кому ещё можно было доверять во всей этой политической клоаке. При всех недостатках старый мент, как он сам себя называл, отличался звериной верностью и никогда бы не предал свою стаю. Эта мысль отзывалась в груди приятным теплом. Если уж суждено оказаться в бездне, приятнее оказаться там с кем-то.

Александр медленно шёл по тротуару. По бокам проплывали кислотные вывески ресторанов и баров, обещавшие приятную атмосферу, небывалые скидки, невероятные блюда и напитки, живую музыку и настоящий праздник. Только поверить в праздник мешали постные и серые лица посетителей, то и дело бросавших мрачные взгляды в окна.

Вдруг его внимание привлекла сценка в окне одного из самых дорогих ресторанов улицы. За длинным овальным столом сидели человек тридцать. Во главе спиной к улице на более высоком стуле разместился худенький ушастый парнишка лет семи в аккуратном деловом костюмчике. Насколько хватало обзора, парнишка был единственным ребёнком сре-

ди приглашённых. Вдруг свет погас и в зал всплыло облако света – огромный трёхэтажный торт со свечами. Торт пронесли вокруг стола, чтобы гости любовались, и поставили перед мальчиком. Именинник вскочил, изо всех сил надул щеки и с первого раза затушил свечи. Зал взорвался аплодисментами.

К малышу подошли счастливые родители – ухоженная хрупкая блондинка и серьёзный господин в одинаковом с сыном костюме. Мама принялась целовать малыша, утирая слёзы восторга, а отец пожал мальчику руку, сдержанным, но преисполненным гордостью рукопожатием. Затем он повернулся к гостям и что-то торжественно произнёс. Гости зааплодировали и обернулись к официанту, который торжественно внёс в зал золотую рамку с неким документом под стеклом. Раздались удивлённые возгласы. Официант сделал круг и с поклоном отдал рамку мальчику. Ребёнок пробежал глазами по документу и растерянно посмотрел на папу. Тот широко улыбнулся и обнял сына. Последовали и другие подарки, но Александр отвернулся и зашагал прочь.

Сцена вызвала неприятный холодок в области затылка. Стоило пройти мимо. За время политической карьеры Александру не раз приходилось присутствовать на подобных вручениях подарков. Обычно такой сертификат выдавался фирмой-посредником и подтверждал, что ребёнок в ближайшее время получит гражданство другой страны, билет в один конец и первую дозу препарата. Премияльный подарок, за

который отцу пришлось продать не меньше половины собственного бизнеса.

Президент свернул с улицы в переулок, который привёл его к китайскому рынку, пользовавшемуся дурной славой. Александр зашагал между торговыми рядами. Справа под фонарём собралась подозрительная компания. Они курили и громко матерились. Под ноги бросился одноглазый уличный кот.

– Чёрт!

– Мяу! – сердито отозвалось животное и юркнуло в окно подвала.

Наконец, свет уличного фонаря высветил грязную табличку с россыпью китайских иероглифов. Александр поднялся по протёртым ступенькам. Запахло острым перцем и кошачьей мочой. Где-то наверху звучала азиатская музыка. Александр поднялся на второй этаж и оказался в маленьком помещении с единственным столом, за которым сидел тучный китаец, холодильником и множеством цветных изображений еды, развешанным по стенам. Он прошёл сквозь пластиковую занавеску и попал в обеденный зал с множеством различающихся столов.

– Привет, проходи. Я уже всё заказал! – Министр сидел в полном одиночестве в дальнем углу зала. Михаил был одет в дешёвую толстовку с капюшоном и настолько походил на обычного работягу, что президент даже не сразу его узнал.

– Привет! – Друзья обменялись рукопожатиями.

– Ну, чё как? – Министр протянул бутылку китайского пива.

– Опять дрянь какую-то пьёшь! – проворчал президент, но всё же открыл бутылку и сделал большой глоток. Было приятно выпить с другом пива, хоть и по такому поводу.

– Что есть, то и пью. Мы – люди не гордые. К народу, так сказать, поближе держимся.

– Плохо, что он не с нами.

– Это мы ещё посмотрим.

– Я поговорил с Виктором. – Александр замолчал, подбирая слова.

– И? – Михаил открыл для себя уже вторую бутылку.

– Он идёт на выборы с новой программой. Главный тезис – препарат. Плюс ещё демократизация, свободы, права, повышение уровня жизни и прочее.

– Хреново. – Министр задумчиво почесал голову. – Как думаешь, партия поддержит?

– Думаю, да. Он подсуетился и набрал голоса среди молодёжи. Для них – это отличный социальный лифт, прямой путь во власть. Сейчас его поддержат – уже через два года займут лучшие места в первом ряду.

– Как мы с тобой всё упустили-то?

У Александра замерло сердце. Вопрос, хоть и был ожидаемым, прозвучал внезапно.

– Не знаю, Миш. Сам об этом думаю. Лоханулись как-то. Причём в одно мгновение. Четыре-три года назад и мысли об

этом не было. А тут – кирдык! По всем фронтам. Однажды проснулся, а жопа уже в огне, а вокруг не то что помощников нет, а все ещё бензина подливают.

– А я тебе говорил, – назидательно проворчал министр. – Кто мои доклады не читал?

– Да читал я всё! Но у тебя там одна конспирологическая теория на другой. Многие подтвердились?

– Да. Но я говорил, что этому говнюку верить нельзя?

– Говорил, – сдался президент.

– То-то! – Михаил сделал большой глоток и, икнув, продолжил. – Делать-то что теперь?

– Не знаю... – обречённо отозвался президент. – Я урод, который всех подвёл. Не смог. Не оправдал. Своими руками допустил во власть редкостного мудака и дал ему ключи от всех комнат. Все уже поняли, что я сбитый лётчик и меня игнорируют.

– погоди. Ты ещё пока у руля. Рано сдаваться! Ты многое можешь сделать?

– Хех! Ты не понимаешь – меня тупо игнорируют. Будто меня нет. Ни один менеджер не может ничего, если его не воспринимают всерьёз.

– Ладно, с остальными всё ясно. Но Додик как? Ты с ним общался?

– Пока нет. Встреча назначена на вторник. Хотел с тобой сначала поговорить.

– Я уверен: ему есть, что тебе сказать. Он использует все

возможности и опции. И Виктор для него тоже не лучший кандидат.

– Да, я думал об этом. Виктор и за него тоже возьмётся и приведёт за собой новую команду.

– Именно! Додик должен неплохо помочь.

Александр в задумчивости кивнул, перебирая варианты.

– И это... – Михаил замялся и огляделся по сторонам.

– Что?! – устало поинтересовался Александр.

– Ты уже рассмотрел все варианты... решения проблемы?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... проблема в мудаке, который очень хочет укусить слишком большой кусок пирога. Соответственно, нет мудака – нет проблем...

– Что ты мне предлагаешь?! Ты сдурел? – отшатнулся Александр.

– Подожди, брат! Но в этом правда нет ничего страшного, если задуматься. Нет соперника – нет проблем. Подожди! – Министр остановил Александра, попытавшегося встать с места. – Речь не обязательно идёт о радикальных мерах. Есть много способов. Например, нанести вред репутации, отобрать политические очки, забрать голоса и прочее. Вариантов много. Что ты, как дитё малое?

Александр смутился. В груди что-то неприятно копошилось.

– Я не хочу опускаться до такого. Ты знаешь, к власти я пришёл честно. С честными лозунгами и честной позицией.

Да, предыдущий режим своими ошибками и коррупцией мне сильно помогли. Но никаких махинаций не было. Мне многим пришлось поступиться, многое отдать, но у всего есть границы. Это уже диктатура.

– А лишать народ препарата – не диктатура?

Александр усмехнулся, понимая, к чему ведёт друг.

– Это защита нации.

– А кто может защитить нацию лучше заботливого и внимательного диктатора? – ехидно улыбнулся министр.

– Сволочь ты!

– Все мы, – отозвался Михаил и залпом опустошил бутылку.

Глава 29

Додик назначил встречу на полседьмого. Кортёж президента замер перед министерством в шесть. Александр раздражённо взглянул на часы.

– Чёрт, рано! – проворчал он.

– Что, господин президент? – поинтересовалась Наташа, оторвавшись от интрокома. Последние две недели Наташу приходилось держать постоянно рядом – требовались постоянные комментарии и сообщения. Нужно было быть в курсе последних новостей двадцать четыре часа в сутки.

– Ничего! С пролайфовцами всё?

– Пока да, – неуверенно отозвалась пресс-секретарь. – Но потребуются итоговый комментарий. Выйдет сегодня в вечерних новостях.

– Я уже всё сказал и сделал. Законопроект запущен и, наверняка, будет одобрен. Больше никакой голубики. Хватит! Мы упустили – мы получили реакцию. Больше этого не повторится!

– Хорошо-хорошо. – Наташа выставила ладони вперёд в защитном жесте. – Я не настаиваю, просто от вас требуется сообщение...

– Знаю! Хватит! – рявкнул Александр, но по лицу собеседницы понял, что переборщил, и буркнул: – Прости. Я не хотел.

– Всё хорошо... – промямлила она, уставившись в пол и настойчиво поправляя волосы. – Я всё поняла.

– Подожди меня здесь. – Я закончу с До... министром и быстро вернусь. Пока едем, я согласую материал. Идёт?

– Да, конечно! – наигранно улыбнулась Наташа, всё ещё напуганная.

Александр нажал на кнопку на панели и скомандовал:

– Выходим!

Из машин спереди и сзади тут же выскочили подтянутые охранники, рассредоточились по пяточку вокруг парадного входа и по холлу первого этажа. Когда работа была закончена, один из них подошёл к авто и раскрыл зонт. Александр вышел из машины и направился к зданию. Он досчитал до десяти в попытке успокоиться. Не помогло.

В окружении охранников он прошёл сквозь высокие стеклянные двери и направился к лифту. Клерки, которым не повезло оказаться на первом этаже, вжались в стены и, кажется, пытались притвориться невидимыми. Александр покачал головой – стоило приехать к запасному входу. Один из охранников забежал вперёд и вызвал лифт. Створки моментально открылись. В нос ударил запах дорогой кожи и хороших сигар.

– Двадцать пятый, – раздражённо напомнил Александр. Охранник поспешно нажал клавишу на панели. Лифт взмыл вверх.

Президент смотрел на то, как электронные цифры пере-

текают одна в другую, и прокручивал в голове варианты начала беседы. Разговор ожидался непростой. Самое важное было понять, принял ли уже сторону Виктора Додик, либо сохранял нейтралитет. Обычно министр оставался в стороне от любых интриг и попыток начать дружить против кого-то. Огромный опыт в политике и почти безграничная власть, которую получило министерство после реорганизации ФСБ и ряда других спецслужб, помогали чувствовать себя спокойно и не задумываться о мелких пустяках вроде интриг за очередное кресло. Но вдруг Виктор смог чем-то зацепить мастодонта?

– Приехали! – констатировал президент и вслед за охранниками вышел в просторной коридор. В кабинет министра вела красная ковровая дорожка, полностью заглушающая шаги. Александр окинул взглядом коридор. Похоже, стены тоже не пропускали звуки – в помещении повисла давящая тишина.

Александр преодолел последние метры до приёмной, без стука открыл дверь и подал знак секретарше сидеть на месте. Застигнутая врасплох пожилая дама замерла на полусогнутых ногах и с долькой мандарина во рту.

– Дмитрий Эдуардович у себя? – поинтересовался президент.

– Да-да! – быстро закивала она.

– Отлично! Вы только не волнуйтесь! Присаживайтесь...

– улыбнулся президент.

– Конечно! – отозвалась секретарша и осталась стоять на месте.

Александр пожал плечами и вошёл в кабинет Додика. Вытянутый, нескладный человек с грустными собачьими глазами сидел за огромным деревянным столом в углу и разговаривал с кем-то по телефону. При появлении президента Додик слегка кивнул, показал рукой на кресло перед собой и продолжил слушать собеседника.

Александр быстро преодолел расстояние до стола, опустился в жёсткое кресло. В кабинете министра до этого он был всего раз – ещё в самом начале карьеры – и с удивлением отметил, что обстановка вообще не изменилась. Те же пустые стены и полки единственного шкафа, болезненная сверкающая чистота всех поверхностей и монашеское убранство рабочего места – всего два предмета: старомодные ноутбук и телефон. И всего один, но вопиющий компромисс с общей аскетичностью – огромный раскидистый апельсин обжил дальний угол кабинета, соблазнительно сверкая оранжевой кожурой плодов.

– Добрый день! Простите, ждал вас чуть позже. – Додик повесил трубку, встал и протянул через стол жилистую костлявую руку, из которой, казалось, высосали всю влагу.

– Сам виноват – рано приехал! – отозвался гость.

– Чай, кофе, виски? – предложил хозяин, удобнее устроившись в кресле и опустив подбородок на сложенные замком кисти.

– Нет, обойдусь. Спасибо.

Додик молча кивнул и слегка прикрыл тяжёлые веки в ожидании. Министр обладал удивительным качеством – никогда не начинать разговор первым и всегда давать собеседнику выговориться, даже если тот предпочёл бы промолчать. Беседы с ним напоминали разговор с умной собакой – нет более благодарного слушателя, в присутствии которого ты бы чувствовал себя настолько круглым идиотом.

– Хм, с чего бы начать? – поинтересовался президент.

Додик не реагировал. Александр чертыхнулся про себя.

«Хорошо, попробуем так».

– Дмитрий Эдуардович...

Министр заинтересованно повёл бровью.

– Дмитрий Эдуардович, честно скажу, я не хочу ходить долго вокруг и около, хочу поговорить максимально откровенно.

Внимательный и подбадривающий кивок.

– Уверен, что вы уже в курсе планов Прагмина на следующие выборы.

Неопределённый кивок, не выражающий ни согласия, ни отрицания.

– Он хочет баллотироваться на следующих президентских выборах с обещанием разрешить Теломеразин. Вся программа будет строиться именно на этом.

Молчание. Веки министра только чуть-чуть приоткрылись.

– Я знаю, что информация о его планах... и действиях...
– В горле вдруг сильно запершило и стало трудно говорить. –
Была в докладах вашего министерства, но я не придал ей
должного внимания. Сказать по правде, я просто не читал
большую часть информации. И пропустил. Пропустил всё.
Прочитал их только вчера. И все последние события для ме-
ня стали полной неожиданностью. В общем, я капитально
облажался. И, кажется, просрал страну...

Александр произнёс последнее предложение с большим
трудом, но, когда последний звук замолк, он неожиданно
почувствовал облегчение. Кажется, наконец-то пришла яс-
ность и ответ на столь мучившие вопросы.

Повисла продолжительная пауза. Видимо, Додик перева-
ривал услышанное. Наконец он заговорил тихим, но хорошо
поставленным басом:

– Я бы не был столь радикален и поспешен в оценках. Лю-
бое решение или действие требует аккуратности и последо-
вательности. Не стоит торопиться.

– Но...

– Не стоит слишком торопиться в оценках, – сухо по-
вторил министр. – Действительно, группа, о которой вы го-
ворите, достигла определённых результатов, но выходы или
неплохие шансы найти выход есть всегда.

– О чём вы? – недоверчиво поинтересовался президент.

– Насколько я понимаю, озвученные проблемы легко ре-
шаются одним способом – устранением политического со-

перника. Нет соперника – нет проблем. Вы сами пойдёте на выборы, либо будете чуть дальновиднее и подготовите себе достойного преемника, который... будет нуждаться в ваших советах и руководстве. – Додик сделал продолжительную паузу. – Вы были несколько самонадеянны и мало уделяли внимания конкурентам.

– Но...

Министр выставил вперёд руку с просьбой дослушать его до конца.

– Я понимаю, вы всегда были несколько идеалистичны в вопросах власти и демократии. Это объяснимо, учитывая ваш путь в президентство. Но власть как женщина, она очень не любит, когда ею пренебрегают и перестают ревновать. Сейчас она готова отдаться более внимательному ухажёру, у которого на неё есть время. Я бы не хотел показаться старым брюзгой, но я видел ваших предшественников и вижу, какую ошибку вы совершили.

– Почему вы раньше молчали?

Додик горько усмехнулся:

– Вы не спрашивали. Не стоит говорить что-то тому, кто не готов слушать.

– И вы готовы мне помочь?

– Да, готов. Отвечая на ваш следующий вопрос – я сторонник стабильности и считаю, что любые сильные изменения в столь неповоротливой машине как государство ведут к негативным последствиям. Допускаю, что Прагмин во многом

оказался бы более перспективным президентом, но он хочет всё слишком быстро и слишком много. Спешка до добра не доводит.

Александр нахмурился. Ему вдруг стало очень неуютно в кабинете.

– Какие способы решения проблемы существуют?

– Ну, – улыбнулся министр. – От самых очевидных и кардинальных до более изощрённых и тонких. К примеру, можно проследить истинные мотивы Виктора, почему на самом деле он хочет занять вашу должность и разрешить препарат. Нет ли у него связей с крупными компаниями, нашими западными партнёрами и прочими заинтересованными в этом лицами. Эту информацию стоит грамотно обнародовать и подать в выгодном для вас ключе. В общем, воспользоваться их же оружием, которым вы столь долго пренебрегали.

– У вас есть возможности и ресурсы для этого?

– Разумеется. Мы можем провести и обеспечить полноценную кампанию. С вероятностью восемьдесят два процента Прагмин проиграет следующие выборы вам или вашему преемнику, если вы его представите публике в ближайшие два месяца.

– Правильно ли я понимаю, что Прагмин приходил к вам с аналогичной просьбой?

Додик иронично вскинул правую бровь.

– Да, конечно, приходил.

– Давно?

– Два года назад.

– Вы отказали?

– Разумеется. Я ждал вас.

– Что я буду должен вам за это? – почти шёпотом уточнил президент.

– Это мы обсудим после выборов.

– Я бы предпочёл сейчас.

– Возможно. Но я привык обсуждать оплату только после выполненной работы.

– Понимаю. Но вы ставите меня в тупик: отдать всё сейчас Прагмину или надеяться, что вы не заберёте всё после...

– Я только предлагаю варианты. Не волнуйтесь, я уже говорил: мне нужна стабильность. Мы в одной лодке. Мне не нужно больше власти, влияния и так далее. Я только не хочу новых потрясений в стране, мире и своей работе. От этого устали все.

– Хорошо. Я согласен на всё.

– Отлично. В ближайшее время вы получите от меня инструкции. Прошу выполнять неукоснительно. Но главное – сообщать мне любую новую информацию, которая до вас доходит. Всё ясно?

Александр неуверенно кивнул. Кажется, пути назад уже не осталось.

Глава 30

Мэри проснулась от жуткой головной боли. Неизвестный маленький зверёк прогрызал себе норку в глубине мозга, то и дело останавливаясь, чтобы методично прожевать лишние ткани. Язык напоминал старую ссохшуюся губку, а перед глазами плавали ядовитые чёрно-жёлтые пятна. Мэри вытащила руку из-под одеяла и вслепую обшарила полку. С третьего раза ей всё же удалось найти две таблетки и дрожащими пальцами сунуть их в рот. К счастью, в стакане ещё осталась вода. Мэри с большим трудом сделала большой глоток, откинула стакан и обессиленно осела на подушку. В голове гремел салют. Желудок настырно подкатывался к горлу.

– Какого ж хрена!

Из больницы её выписали две недели назад, но состояние так и не улучшилось. Каждое утро до приёма таблеток превращалось в сущий кошмар и изошрённую гамму разнообразных видов боли. Терапевт раздражённо отмахивался, давая понять, что «сама дура виновата и отделалась лёгким испугом». Пожалуй, сейчас Мэри даже была готова с ним согласиться.

На Красной площади Мэри оставила приличный запас собственного здоровья, веру в людей и три дня жизни. В её случае реакция на передозировку голубики оказалась очень жёсткой – сознание вернулось на исходе третьих суток, ко-

гда врачи уже потеряли надежду. Первое, что она помнила, – это монотонное кружение комнаты и нестерпимую тошноту. Благо, желудок был пуст. Дальше были белые халаты, кажется, вопросы кого-то из полиции, уколы и чья-то тёплая рука, которая время от времени сжимала её пальцы. Кто это был – до сих пор оставалось для неё загадкой.

Мэри повезло. Из-за тяжёлого состояния и показаний ребят полиция её почти не трогала. Всё обошлось двумя допросами, на которых она подтвердила, что знает ребят совсем недолго и приняла препарат добровольно из-за желания попробовать. После этого службы от неё отстали. Жаль, что со СМИ всё было по-другому.

Когда она выписалась из больницы и впервые за долгое время вышла на свежий воздух, на крыльце её уже поджидали три десятка репортёров и операторов. Толпа мгновенно сомкнулась и перекрыла доступ кислорода. Лица людей превратились в уродливые маски, надвигающиеся со всех сторон с перекошенными ртами. Гомон их голосов оглушал и вливался в уши непрерывным потоком. Сознание угасало. К счастью, вовремя подоспел Сашка. Он растолкал толпу и, вытащив её, отвёз домой.

На всё её удивлённые вопросы Сашка отнекивался и говорил, что ничего особенного не произошло и их всех так встречали. Примерно через неделю Мэри поняла, что это неправда. Каким-то образом журналисты докопались до истории её семьи и главное – отца, раздув огромный скандал.

Мэри и раньше знала, что её отца звали Михаил Земцов и что он работал где-то в Москве, но никогда не задумывалась, кем именно. Отец никогда не участвовал в жизни дочери, о существовании которой узнал только спустя пять лет после её рождения, ограничившись выплатой щедрых алиментов вплоть до совершеннолетия. Настоящим отцом Мэри всегда считала отчима, удовлетворившись признанием мамы, что связь была случайной и никого ни к чему не обязывала.

Тем ироничнее, что отцом оказался тот самый Михаил Земцов, министр внутренних дел и главный соратник президента. Заголовки новостной ленты Яндекса, которые ей об этом и сообщили, до сих пор стоял у Мэри перед глазами – «Дочь министра готова умереть за будущее страны», «Дочь министра – главный оппозиционер Союза», «Дочь Земцова: Я готова на всё ради победы!» Мэри с ужасом перечитывала статьи и собственные интервью, которых не давала, узнавала подробности своей жизни и детали конфликта с отцом, в котором полностью разочаровалась, и вышла на Красную площадь.

Сначала Мэри пыталась найти какие-то решения и выступить с опровержением, но постепенно оставила эту идею. Появиться на улице она не могла – у подъезда дежурили журналисты, включить интроком тоже – постоянные звонки с просьбой дать комментарий. Но главное – никто не хотел слушать её правду. Всем хватало их собственной. Мэри даже хотелось позвонить отцу и извиниться за всё, но найти его

контакты оказалось непросто, да и было откровенно стыдно.

С тех пор она жила в какой-то прострации. Мэри просыпалась, пила таблетки, заказывала в интернете еду, ела и смотрела дурацкие сериалы и шоу. Не хотелось никуда идти и ничего делать. Ребята её почти не навещали – только Сашка иногда и ненадолго. Насколько она знала – трое (Каст, Марго и Винд) до сих пор были в полиции. Остальные не общались со СМИ и ждали дальнейших распоряжений. Их пока не поступало.

Главной реакцией на акцию стало ужесточение наказания за производство и распространение голубики, а также ликвидация десятков подпольных лабораторий и сотен притонов. В интернете Мэри прочитала, что на улицах появлялось всё больше сонных одурманенных людей с белёсыми глазами. Они бродили в поисках дозы, то и дело натываясь на прохожих. Кажется, полиция их отлавливала и отвозила в больницы.

С мамой и отчимом отношения тоже не ладились. Оба были шокированы поведением Мэри и её состоянием. Они приехали в Москву как раз к тому моменту, когда она очнулась в больнице, провели с ней три дня и уехали обратно. Обоих ждала работа и двое маленьких детей. Мэри чувствовала мамины разочарование и досаду, которые та старалась скрыть, пусть и не очень успешно. Мэри пыталась начать разговор на эту тему, но мама всячески избегала обсуждения и хотела как можно быстрее скрыться от любой шумихи. С тех пор

они редко созванивались, обменивались дежурными фразами, но Мэри на счёт стало приходиться больше денег. Жаль, что их почти некуда было тратить.

Головная боль наконец-то стихла. Мэри приподнялась на кровати, осторожно проверяя, не начнётся ли новый приступ. Бросила раздражённый взгляд на бардак в комнате и, накинув халат, отправилась на кухню, где в холодильнике лежало несколько кусков заветрившейся пиццы.

Щёлкнул чайник, пустив облачко пара. Мэри налила чай и принялась жевать твёрдую корочку. Тошнота подступила с новой силой, но поесть всё-таки было нужно. Чувство вкуса так и не вернулось, можно было жевать хоть бумагу.

Вдруг раздался звук вызова в соцсетях. Мэри вздрогнула – приятных новостей она не ждала. К счастью, на этот раз звонил Сашка.

– Да, привет!

– Привет! Я рядом с тобой. Могу зайти?

– Да, конечно, – удивилась Мэри. – Только я тебя не ждала.

– Ничего страшного. Я понимаю. Жди через три минуты! – бодрым голосом сообщил Сашка.

Мэри подумала об уборке, но тут же отогнала эту гадкую мысль. Сил играть в домохозяйку не осталось. Она встала и отправилась к домофону под его раздражающую трель. Как и обещал, Сашка оказался на пороге ровно через три минуты.

– Как ты? – едва переступив порог, поинтересовался он.

болит постоянно.

– Да, тебе сильно досталось... Но ты молодец, держишься. Это очень круто.

Повисла продолжительная неловкая пауза. Мэри продолжала сосредоточенно жевать, а Сашка напряжённо разглядывал кухню.

– Я хотел тебя спросить... – наконец собрался он.

– Мммм?

– Вернее попросить. – Сашка поджал губы и посмотрел в пол. – С нами, то есть со мной, вышли на связь. Такого раньше не было. В общем, тебя очень просят выйти к прессе и дать интервью.

– Какое интервью? – удивилась Мэри и перестала есть.

– Ну интервью, – Сашка заметно оживился. – Интервью о нашей деятельности, организации, целях, акции... Ребята в полиции, а людям нужна информация. Понимаешь?

– Не понимаю!

Мэри вскочила, подошла к раковине и принялась усердно мыть посуду в попытке избавиться от гнева.

– Люди хотят знать о нас. Мы должны использовать это в наших целях. Это поможет всем.

– Пусть Каст и остальные дают интервью! Я не готова. Я слишком больна. У меня вместо мозга – долбаный вареник, который постоянно болит, ноет и гудит! Я запомнить, какой сейчас год не могу! Не помню, что делала вчера! Читать не могу – строчки расплываются! А на улице начинается пани-

ка. А вдруг это никогда не кончится? – Мэри закрыла глаза руками и только тогда поняла, что уже несколько минут плачет.

Сашка попытался встать и обнять её, но вовремя остановился, вновь сев на стул. Он выглядел растерянным и напуганным. Сашка то и дело двигал губами в попытке заговорить, но что-то ему мешало, и с губ не слетало ни звука.

– Прости... – выдавил он. – Я не хотел.

– Я знаю! – всхлипнула Мэри. – Просто мне страшно. Оставь меня, пожалуйста.

Сашка сделал неопределённое движение рукой и принялся тереть глаза.

– Хорошо. Я сейчас уйду. Но пожалуйста, если тебе вдруг станет одиноко, страшно или захочется поговорить о чём угодно – позвони. Я сразу же приеду. Если помощь там нужна или просто... Хорошо?

Мэри кивнула, то и дело всхлипывая. Ей было очень жалко себя. И было стыдно, что Сашка это видит. Он потоптался на месте и направился к выходу.

– И... Мэри... – раздался голос из прихожей. – Всё-таки подумай, пожалуйста, об интервью. Это поможет ребятам. И Арсу. И всем. Это как бы финал акции, понимаешь? Это важно. Просто нам сейчас тяжело без ребят. Мы не думали, что их так долго... будут держать. Арс обещал помочь, но у него пока не получилось. Подумаешь, ладно?

При этих словах слёзы покатались с новой силой. Грудь

сдавила тупая ноющая боль. Захотелось забиться в тёмный угол и больше не высовываться. Мэри опустилась на пол и свернулась клубочком. Хлопок закрывающейся двери она даже не услышала.

Глава 31

Облава на притон Джо застала Максима врасплох. На дворе стоял приятный августовский вечер. Мальчик возвращался после рабочей смены домой и впервые за долгое время чувствовал себя счастливым – Джо обещал выдать очередную зарплату. За последние три месяца удалось скопить небольшую сумму денег. Но главное – бабушка была надёжно обеспечена лекарствами. Больше всего Максим боялся, что она спросит, откуда у ребёнка нашлись деньги, и придумывал тысячу версий. Но к счастью, вопросов она не задавала, а только грустно вздыхала каждый раз, принимая лекарство. Зато бабушка наконец-то начала улыбаться и лучше видеть.

Максим свернул за угол и вышел на знакомую улицу. Мимо пробегали горожане и гости столицы. Обычно смурные и мрачные, сегодня они тоже выглядели чуть приветливее. Город заиграл новыми красками, будто на него кто-то пролил баночки с разноцветной гуашью. Над горизонтом зависло малиновое закатное солнце, превратившее тени в ярко-фиолетовые длинные полоски, а здания – в леденцовые домики. Желудок настойчиво заурчал – Максим ничего не ел весь день. Но сейчас даже голод и усталость казались приятными. Он наконец-то чувствовал себя нужным и важным. Без его работы десятки людей не получили бы лекарство и страдали.

Здорово, что Джо всё-таки взял его на работу.

Максим шёл и раздумывал, будет ли правильно потратить небольшую часть собранных денег и купить маленькую игровую консоль. Он часто видел их рекламу в городе и всегда мечтал поиграть, но трата казалась неразумной и незаслуженной. При одной мысли о ней сердце бешено колотилось. На ней можно поиграть во столько игр! И последние две недели она продавалась с хорошей скидкой. Но бабушке может понадобится что-то ещё. Для этого нужны все деньги, которые только есть.

Но вдруг его внимание привлёк пузатый чёрный фургончик. Он стоял около подъезда Джо. Максим нервно сглотнул. Сердце на секунду замерло. В груди возникло какое-то неприятное непонятное чувство. Затем мальчик различил странное сплетение тел – шесть ног, только четыре руки две круглые головы.

Максим прибавил шагу. До дома Джо оставалось совсем чуть-чуть. Странная фигура направилась к фургону и приобрела более чёткие очертания. Она оказалась двумя полицейскими, которые скрутили Джо и пытались усадить его в машину. Тот сопротивлялся и что-то громко орал. Кажется, он был под кайфом или пьян.

– Джо! – закричал Максим, бросившись вперёд. – Джо!

Наркоторговец с трудом задрал голову и мутными глазами посмотрел на мальчика:

– О, привет, Малой! Забыл я про тебя. Но видишь, занят

я. Вали домой, к мамке.

– Джо? – растерянно прошептал Максим. – Ты ещё вернёшься?

– Конечно, Малой! Сейчас с этими гондонами покатаюсь и вернусь! – Джо сплюнул кровью на асфальт, попав на ботинки одного из полицейских.

– Вот говнюк! – Полицейский резко двинул рукой и впечатал голову Джо в кузов машины. – Иди давай!

Фургон открылся и полицейские затолкали мужчину внутрь. Он что-то громко орал и, кажется, пел, но Максим уже не слушал. Он не мог оторвать взгляд от кровавых разводов на асфальте. Казалось, что кровь двигалась и пульсировала в такт его собственному сердцу. Руки и ноги налились свинцом и не хотели двигаться. Из оцепенения его вырвал офицер. Он тихо подошёл со спины и грубо сжал плечо.

– Пацан, ты чего тут стоишь?

– Ничего! – выдавил Максим. – Просто Джо денег должен. Отцу. Отец послал меня. Напомнить.

Офицер развернул мальчика к себе, продолжая держать за плечо.

– Врёшь! – отрезал он.

– Не вру! – нахмурился Максим. – Он уже три месяца должен.

Ребёнок попробовал вырваться, но ничего не получилось.

– Какие у тебя дела с этим говнюком? Я видел тебя тут раньше.

– Никаких. Я пришёл, потому что отец попросил. Он не отвечает на звонки.

– А чего он сам не пришёл?

– Дома. Пьяный. Орёт на маму. Требуется денег.

Полицейский недоверчиво посмотрел на Максима и сильнее сдвинул плечи.

– Уверен?

– Да! Отпустите меня! Я несовершеннолетний.

Максим пытался вспомнить инструкцию, которую на такой случай ему давал Джо. Кажется, в ней точно было что-то про адвоката и психолога. Он постарался придать голосу максимальную уверенность и злость. Джо заверял, что это важнее всего. Офицер недовольно сжал губы, но всё же ослабил хватку.

– Ладно, вали отсюда. И больше не попадайся. Увижу – будут проблемы!

Максим молча кивнул, напряжённо вглядываясь в глаза полицейского.

«Главное – не трогай сумку и карманы! Иначе он догадается!»

Несколько секунд паузы и мальчик почувствовал, что может развернуться и сбежать. Он старался идти медленно и спокойно, чтобы привлекать меньше внимания. Но спиной чувствовал упрямый взгляд служителя закона. Путь до ближайшего поворота длился вечность. Тяжёлые ноги не хотели двигаться. Наконец, когда фургон скрылся из вида, Максим

побежал. Так быстро он не бегал никогда. Подворотни мелькали тёмными пятнами, а собственное дыхание оглушало. Вдруг в нос ударила вонь. Максим остановился, огляделся по сторонам и вытряхнул содержимое карманов в мусорный бак – приказ Джо, если вдруг его поймают. Сверху считыватель и пустые пробирки он присыпал мусором и побежал дальше. Хотелось оказаться подальше от этого места. Только бы не поймали!

Глава 32

Бабушка протяжно хрипела. Максим сидел рядом и напряжённо вслушивался в каждый звук, доносящийся с большой койки. Непроизвольно он подстроился под бабушку, и они вдыхали и выдыхали одновременно. Тяжёлый глубокий обрывистый вдох, и протяжный хриплый выдох, будто прыжок с обрыва. Новый рывок вверх – вдох, прыжок вниз – выдох. Больше всего Максим боялся не услышать следующий вдох.

Он наклонился и внимательно посмотрел в лицо старушки. Привычные черты осунулись, морщины стали глубже, а кожа приобрела землистый оттенок. «Осталось ей недолго», – Максим слышал, как врач сказал это медсестре в коридоре. Он попытался догнать врача и уточнить, но тот сослался на занятость и ускользнул.

После облавы на продавцов голубики бабушке резко стало хуже. Она сдавала с каждым днём, будто кто-то высасывал из неё жизнь. Увядала улыбка, замедлились движения, исчезли желания и планы, а затем и разум сдался. Максим всё меньше узнавал в этом призраке любимого родного человека. Казалось, что настоящая бабушка куда-то уехала, оставив вместо себя плохую копию.

Джо так больше и не появлялся в квартире. Видимо, его посадили в тюрьму. Максим подолгу стоял под его окнами в

надежде. Он видел сонных, одутловатых мужчин и женщин, которые тоже приходили к дому и, отчаявшись, вскоре уходили прочь. Максим пытался найти и других торговцев, но всё было тщетно. Как обсуждали взрослые, полиция впервые сработала чётко и уничтожила все источники голубики, до которых он мог добраться.

На оставшиеся деньги Максим старался баловать бабушку и покупать ей всякие вкусности и подарки, но видел, что они приносили всё меньше радости. Хотя в один вечер он смог найти её любимый старый мультфильм про рыбку, которая постоянно всё забывала. Они сидели вместе смотрели мультфильм и ели конфеты. Это был последний хороший вечер, потом случались только плохие.

Максим сидел в больничной палате и думал о будущем. Противный голос в голове подсказывал, что всё изменилось. Он отгонял от себя эту мысль, но спорить было глупо. Родители почти не приходили в больницу и были недовольны, что сын там постоянно торчал. Они не хотели смерти бабушки, но по большей части по финансовым причинам. Её пенсия составляла львиную долю семейного бюджета. В один из дней, когда Максим вернулся домой, то обнаружил жуткий бардак. Родители перевернули все шкафы и вещи и поисках денег или ценных вещей. К счастью, их там не оказалось.

С тех пор Максим часто думал, как ему жить дальше. Жизнь с родителями не предвещала ничего хорошего. Кажется, они бы даже не заметили, если бы он не вернулся до-

мой. Необходимо было найти источник денег и стать независимым. Максим упорно прокручивал в голове разные способы и пути решения проблемы.

Бабушка снова протяжно захрипела. Максим вскочил со стула и наклонился к старушке. Её веки задрожали. Казалось, они вот-вот разомкнутся, и она придёт в себя. Но прошло несколько секунд и чуда не произошло. Она тяжело выдохнула, грудь опала. Наступила тишина. Максим замер, приготовившись к самому страшному. Но спустя несколько секунд раздался свистящий звук – новый вдох. Жизнь продолжалась.

Максим поджал губы и покачал головой. Нужно было действовать. Он склонился над её ухом и тихо прошептал:

– Ба, я люблю тебя. Но я должен идти. Прости меня.

Максим ещё раз прикоснулся губами к влажному холодному лбу, сжал неподвижную морщинистую руку и шепнул «до свидания». Затем отвернулся и, не оглядываясь, вышел из палаты.

Глава 33

Александр проснулся в странном настроении. Он медленно открыл глаза. Взглянул на часы – только полвосьмого утра, на полтора часа раньше, чем нужно. Вальяжно потянулся и вспомнил, какой сегодня день. Сегодня решится всё. Но как ни странно, ни волнения, ни тревоги он не испытывал. По венам растеклось холодное опьяняющее спокойствие, стирающие муки совести, беспокойство и тревоги. От его действий больше ничего не зависело. Осталось только принять изошрённую игру фортуны, долгосрочные последствия мельчайших и грандиозных решений других людей и смириться с конечным результатом. Наверное, так себя ощущает учёный, который вот-вот получит результаты эксперимента всей своей жизни, и он станет либо величайшим гением, либо неудачником.

«Забавно, как всё вышло».

Александр усмехнулся и поцеловал плечо жены. Последнее время они спали в одной кровати. Стаська пока держала обещание и даже чаще улыбалась. Александр только сейчас понял, насколько соскучился по её звонкому жизнерадостному смеху. Он встал с кровати, накинул халат и отправился на кухню выпить кофе и апельсиновый сок.

Уютно заурчала кофеварка. Президент налил стакан сока и посмотрел в окно. На улице стоял холодный промозглый

октябрь. Листва опала раньше обычного, и деревья тянули черные костлявые пальцы к небу в надежде на каплю тепла. Недовольное небо в ответ только хныкало мелким дождём. Президент отогнал неприятные мысли, налил чашку крепкого кофе и погрузился в интернет.

Сборная по футболу в очередной раз не отобралась на чемпионат мира. В США вот-вот разрешат редактировать геном человека в немедицинских целях. Компания Эйпл представила новый айком. Пятидесятилетняя инстаграм-блогер подвергла себя экстремальному омоложению и стала выглядеть на пятнадцать. Врачи спорят, выживет ли она после этого.

«Чушь какая-то! А вот тут уже интереснее».

«Оппозиционеры вышли на свободу. Вчера из здания суда были выпущены участники скандальной акции на Красной площади оппозиционной организации Pro-life. Трое виновных должны будут пройти по сто часов общественных работ за нарушение общественного порядка и закона о митингах и политических акциях. Ранее студенты обвинялись в доведении до самоубийства, убийстве, экстремистской деятельности, организации теракта и хулиганстве. Но после длительного судебного разбирательства большинство обвинений было снято. Также молодые люди не смогут ближайшие пятнадцать лет участвовать в политической жизни страны. Столь мягкий приговор многие эксперты списывают на заслуги адвоката Станислава Джеймса, добровольно

вызвавшегося защищать оппозиционеров. В ближайшее время молодые люди пообещали дать развёрнутое интервью о самой акции, аресте и судебном разбирательстве».

Интроком вдруг завибрировал – входящий вызов. Александр нажал на кнопку. Перед глазами возникло сонное, но довольное лицо Михаила.

– Привет!

– Привет!

– Как жизнь?

– У меня-то что. Рассказывай, как у вас.

Михаил улыбнулся. Ему явно хотелось растянуть время.

– Всё! Взяли его. Уже сидит общается со следователем.

Всё будет просто супер.

– Дело серьёзное?

– Крайне. Додик хорошо постарался. Прагмину не отмыться.

– А остальные?

– Остальных ему придётся утащить с собой.

– Ты уверен? – недоверчиво поинтересовался Александр.

– Абсолютно. Шансов нет. Там есть всё: счета, переводы, связи с «Фармитексом», с госдепом, шпионаж, взятки, даже изнасилование несовершеннолетней. Говорю же – Додик отлично постарался.

– А правда во всём этом есть?

– Какая разница?

– Наверное, никакой.

– Главное – конкурента нет. Следующие выборы твои. Сможешь запретить Теломеразин окончательно. Страна спасена. Впредь будем умнее и будем отстреливать конкурентов ещё на подлёте.

– Да, пожалуй. Спасибо, что сообщил. Действуйте!

– Как скажешь, босс! – бодро отчеканил министр.

– Давай, пока.

– Саш?

– Да?

– Я тебя поздравляю. Ты молодец. Ты удержался и сделал правильный выбор.

Повисла пауза.

– Что-то я не уверен, что мне скажут за это спасибо.

– Люди вообще редко говорят спасибо, когда ты о них думаешь и заботишься. Мы – свиньи неблагодарные. Ты же знаешь. Ты их спас.

– Хотят ли они, чтобы их спасали?

– Ой, это уже философия и демагогия. Не морочь голову ни себе, ни мне. Всё хорошо и даже не думай об этом.

– Постараюсь!

– Ладно, мне идти надо. Давай – пока!

– Пока!

В ухе раздались гудки. Александр нажал кнопку и отключился. К горлу подкатилось странное незнакомое чувство.

– Что-то случилось, милый? – На пороге кухни появилась Стаська. Она улыбалась и смотрела тёплым внимательным

взглядом. Она подошла сзади и обняла мужа за плечи.

– Да нет, наверное. Непростое решение.

– А разве у президента они бывают простыми? – Она выпила кофе из кружки мужа. – Горячий какой. Как ты его пьёшь?

– Как ты думаешь, зло неизбежно?

Стаська нахмурилась.

– Конечно. Добро для одного часто зло для другого. Моя свобода начинается там, где заканчивается свобода соседа. На этом и держится мир.

Александр кивнул.

– Помнишь эксперимент? Крысиный рай, кажется?

– Когда в большой вольер запустили несколько пар крыс?

– Ага, дали им все условия и ресурсы для жизни, они начали плодиться, достигли пика, а потом всё равно умерли....

– Да, помню.

– Как думаешь, что было бы, если бы время от времени к ним запускали котов?

Стаська пожала плечами:

– Гораздо дольше жили бы. Но с котами – это уже не рай, а обычная жизнь.

Александр усмехнулся и крепче обнял жену.

– Пожалуй. Давай заведём кота. Мне кажется, я видел грызуна недавно в саду.

– Так давай скажем садовнику.

– Нет, я кота хочу.

– Хорошо, – немного удивлённо отозвалась Стаська. Она хотела что-то спросить, но Александр прижал её к себе и крепко поцеловал.

Глава 34

Юлия сидела в своём рабочем кабинете и нервничала. К счастью, она обладала достаточным самообладанием, чтобы скрыть лишние эмоции. Журналисты опаздывали. Они запросили у неё комментарий о будущем компании в контексте предстоящего референдума и даже скинули список вопросов. Но Юлия точно знала, что в итоге вопросы будут совсем другими. Журналисты редко упускают возможность надругаться над трупом поверженного зверя. В глазах общественности «Фармитекс» испускал последний дух. Правительство и государственная пропаганда сделали невозможное: за какой-то год фарминдустрия приобрела почти демонический статус и все возможные грехи приписывались именно фармкомпаниям. В одном влиятельном издании Юлия даже наткнулась на статью, в которой всерьёз рассказывали, что в современные лекарства добавляются частички инопланетян и их космических кораблей. В каком-то смысле она была восхищена и приятно удивлена. Всё-таки и в государственных структурах работали профессионалы.

Сейчас Юлии нужно было выбрать правильный тон, чтобы грамотно подать информацию. Необходимо было пройти по грани между признанием собственного поражения и оптимистичным взглядом на будущее, но при этом вызвать у публики нужные эмоции. Нетривиальная задача, но она зна-

ла, что справится.

Раздался пронзительный сигнал вызова. Юлия глубоко вздохнула и нажала кнопку. С того конца интернет-линии донёлся шум и неразборчивая речь. Кажется, говоривших было двое.

– Простите, вас не слышно, – сообщила Юлия.

Ответа не последовало.

– Добрый день, вас не слышно!

Снова тишина.

– Добрый день!

Наконец возникло изображение. В кадре сначала появился женский слишком узкий нос, а затем и его обладательница.

– О, Юлия, простите! У нас небольшие технические неполадки. Меня зовут Наталья. Вы готовы?

– Да, готова. Давно...

– Отлично. Тогда приступаем.

Журналист снова пропала из кадра. Кажется, прикрикнула на кого-то рядом и затараторила.

– Итак, Юлия, скажите, пожалуйста, как вы оцениваете предстоящий референдум о снятии запрета на Теломеразин? Какими, по вашему мнению, будут результаты голосования?

Юлия немного помедлила, успокаиваясь. Затем приятным спокойным голосом заговорила:

– Предстоящий референдум – безусловно явление позитивное. После множества спорных решений населению на-

конец-то дали возможность высказать собственное мнение. Это замечательная тенденция. Мы её всячески поддерживаем. С другой стороны, специалисты и профессионалы индустрии не раз указывали на недостаточную информационную поддержку референдума. У производителей не было возможности полноценно рассказать о принципе работы препарата, ограничениях приёма и возможных последствиях. Нам кажется, что в обществе сложился односторонний взгляд на проблему, что неизбежно повлияет на результаты голосования.

Журналист поспешно угукнула и уточнила:

– Так какими, по вашему мнению, будут результаты голосования?

Юлия улыбнулась и, помедлив, продолжила:

– Я не готова делать прогнозы. Это не в моей компетенции. Но меня беспокоит негативный образ, который сложился вокруг препарата. Различные теории заговора, скандалы, махинации и обвинения в коррупции. Неизвестно, кто за этим стоит, но очевидно, что проведена огромная работа по дискредитации лекарства. Вся эта информационная кампания, конечно же, повлияет на результаты референдума. Было бы здорово, если бы каждый задумался прежде всего о себе и честно ответил на вопрос: «Хочу ли я прожить долгую счастливую жизнь? Хочу ли я, чтобы мои близкие прожили долгую счастливую жизнь?» И исходя из этого, принимал окончательное решение.

– Спасибо большое за ваш комментарий. Но что ваша компания будет делать, если препарат всё-таки останется под запретом?

Юлия усмехнулась.

– Вы прекрасно понимаете, что это коммерческая тайна. Я не могу выдавать все секреты. Но наша компания уважает выбор граждан, каким бы он ни был. Если люди скажут «нет», то это их выбор. В Союзе у нас множество перспективных и инновационных продуктов. Многие из них – это последние разработки отечественных учёных, в исследование которых вкладываются значительные бюджеты. У нас много талантливых и даже гениальных разработчиков, которые могут перевернуть мир. Мы будем и дальше вкладывать средства в эти проекты и поддерживать локальные разработки.

Союз – действительно уникальная и самобытная страна с особенной, часто непростой судьбой. У нашего государства свой путь. И если граждане решат, что этот путь пройдёт без Теломеразина, то мы адаптируемся. Мы диверсифицируем производства и маркетинг и поможем создать и произвести столь же особенные, уникальные продукты. Например, у нас сейчас запускается прекрасный проект натуральных добавок и препаратов, которые сохраняют молодость и красоту на долгие годы и позволяют любой женщине чувствовать себя востребованной и желанной до очень внушительного возраста.

– Прекрасно, Юлия. Большое спасибо. И последний во-

прос. Вы не раз уже комментировали судебное дело в отношении бывшего премьер-министра Виктора Прагмина. Но скажите, пожалуйста, были ли вы лично знакомы с Виктором? И как вы относитесь к обвинению против него?

– Да, мы были знакомы. Встречались несколько раз на правительственных мероприятиях. Кроме того, он консультировался у наших экспертов по поводу препарата. Но напомним, что следствие не обнаружило доказательств его связи с нашей компанией, поэтому я не в праве комментировать всю эту ситуацию. Но лично мне кажется, что его дело вызывает больше вопросов, чем ответов. И в нём ещё предстоит разобраться не одной комиссии.

– Спасибо, Юлия. Напоминаю, что в нашем эфире была Юлия Гинзбург, директор по развитию компании «Фармитек»с в странах Восточной Европы. Мы благодарим вас за комментарий, а с вами, дорогие наши зрители, увидимся сразу после рекламной паузы.

На фоне заиграл весёлый рекламный джингл. Журналист придвинулась к камере и затараторила:

– Юлия, спасибо за комментарий. Он выйдет ещё сегодня два раза в выпусках новостей и затем в вечерней программе. Спасибо.

– Вам спасибо! Всегда рада помочь. До свидания.

– До свидания. Всего хорошего.

Собеседница отключилась. Юлия осталась в одиночестве. Она встала с места подошла к огромному панорамному окну

кабинета. Из него открывался вид на центр столицы. Жизнь кипела и бурлила где-то внизу у подножья каменных глыб небоскрёбов. Юлия прижалась лицом к ледяному стеклу и улыбнулась. Давно она не чувствовала такого воодушевления. Её ждало всё новое: повышение, зарплата, проекты, победы. В очередной раз судьба подсказывала, что она на правильном пути и фортуна сама несёт её на вершину мира. Нужно было только не мешать дарам судьбы сыпаться сверху.

Глава 35

Мэри сидела и растерянно смотрела в экран монитора, где припозднившиеся граждане покидали избирательный участок. Всё было кончено. Судьба Теломеразина решена.

Последние две недели для Мэри стали сущим адом. Постоянные сомнения, бесконечные вопросы, доводы «за и против», страхи и надежды слиплись в неразрывный клубок эмоций, который застрял в груди и мешал есть, спать, пить и даже дышать. Казалось, что четырнадцать дней превратились в одни нескончаемые сутки. Мэри довела себя по крайней степени психического и нервного истощения, но правильный ответ так и не находился.

С выписки из больницы прошёл год. Жизнь вернулась в свою колею. Мэри, конечно, пришлось отрастить волосы, сменив радикальный красный оттенок на природный русый и стать скромнее в одежде, чтобы было проще затеряться в толпе. Но постепенно журналисты отстали сами собой. Появились новые героини революции, более общительные и смелые в высказываниях. Затем пришло время и антигероев революции, предавших идеи во имя денег и власти. Мэри перестала быть информационным поводом и смогла вернуться к учёбе и более спокойным увлечениям: чтению и рисованию. Она даже приняла предложение редакции университетской газеты и теперь рисовала для них забавные иллюстрации на

злобу дня. Некоторые из них стали университетскими мемами. Было приятно.

С членами группы, кроме Сашки, она сталкивалась редко. И почти всегда они старались сделать вид, что не заметили друг друга. Ни ссор, ни конфликтов не было, но общаться почему-то было сложно и как-то не о чем. Редкие новости о ребятах рассказывал Сашка. В целом у всех всё было хорошо. Дело закрыли. Алекс, Каст и Марго попали на программу социализации, но в итоге она свелась к месяцу общественных работ и паре недель зубодробительных лекций о государстве и долге гражданина. После же громкого дела Прагмина, отставки правительства и загадочного исчезновения Арса о них и вовсе забыли. Объединение рассосалось, все занялись своими делами и, насколько было известно Мэри, перестали собираться. Появились другие приоритеты, исчезли сначала бюджеты, а потом и трансляции. Оппозиционное движение растаяло как октябрьский снег. Вместо него они с Сашкой записались на скалолазание и уже выступали на соревнованиях. Сашка окреп, возмужал и теперь выглядел серьёзнее.

Мэри теперь редко читала новости и мало следила за политикой, хотя изменение общего курса было очевидно даже для неё. Исчезли многие телепередачи, по разным причинам закрылись несколько её любимых интернет-изданий. Блогеры стали реже высказываться на политические темы. Главной темой заголовков стала война в дружественных странах

Латинской Америки, куда Союз поставлял вооружение, специалистов и гуманитарную помощь. Досталось и фарминдустрии. Дело Прагмина повлекло за собой ряд журналистских расследований о деятельности крупнейших фармкомпаний и их связи с политическими партиями в разных странах. В результате возник новый бум спроса на средства народной медицины, гомеопатию, управление энергиями и всевозможные способы чистки организма. Мэри постоянно попадалась на глаза реклама древних секретов, природных компонентов и натуральных добавок.

Тем удивительнее была новость, что референдум о судьбе Теломеразина всё-таки состоится. Спустя столько лет руководство страны всё же решилось задать самый важный вопрос населению, что вызвало неоднозначную реакцию. Одни ликовали и радовались торжеству демократии. Другие не верили и настаивали на фиктивности будущего голосования. Но факт оставался фактом – этот день настал и Мэри оказалась перед тяжелейшим выбором: идти или не идти, но главное – как голосовать.

Врождённое упрямство и принципиальность заставляли идти – иначе клеймо труса и предателя. Но неготовность определить судьбу препарата уговаривала остаться дома и предоставить людям самим решить свою судьбу. Мэри оправдывала себя тем, как много она сделала, чтобы референдум вообще состоялся. И этого было достаточно. Но отказаться от главной цели, ради которой они столько боро-

лись – глупость. Она взвешивала все «за и против» и никак не могла определиться. Почему-то сейчас галочка в соответствующей графе в бюллетени пугала и вызывала тошноту.

В конечном итоге Мэри решила стать интернет-наблюдателем, чтобы проследить за честностью референдума, а уже определиться с собственным голосом в самый последний момент. Целый день она провела за просмотром трансляций с веб-камер избирательных участков Дальнего востока. Нарушений было много: карусели, вбросы, поддельные документы и хакерские атаки. Странные женщины и мужчины прятали электронные устройства под одеждой, пытались проголосовать подростки и даже дети. Но почему-то Мэри стало всё равно. Примерно с двух часов дня она перестала фиксировать нарушения и начала бессмысленно переключаться между участками. Апатия и полная растерянность заполнила мозг и парализовала пальцы. Они безжизненно замерли на клавиатуре и постепенно онемели.

На экране тем временем древняя бабушка, тяжело волоча ноги, покинула избирательный участок. Раздался пронзительный звуковой сигнал, возвестивший об окончании голосования. Судьба препарата и будущего страны определена. Осталось только понять, каким было решение. Хотелось верить, что оно было правильным хоть для кого-нибудь. Мэри почувствовала острую резь в глазах, вскочила, захлопнула ноутбук и побежала в ванную.

Эпилог

Максим сидел в кресле и аккуратно переворачивал потемневшие мягкие страницы. Казалось: стоит сделать резкое движение, и они рассыплются в пыль. Книга. Настоящая книга. Раритет и один из самых ценных подарков, который только могла преподнести Марта. Маленький томик поэзии, изданный в середине двадцатого века, был не интересен коллекционерам, но для Максима он стал связью с прошлым и бабушкой. Её любимые стихи.

Максим привлёк себе жену и с трепетом поцеловал:

– Спасибо тебе. Ты так умеешь угадывать с подарками. Огромное тебе спасибо... за всё. Ты самая-самая лучшая.

– Я очень рада, что тебе понравилось. Я правда очень старалась. С днём рождения ещё раз!

– Мне очень с тобой повезло.

Он сжал объятия. На душе было тепло и спокойно. Марта погладила волосы мужа и чмокнула его в нос. Максим прошептал ей на ухо:

– Люблю тебя!

– А я тебя! Ой, а сколько времени?!

Он взглянул на панель интрокома:

– Полчетвёртого!

– Варя вот-вот придёт, а у меня ещё ужин не готов. Отпусти меня! – Она попыталась высвободиться из объятий, но

Максим не отпускал.

– Отпусти! Пожалуйста! – Марта скорчила жалостливую гримаску.

Максим ещё раз поцеловал жену в висок и разомкнул руки. Марта быстро вскочила на ноги и невесомой стремительной походкой умчалась на кухню. В проёме он видел то её чёлку, то широкий подол жёлтого домашнего платья. Ему невероятно нравилось, что она любила готовить, хлопотать по дому и иногда напоминала курицу-наседку. Казалось, Марта была создана из уюта, запаха хлеба и свежести чистого постельного белья.

Жили они скромно. Максим ремонтировал старых роботов, а Марта делала винтажные украшения на заказ. Максим редко вспоминал события прошлого. Они затёрлись и ушли в землю вместе с родителями, соседями и прежними знакомыми. Сейчас у него были жена, дочь и любимое дело. Настоящая роскошь, если вдуматься. Немногочисленные коллеги и приятели порой подшучивали, называя его подкаблучником и домоседом. В ответ он добродушно посмеивался и спешил вечером домой, чтобы обнять любимых девочек. Своё счастье он обрёл и искренне желал того же всем остальным, особенно в их беспокойное время.

Страна опять разваливалась. Прежние республики вспомнили об этнической идентичности и заявили о намерении отделяться. Мировой кризис и истощение природных ресурсов сказались на производстве и росте экономики. Инфля-

ция, падение производства, высокие налоги, отвратительная экология и коррупция за два года до выборов похоронили администрацию президента. Оставалась надежда, что к выборам появится новый кандидат, который сможет всё исправить и наконец-то привести страну к процветанию. Но Максим почему-то в этом сильно сомневался. Жизнь научила его только одному: у каждого счастье разное. И неразумно пытаться причинить своё счастье другому. Ещё глупее – перекладывать заботу о своей жизни на чужие плечи. В обоих вариантах ничего хорошего не выходит.

Максим ещё несколько минут полюбовался женой. Улыбнулся, покачав головой и погрузился в чтение. Такие знакомые и такие чужие строчки сплетались в узор давно забытого детства. На миг показалось, что он слышит тяжёлое дыхание и едва различимый тихий шёпот: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» Будто время повернулось вспять.

Вдруг из прихожей донёсся шум возни, писк замка, грохот упавшего предмета, и на порог ввалилась раскрасневшаяся Варя в расстёгнутой куртке и с горящими глазами:

– Родители... – Она судорожно хватала ртом воздух. – Быстрее! Быстрее! Там... Там.

– Что случилось?! – Марта бросилась к дочке. – Тебя обидел кто-то?!

– Нет! Нет же! – Она даже топнула от возмущения. – Включите телевизор! Там люди! Много! На улице!

– Теракт?! – вскрикнула Марта.

– Нет!

– Толпа людей. Требуют чего-то. Кажется... – растерянно добавила Варя. – Я в новостях видела. Включайте быстрее!

Максим нажал на кнопочку интрокома, на стене тут же появилось изображение. На Красной площади собралось несколько тысяч людей, одетых в бело-синие цвета. Огромная толпа волновалась и бушевала как гигантское животное. Казалось, оно дышало и недовольно ворочалось. Ему хотелось вскочить и помчаться вперёд, но приходилось только лежать и копить ярость. Камера то и дело выхватывала надписи: «Долой коррупцию!», «За демократию!», «Даёшь правду!», «Требуем справедливости!»

– Боже мой! – Марта испуганно осела на подлокотник кресла. – Что творится-то! Ужас какой!

– И чего они добиваются... – покачал головой Максим.

– В интернете было написано, что свободы... – деловито заметила Варя.

– Ещё бы... – грустно отозвался Максим.

Вдруг камера переключилась на невысокую сцену, на которую поднялся худенький молодой человек в пуховике и направился к стойке микрофона.

– Какой ушастенький! – захихикала Марта.

– И нос длинный! – добавила Варя.

Молодой человек поправил микрофон, глубоко вздохнул и окинув толпу чересчур серьёзным взглядом заговорил:

«Друзья, мои дорогие друзья! Сегодня мы собрались здесь,

чтобы бороться. Бороться со всем, от чего мы устали, что мы больше не можем терпеть в нашей любимой и великой стране. Защищать свою свободу, свои права, свою жизнь. Мы долго терпели произвол, преступления и насилие. Но пора поставить точку и сказать – хватит!..»

Молодой человек продолжал, но Максим перестал слушать. Оратор постепенно набирал громкость и размах. Слова неприятно били в уши, но не достигали сознания. Хотелось отрешиться и оказаться где-нибудь далеко. На маленьком живописном острове, где можно будет выращивать кокосы и коз, жить в собственном доме и жарить вечерами кукурузу на огне... Кстати, об огне. Станный запах. Кажется, что-то горит.

– Марта! Ужин горит! Горелым пахнет!

– Вот я растяпа! – Марта спохватилась и побежала на кухню. – Простите. Я всё сделаю.

Максим с Варей переглянулись:

– Пойдём к маме! Мир как всегда на грани краха. Ему не поможем, так хоть ужин спасём.

Он погладил дочку по голове, и они вместе отравились на кухню. В тот вечер они втроём долго возились с подгоревшей домашней ветчиной, проветривали комнату от неприятного запаха и размышляли о будущем.

Для создания обложки использована фотография «DSC_1344», фотограф Niko Knigge. Фото взято с сайта

www.flickr.com, Photo credit: Niko Knigge on VisualHunt / CC
BY

[https://www.flickr.com/
photos/103269775@N04/18220759896/](https://www.flickr.com/photos/103269775@N04/18220759896/)